

Инна ГОФФ

СОВЕТЫ БЛИЖНИХ

ПОВЕСТЬ

Нет, он совсем не похож на Колю. Коля был человек! Если бы меня спросили, какое главное качество было у брата, я бы сказала — чувство долга...

А этот!.. Вы только посмотрите на него... Жених! Дурачок какой-то!.. Вы видели что-нибудь подобное? Ты, герой! Надень китель, покажись гостям!..

Он спит, лежа на спине, приоткрыв рот и слегка посапывая. Он вырос, и тахта стала коротковата, а лицо все такое же детское. Даже не верится, что ему уже двадцать. Я смотрю на него и думаю: вот так он спал на койке в казарме...

Китель с голубыми петлицами висит на спинке стула. Много всяких значков — я в них не разбираюсь. Знаю только комсомольский значок. И десантный — парашют на синей эмали и подвеска с цифрой «восемь». Восемь прыжков. Он мне про них не писал, и я усомнилась — прыгал ли? Может, выпросил у кого значок?.. Он рассердился. Сказал, что, конечно, мог и не прыгать — для радиомеханика это не обязательно. Просто хотелось все испытать.

Два года я ждала его писем. Считала месяцы, дни, часы. Стояла в очереди к почтовому окошку — сигареты «Прима», карамель «Снежок», сапожный крем. Девушка сочувственно улыбалась, оформляя квитанцию с номером полевой почты. В каждом письме я посылала ему рубль, в праздники — три рубля. Борис говорил: «Ты его балуешь!..»

Витька учится на вечернем юридическом, а днем работает в мастерской по ремонту телевизоров и радиоаппаратуры. В тот вечер ему не надо было идти на занятия. Бориса еще не было дома. Его организация перебралась на другой конец города, и он не приходит раньше восьми.

Рисунки
Г. ВАНШЕНКИНОЙ.

Мы с Витькой поужинали вдвоем и пили чай. И вдруг он сказал, что, пожалуй, уедет. Я обалдела.

— Далеко собрался? — спросила я.

— Хотя бы к Симке Чижову, на Север. Вот такой парень!.. Тоже дембель семьдесят пять. Посмотри мой альбом, там он есть.

Мне знакомо это словцо, производное от слова демобилизация.

— Ты решил бросить институт? — спросила я, как могла, спокойно.

— В общем, да.— Он встал из-за стола и, отодвинув чайник, прикурил от горелки.— Все эти талмуды не для меня. Если б можно было стать судьей, не зубря все эти статьи...

— Ты имеешь в виду суд Линча? — Я еще пыталась шутить.

— Ну, зачем же! Просто мне надоело, понимаешь? Я радиомеханик. Но это не все. Я умею косить, асфальтировать улицы и дороги, укладывать рельсы... Мне дала это армия за два года! Не находишь ли ты, что система высшего образования...

— И что ты будешь делать на Севере? — перебила я.— Штукатурить или косить? — Он меня раздражал все больше.

— Возможно, пойду в лесничество. У Чижова отец лесничий. Он даже Симке писал: если кто из ребят изъявит желание...

— А я-то мечтала, что мой сын станет культурным, образованным человеком!

— Культурным!— Он усмехнулся. — Ты знаешь, что сказал один мудрец? Культура — это то, что остается после того, как человек забыл все, что сдавал на экзаменах...

Он смотрел на меня. Я чувствовала, он чего-то не договаривает.

— Ну, чего уж там! Добивай!— сказала я. — Жениться надумал, что ли?

Мне казалось, что я безумно сострила. Что он расхохочется и поперхнется горячим чаем. А я буду хлопать его по спине, чтобы он прокашлялся, как в детстве.

— В общем, да,— сказал он.

И комната поплыла.

Он что-то говорил. О какой-то девушке, которая писала ему в армию письма, а потом взяла и приехала... Да, на три дня! Только затем, чтобы повидать... «Ты вот приехать не догадалась, а она...»

Что-то случилось со мной. Я бросала в него чем попало, и он ловил на лету все эти предметы— мочалки, кастрюли, тарелки. Не зря в детстве он был вратарем в своей школьной команде.

Кое-что все же разбилось — две чашки и блюдечко для варенья. Я выделяла адреналин в страшном количестве. И наконец он иссяк, а может быть, просто иссякли силы. Мы оба тяжело дышали.

— Ну, мать, ты даешь! — сказал он. — Валерьянки накапать?

— Дурак! — сказала я и заплакала.

Хорошо, что Бориса не было дома. Когда он пришел, все было уже на своих местах. Борис любит порядок. Он у нас исключительно правильный. Уходя, гасит свет. Не ломает насаждений, не перегружает последние вагоны метро и не дает детям играть с огнем. Детей у нас в доме нет, если не считать Витьку, который собрался жениться...

И ни в одном письме, ни разу!.. А может быть, я пропустила? Нет, я знаю все его письма, каждое наизусть. Он писал мне обо всем — о погоде, о том, как прошли учения и как они строем ходили в театр. И сообщал, на что потратил мою рублевку, хотя такого отчета я от него не требовала. Рублевку он тратил на пряники и конфеты — он любит сладкое. Его письма казались такими детскими!.. Об этой девчонке — ни слова. Нет, что-то было! Короткая приписка, я не придала ей значения. Возможно, потому, что это была всего лишь приписка.

Постскриптум...

Мне не терпелось остаться одной и перечитать эти письма под иным углом зрения. Но они, Борис и Витька, как назло были дома и, глядя на экран телевизора — шла какая-то муть,— лениво перебрасывались словами.

— У вас в роте был телевизор?— спрашивал Борис.

— Даже цветной. Подарок соседней части. Я же об этом писал...

— Да, вспоминаю. Избаловали вас. В мое время телевизоров не было, тем более цветных.

— Но печатный станок уже изобрели? И этот, как его... Дагерротип?..

— Ефрейтор Звонцов, два наряда вне очереди!..

Борис не служил в армии. Верней, служил очень недолго, вскоре после войны. Он заболел гриппом, начались шумы в сердце, и его уволили в запас. Да и что это была за служба! Какая-то хозяйственная часть при Доме офицеров... Но он любит говорить об армии: «В мое время...» — и знает много солдатских баек. Одна из них про ефрейтора. Попросился солдат к бабке в хату переночевать. Она ему: «Заходи, внучек». «Я, бабушка, не один. Мы с ефрейтором». «А ты Ефрейтора к забору привяжи...»

С тех пор, как мы узнали, что Витьке, как отличному солдату, присвоили звание ефрейтора, я это слышала раз двести.

«Бабка, пусти переночевать». «Заходи, внучек». «Я с ефрейтором...»

Витька смотрит на меня ожидающе — когда я начну посвящать отца в его планы? Но я не спешу. Во-первых, я за себя не ручаюсь. Во-вторых, у Бориса больное сердце, по крайней мере он так считает. И потом... Может, это еще не очень серьезно? Мне хочется лишь одного — перечитать его письма.

Наконец все стихает. Борис, шурша вечерними газетами, удаляется в нашу комнату. Витька достает из постельного ящика простыни и с непривычной для меня ловкостью застилает свою тахту — до армии я всегда стелила ему постель.

Нагнувшись к моему уху, он шепчет:

— Привет чемпиону по метанию тарелок!

Я небольно щелкаю его по носу.

Он засыпает мгновенно, предоставив мне мучиться и не спать всю ночь.

— Ты скоро? — спрашивает Борис. — Я гашу свет.

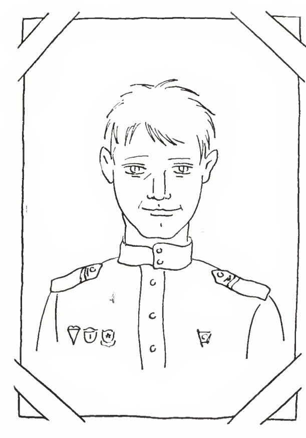
Можно не смотреть на часы — Борис гасит свет ровно в двенадцать.

— Скоро, — говорю я. И достаю из книжного шкафа альбом и связку писем.

Как тесно спрессована в них двухлетняя жизнь моего сына!..

Я листаю альбом. «Дембельский альбом» — так называет его Витька. Фотографии, рисунки, афоризмы. И, конечно, самолеты. Они на каждой странице— то взмывающие в небо, то пикирующие к земле. Одним словом, авиация. И за каждым смелый росчерк — по-научному, как я уже знаю теперь, инверсионный след. На первой странице лозунг: «Два года, 24 месяца, 730 дней, 17 520 часов, 1 051 200 минут, 63 072 000 секунд — без капремонта!»

Фотокарточки ребят, служивших с Витькой. Под каждой фамилия и несколько слов на память. Некоторые парни мне знакомы по письмам. Я даже знаю их клички — Эллипс, Болт, Тезка. Ашота Боряна зва-

ли ласково — Ашотик. У моего была кличка Москвич. «Как ты понимаешь, это ко многому обязывает,— писал он тогда, — но что поделать, в нашем взводе больше нет москвичей». Вот и Симка Чижов!.. Грубоватые черты, белесые ресницы и брови. И дурацкое прозвище — Оклахома. Под фотографией: «Салют, Москвич! До скорой встречи на наших широтах! Жму краба! Серафим Чижов, он же Оклахома...»

— Вот тебе — «до скорой встречи»! — Я показала Оклахоме фигу и захлопнула альбом.

Из крана капало, но не было сил встать и прикрутить его до конца.

Почему нет спокойной жизни? Когда в доме тишина, и дыхание сына за моей спиной, и мерцание фонарей за окном...

Нет, я не вынесу, если он женится и уедет!

Перебираю письма в поисках злополучной приписки. «Ничего теплого не нужно, это не по форме — старшина отберет». Не то... «К нам приезжал начальник штаба. Чистили, драили все до блеска»... Это первый год службы...

Вот она, черт ее побери!..

«P. S. Срочно!

Я вам недавно прислал свое фото, где снят со всеми знаками и значками — «Специалист первого класса», «Отличник ВВС», «Гвардия» и другие. Мать, будь добра, пересними на хорошей бумаге и вышли мне. В принципе мне нужна одна фотография. Поезжай в Марьину рощу. Второй проезд, дальше не помню... Эта фотография нужна мне архисрочно, то есть немедленно...»

Я сижу, уставясь в четвертушку тетрадного листа. О д н а фотография, на х о р о ш е й бумаге, с р о ч н о!

Только слепая курица могла не заметить, что сын влюбился!

«...А какие тут закаты! Вокруг ночь, только на западе пламенеет горизонт — закат. Несколько часов назад здесь пролетели бомбардировщики, оставив за собой газовый шлейф. И вот ярко-малиновый горизонт весь исчерчен этими темно-фиолетовыми полосами. Впечатление такое, как будто стоишь на гигантской эстакаде в окружении звездного неба и смотришь на планету Марс, медленно выплывающую из черноты космоса, всю изрезанную тайнами и каналами...»

Господи, это же все о любви!

— Борис!— позвала я, устав смотреть в темный потолок.— Боря, случилась ужасная вещь!..

— Мм-м? — спросил он.

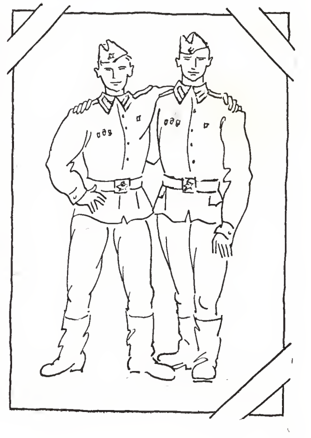
— Ужасная вещь, Боря! Витька женится!..

— Спать! Спать! — сказал Борис и, не открывая глаз, похлопал меня по плечу.

— Он сказал, что бросит институт...

— Почему обязательно ночью? — пробормотал Борис и шумно повернулся на другой бок.

Наше утро начинается в семь. Борис поднимается первый. Он принимает душ, бреется и ставит чайник. Когда чайник вскипает, он будит меня. Мы вместе завтракаем, и Борис убегает. После чего я бужу Витьку. Он неплохо устроился, работает в трех кварталах от нас. Неторопливым шагом минут пятнадцать. Ну, а мне вообще к часу дня. Я логопед—занимаюсь исправлением речи у младших школьников.

— Спушай, мне приснилось, что Витька надумап жениться? — спрашивает Борис, помешивая ложечкой в стакане.

— Если бы! — говорю я. — К сожапению, зто явь!..

Борис приготовляет себе бутерброды. Намазывает хпеб маспом и сверху кпадет ломтик копбасы без жира.

— Как ее зовут? — спрашивает он.

Я ожидапа любой реакции, топько ие зтой.

— Неужели тебе ие безразпичио, как ее зовут? Можно подумать, что депо в имеии! Остапьное тебя вполие устраивает!..

Меня лросто бесит спокойствие, с которым он жует свой бутерброд.

— Так вот, твой сыи вчера заявип, что хочет бросить институт, жениться и уехать на Север с мопо дой женой,— говорю я. И мститепьно замечаю, что лроцесс жевания прекращается.

Борис смотрит иа меня ошарашеино, потом депает глотательное движение и наконец произносит:

— Это иадо поломать!..

— А как ты зто ломаешь? Как? — Я лрикрываю кухоиную дверь, чтобы не разбудить Витьку. — Она к нему лриезжапа! Да, брала три дня за свой счет. И он уже ставит ее мие в лример!.. Откуда я знаю, до чего у них там дошло?

— Не делай большие глаза, — говорит Борис. — Мы зто попомаем!..

Он смотрит иа часы. Ему пора. Ои цепует меня в щеку и иа цылочках пересекает лроходиую комнату, где стоит Витькииа тахта. Я провожаю его до передией. Зимиий плащ иа подстежке тесноват ему в груди — верхняя пуговица вседа отрывается. И сейчас оиа висит на честном слове.

— Не застегивайся иа верхнюю,— говорю я.— Вечером лришью...

Я привожу себя в порядок. Грею воду дпя термических бигуди. Тоня, у которой я причесываюсь к праздникам, их презирает. «Разве чтоб добежать до парикмахерской», — говорит оиа. Все же они меня выручают. Я смотрю на себя в зеркапо без отвращения. Красивой я никогда не была. Красивой считает меня только Борис, хотя именно он дал мие прозвище Обезьянка. У иего зто звучит ласково. Иногда и Витька пытается называть меня так, вспед за отцом. Но я ему запрещаю. Нечего фамильяриичать! Конечно, ему повезло, что у него мопадая мама, ио зто еще иичего ие значит!..

Мне жапко его будить. Он спит, обияв подушку, как-то подмяв ее под себя, словно боится, что ее у него отнимут. Виешие ои лохож на меня, такой же смуглый и темиобровый. Волосы тоже темиые, только начали отрастать. Босая нога — сорок третий размер — торчит из-под простыии. Да, тахту лридется менять! Придется ли?..

Я все время думаю о вчерашием. Слова Бориса меия слегка обиадежили. Может, и правда, попомаем?.. И я прииимаю решение — с Витькой об этом ни слова. Пока ои сам не заговорит.

— Ефрейтор Звоицов!— зову я и исполняю сигнал «подъем». Ои меия обучал зтим сигналам.

— Ты все перепутала,— говорит он, лриоткрыв одии глаз.— Ты сыграла «отбой», и теперь я должеи еще вздремиуть!..

Я включаю радио иа полиую мощность — передают увертюру к олере «Аида» — и убегаю готовить завтрак. Витьке иичего ие остается, как вскочить с лостели и убрать звук.

Он делает зарядку, луская в ход гаители и растягивая иа груди зспаидер. Иногда сиимает с гвоздя боксерские перчатки — он их приобрел еще до армии — и тузит двериой косяк со зверским выражеиием лица.

Потом ои ллещется лод душем, и, когда возиикает лередо мной в треиировочном костюме, с ясным и детским лицом, я весело рапортую:

— Ефрейтор Звонцов! Разрешите допожить — кушать подаио!..

Сегодня его любимый завтрак: взбитая яичница и кофе.

— Ну, что? Дома лучше, чем в армии? — спрашиваю я ревииво.

— Смотря в каком смысле,— говорит ои.— Еспи в смыспе еды, то иас кормили иеплохо. Питание в армии —дело государственной важности!..

— Но такой яичницы ты там не еп? Сознайся!

— Сознаюсь! О такой яичнице я мечтал два года! Каждое утро, когда я зачеркивал масло, я прибпижал к себе миг, когда смогу ее съесть в условиях нашей кухии!..

— Да, тогда ты мечтап о доме,— говорю я. И умолкаю. Нет, ни слова о вчерашием! Возможио, зто его удивпяет. Ну, что ж, вчера ои удивил меня. Так удивип, что я всю иочь не могпа уснуть!..

По утрам ои зачеркивал маспо. Кто-то из остряков подсчитал, сколько за два года службы солдат должен съесть маспа. Проглотив свою порцию, оии зачеркивали в самодепьиом капендарике очередную цифру. Эта игра особенно утешала салаг-первогодков в первые месяцы службы в армии. Салага, Солобои, Салалет, Чижик — иасмешпиво-иежные прозвища иовобраицев. Год прослужип, и ты уже иа полпути к дому. Ты уже ие Сапапет какой-нибудь, а Шиурок, Черпак, Фазан!.. И служить тебе весепей. Но дии идут, и вот ты уже Старик, а там и Дед — зто уже лосле того, как олубпиковаи приказ министра обороиы об увопьиеиии в запас твоего призыва... Два месяца до граждаики! Нижняя койка в казарме — уважеиие и почет! И вместе с нетерпеливым жепаиием увидеть своих, по которым соскучипся, пегкая грусть — лрощание с друзьями ло службе...

Я все зто знаю из Витькиных писем. Таких откровеиных, как мие казапось.

— Ну, я пошеп,— говорит он.— Еспи мне будут звонить, скажи, придет лоздио...

— Ты ие зайдешь домой посπе работы? Прямо в институт? — спрашиваю я.

— Еще не зиаю,— говорит он. И достает новый свитер — наш с отцом лодарок к его возвращеиию.— Возможно, я иа занятия не попаду...

Я смотрю на него. Как ои тщательно причесывает лиред зеркалом свои вихры. Как придирчиво разглядывает себя, иахмурив брови и придав лицу строгое выражение.

— Что значит — ие попадешь? — Я ломию свое решение и сдерживаю себя изо всех сил.—Разве зто зависит не от тебя? Сегодня четверг!..

— Да, сегодия четверг. А завтра пятиица. А лослезавтра, как ты сама понимаешь, суб... Чур, не драться!..

Я делаю вид, что хочу бросить в него табуреткой, и ои выскакивает за дверь. Сейчас ои лромелькнет во дворе и скроется в арке ворот. На весь долгий день, до позднего вечера...

Нет, иадо что-то предпринимать! И как можно скорее!..

Я брожу ло дому в своих термических бигуди. Скоро и мне на работу. Может быть, там хоть слегка отвлекусь со своими милыми крошками!.. Эти детки соскучиться не дадут. В лрошлый раз я велела им сочинить предложение, где бы часто

встречалась буква «ж». И третьеклассница Аня Еголина тут же мне выдала: «Мужчины не могут жить без женщин»...

Надо собрать родню и друзей, устроить совет! Друзья у нас есть, а вот с родней не густо. У Бориса всего лишь брат и тетя, у меня вообще никого. Если бы у меня был брат! Когда мне трудно, я всегда вспоминаю о том, что у меня был брат!.. Мой Коля!..

Он лежит в братской могиле на берегу Донца. На мраморной доске обелиска его имя стоит первым, потому что он гвардии лейтенант, а остальные восемнадцать — сержанты и рядовые.

Когда он погиб, ему было, как сейчас Витьке!.. Они ушли в один день—мой папа и брат. Тот день я запомнила на всю жизнь — шестнадцатое июля... И оба погибли. Сначала отец. Мы о нем ничего не знали. Просто от него не стало вестей. Но я продолжала ему писать. Мне было тринадцать лет, я упорно ждала ответа. И ответ пришел.

Наверху сложенного вдвое листка простым карандашом было написано самое это слово — как заглавие.

ОТВЕТ

дорогая доченька Я письменосец этого баталиона но я недавно в нем нахожусь Я вашего Папу не захватил его у попку нет и я не знаю по кокой причине его нет вы сделайте запрос этого полка начальника штаба вам ответят верно

затем досвидания
письменосец Алексеенко Захар Савельевич с 1896 года

Получив этот «Ответ», я утешилась, повеселела. Я была уверена, что отца перевели в другой полк и скоро он нам напишет!.. И только спустя много лет, повзрослев, я поняла, что, назвав меня «дорогая доченька», фронтовой почтальон Алексеенко уже все знал.

Его «Ответ» я храню вместе с извещением о смерти брата— официальным документом, похоронкой, как горько окрестили эту бумагу. Она начиналась словами: «Ваш сын...». Почтальонша Дуся вручила мне ее под расписку в голубой, погожий сентябрьский день сорок третьего года. Все были на полевых работах, а я не пошла — болела. Должно быть, я стала очень белой. Дуся накапала мне каких-то капель и дала выпить. Она носила их с собой, в почтовой сумке.

Потом мы сидели вдвоем на высоком деревянном крыльце и плакали.

С крыльца видна была Волга в мелкой ряби осенних волн.

— Ты думаешь, мне их легко носить? — спросила Дуся, сморкаясь.— Меня уже люди боятся. Мимо пройду, аж перекрестятся...

А я все перечитывала одно и то же: «...уроженец г. Москвы (был вписан наш адрес) в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был ранен и умер от ран...»

— Не говори никому, я от мамы спрячу,— попросила я.

— Ну, спрятай,— согласилась Дуся.— Мне зачем говорить? У меня твоя расписка есть. Ты сама, однако, молчи. Народ болтать любит...

Больше года я прятала от мамы эту бумажку. От людей утаиться не удалось: каким-то образом вскоре все село, где мы жили в войну — мы приехали туда с интернатом, в котором мама работала,— знало о том, что нам пришло извещение. Но маме об этом никто не сказал!..

И вот уже сколько лет я одна! Иной раз мне кажется, что все это мне приснилось— детство в коммунальной московской квартире, дружная семья, где в дни семейных праздников папа с мамой танцуют под патефон модное танго, а мы с Колей им аплодируем. И Коля меняет пластинку и с шутливым поклоном приглашает меня. Мы танцуем вальс венского леса.

Я встаю на цыпочки, чтобы дотянуться до его плеча — он гораздо выше меня. И вот мои ноги отрываются от пола. Мы кружимся на одном месте — комната небольшая, не растанцуешься!.. Мама кричит: «Осторожно, не ушибитесь! Коля, перестань!..» Мелькают стены, потолок, лица — расплывчатыми пятнами... Но я кричу: «Коля, быстрей!!!» И слышу его веселый, слегка задыхающийся голос: «Молодец, Талка! Держись!..» Он с размаху бросает меня на диван, в объятия мамы, а комната — стены и потолок — все еще плывет, и я крепко зажмуриваю глаза...

А когда я их открываю, нет ничего — ни мамы с папой, ни брата, ни этой комнаты с патефоном... Есть только я — женщина в остывших термических бигуди,— неприбранный после завтрака стол и часы, которые показывают, что мне пора торопиться!..

Кабинет логопеда, где я работаю вот уже скоро пятнадцать лет, помещается на втором этаже. Наша школа лучшая в районе. Опытные педагоги, старательный персонал, высокая успеваемость. И мой кабинет оборудован по последнему слову техники — зеркала, плакаты-профили наглядно показывают положение языка при произношении каждого звука. Дидактические игры —лото с картинками на «С», «З», «Ц», альбом на шипящие, на свистящие. На звуки «Р» и «Л»...

Я окончила факультет дефектологии в пединституте. Логопед — это нечто среднее между врачом и учителем. Заикание, недоразвитие речи, сниженный интеллект — даже в нашей, можно сказать, образцовой школе таких немало. А мой кабинет посещают дети из четырех школ района...

Они приходят ко мне на занятия после уроков, уже утомленные непосильным бременем науки, перекусив наскоро в школьном буфете. Я стараюсь активизировать их внимание, превратить урок в игру, развеселить.

Сегодня у меня второклассники. Небольшая группа — пять человек.

— Начинаем гимнастику языка,— говорю я.— Язык трубочкой! Трубочкой, а не чашечкой! Дима Иванов, это относится к тебе! Посмотри на свою соседку, она делает правильно... Теперь язык чашечкой! Молодцы! Язык жалом! Лева Минкин, что у тебя за жало? Это не жало, а лопата. Слыхали выражение — язык, как лопата?..

Они смеются. Их легко смешить — они рады каждому случаю.

— Высунули язык, подули на него! Как следует подули! Теперь все сначала. Трубочкой! Чашечкой! Жалом!.. Молодцы! Взяли лото на шипящие. Лева, иди ко мне...

Я беру вату и спирт — они всегда у меня наготове, ведь приходится лезть в рот.

— Ну-ка, давай посмотрим, в чем тут дело? Вот оно что, толстый язык. Ишь, как ты его раскормил.. Рот открываешь хорошо, как настоящий лев...

Четыре мальчика и одна девочка. У мальчиков с этим вообще хуже. Заикание, звуковые погрешности — это по их части. Зато у девочек чаще другое — недоразвитие речи, снижение интеллекта. Сколько бьюсь с Полиной. Девочка все оглушает. Вместо «газета» произносит «к а с е т а», а вместо «магазин» — «м а к а с и н». Прямо не знаю, что с ней делать!..

— Полина, в следующий раз приходи с бабушкой.

— С а ч е м? — Она смотрит на меня недоверчиво.

— Затем, что я хочу с ней поговорить. Тебя надо показать ушнику.

— С а ч е м? — Голубые глаза, голубые банты в русых косицах. Бабушкино сокровище!.. Небось, и не подозревает, какое ей выпало счастье — иметь свою бабушку? Не то что Валера — носит на шее под рубашкой, как нательный крест, ключ от входной двери. Валера заикается. Это случилось с ним год назад от испуга, когда его пьяный отец схватил со стола нож и стал гоняться за ним по всей квартире с криком: «Убью!..» Валера заперся в ванной и сидел там, дрожа, пока не вернулась с работы мать. Целые сутки он вообще не мог говорить, а потом речь восстановилась, но он стал заикаться...

В прошлый раз я продиктовала им фразу — упражнение на звук «С»: «На севере весной солнце светит круглые сутки...»

— Слово «сутки» понятно? — спросила я.

— Это когда в тюрьму сажают,— сказал Валера.

Сегодня мне трудно заниматься. Невольно возвращаюсь мыслями к дому. Надо собрать совет! Сегодня же! Начнем с родни, что ли... Кибернетик с женой и тетя, для начала хватит...

Мы заканчиваем урок тем же, с чего и начали,— гимнастикой языка. После чего я задаю им задание на дом и отпускаю. Скоро придет вторая группа.

Я поднимаюсь в учительскую и звоню Борису. Он юрисконсульт в строительной организации. К моему счастью, он на месте.

— Не мечи икру,— говорит он, понизив голос, должно быть, рядом люди.— О чем ты будешь с ними говорить? Мы сами ничего не знаем. Даже как ее зовут...

— Ее зовут Мымра,— говорю я и бросаю трубку.

Нет, меня это просто бесит! Какое равнодушие к судьбе сына! И какая самоуверенность: «Мы это поломаем!..»

А как в самом деле ее зовут?..

По пути домой, в метро и потом на улице, я смотрю на девушек, стараюсь угадать, какая она. Наверное, маленькая — длинные любят маленьких. Вон как та, в джинсах и с модной сумкой на ремешке...

Нет, такая не возьмет три дня за свой счет, чтобы повидать моего дурачка! Да она его и не полюбит!.. И правильно сделает! Кому он такой нужен! Только нам с отцом. Мальчишка, недоучка!.. Уважающая себя девушка никогда...

Я ловлю себя на том, что разговариваю вслух, сама с собой. Только этого недоставало!.. Репетирую обвинительную речь на домашнем судилище... Интересно, что она в нем нашла? Я стараюсь быть объективной. Ну, симпатичная морда. Рост, бицепсы. А тут еще летная форма. Душка-военный, как говорится...

Эта, в скромном пальтишке, как будто бы ничего. Нет, она слишком серьезная. Скорей уж вот та, с личиком, расписанным, как пасхальное яичко. Господи, до чего они все накрашены!.. И еще эти парики! Просто не доберешься до естества. Своеобразная форма мимикрии, самозащита — так объяснила мне это наша модница Женя. Она ученая дама, жена Бориного младшего брата. Они оба кибернетики. Мика работает в вычислительном центре, а Женя преподает. Она недавно защитила кандидатскую, и мы шутя именуем ее «доцент наук» — с легкой руки Витьки, который назвал ее так случайно, по своей темноте...

Это и есть наша родня. Самая близкая. И еще Тетя. Борис и Мика рано потеряли родителей. Тетя их вырастила, выучила на свои скромные средства — она была корректором в издательстве. Я тоже называю ее Тетя, и даже Витька, хотя, по сути, она ему двоюродная бабушка. Слово «тетя» стало как бы ее именем — у нее трудное имя, что-то вроде Семирамиды... Я представляю себе, как округлятся глаза Тети, когда она узнает, что Витька хочет жениться. Как она закашляется, сомнет недокуренную папироску — наша Тетя курит...

— Ну, где твой сын? — спрашивает Борис, когда диктор в телевизоре желает нам «спокойной ночи».

— Он предупредил, что вернется поздно.

— Лично я ложусь спать.

— Но ведь мы решили сегодня поговорить!..

— Значит, поговорим завтра.. Ты знаешь, какие в Москве концы!

— Метро до часу...— говорю я. И занимаю свой пост у окна.

Наш двор плохо освещен — правда, лампочки над каждым подъездом. Фонари почему-то не горят, лишь один, возле арки. Он мигает на ветру почти с одинаковыми промежутками — как маяк.

В доме напротив много освещенных окон — не все ложатся ровно в двенадцать, как мой Борис. Привычно нахожу три окна на седьмом этаже — у Колесниковых еще не спят. Там живет Леха Колесников! Наш сосед по довоенной коммунальной квартире, лучший друг Коли. Просто диво, что мы не общаемся. Видимся только на улице, мимоходом. Что-то давно он мне не попадается!..

Борис у меня ревнивый. Черт меня дернул ему сказать, что в двенадцать лет я была влюблена в этого Леху!

Двор безлюден. Противно думать, что Витька где-то болтается. Какой-нибудь тип может пристать... Нет, мне было спокойнее, когда он служил в армии и они даже в театр ходили строем!..

Я не отвожу глаз от арки.

— Ну что, Обезьянка? — говорит Борис и обнимает меня за плечи. Я не слышала, как он подошел.— Пора привыкать! У нас взрослый сын!..

— Что же ты предлагаешь? — спрашиваю я.

— Прежде всего выдай ему ключ от входной двери...

Я вспоминаю Валеру с нательным ключом на шее. Я никогда не видела его отца наяву, только в ночных кошмарах — как он гонится за мной с ножом и кричит: «Убью!..» Нет, я все равно не смогу заснуть, пока Витьки нет.

Он приходит в половине второго. Он продрог и голоден, и его лицо от этого кажется еще более детским.

— Ложись,— говорит он мне.— Я чего-нибудь сам возьму.

Я молча разогреваю ужин. Я так рада, что он пришел! Сколько всего передумаешь, пока стоишь у окна...

— Извини,— говорит он.— Я собирался вернуться раньше, но не получилось...

— Что-то все у тебя не получается! — Я смотрю, как он ест, и думаю: «Поцелуями сыт не будешь...»

— Ничего, мать! В конце концов все получится!..— Он подмигивает мне.— Все будет о'кэй!..

— Завтра вечером у нас гости,—говорю я.— Прошу тебя быть дома не позже восьми.

— Что за гости? — интересуется он.— Мика с Женой и Тетя? Славная компашка! Все свои! Будете дружно меня прорабатывать...

— Что за тон!— возмущаюсь я.— Просто надо же им показаться! Они хотят посмотреть, каким ты стал... Может быть, поумнел...

— Их ждет глубокое разочарование.— Он опять подмигивает.—Мать, не бойсь! Я постараюсь выглядеть дико умным!..

Нет, откладывать нельзя. У меня нет сил выдерживать дальше игру в молчанку...

Я просыпаюсь среди ночи от мысли — они подали заявление!.. Где его паспорт?! Кажется, в ящике письменного стола!

Письменный стол рядом с его тахтой. Крадусь, набросив халат. Я нахожу паспорт сразу, ощупью, и прячу подальше от глаз. Словно гора с плеч!..

К слову «гости» я отношусь ответственно. Гости— это накрытый свежей скатертью стол, аппетитная закуска, горячее блюдо и, конечно, домашний пирог. Так принимала гостей моя мама. Она была хорошая хозяйка, вкусно готовила, но ничему не успела меня научить. Сначала я была слишком мала, потом началась война, и не стало продуктов. А вскоре после войны не стало мамы...

Все же я многому у нее научилась не учась. Может быть, это и есть высшая наука?.. Я люблю свой дом. Мама тоже любила свой дом, хотя мы жили в коммунальной квартире, где были так называемые места общего пользования. И была в кухне, кроме газовой, большая плита, которую топили дровами — их кололи на чурбаке во дворе Коля с Лехой. С Колесниковыми жили дружно. Не помню, чтобы мама мечтала об отдельной квартире. Во всяком случае, вслух.

У мамы я была на подхвате. Сбегать в магазин, взбить белки, растереть сахар с желтками. У меня на подхвате Борис. По воскресеньям я стараюсь использовать его на полную мощность — стиральная машина, пылесос, домашнее консервирование... Но это по воскресеньям. Сегодня свободна только я — у меня нет уроков. Гости приглашены, отступать некуда. Остается один выход—увеличить число оборотов вокруг своей оси.

Все известно заранее. Первой появится Тетя. Маленькое, сухонькое существо со своей неизменной беличьей муфтой. Она войдет со словами: «Какой запах! Яблочный пирог с корицей! Я угадала?.. Дети, как я рада вас видеть! Где этот негодяй?! Где он?!»

И она извлечет из муфты шоколадку. Сколько раз, отправляя Витьке посылку в адрес полевой почты, я вкладывала в нее такую же шоколадку с припиской: «От Тети».

Мика с Женей прибудут на такси. У них есть своя машина— «Жигули» новой модели, но они пользуются ею только в летние месяцы, а на зиму запирают в гараже. Борис боготворит Мику и смотрит на него как бы снизу вверх, что само по себе не трудно — Мика выше ростом. Они мало похожи, но есть что-то общее в манере держать голову— чуть откинув ее назад, и от обоих веет некоторым высокомерием. Одинаковая походка — оба косолапят,— мнительность и какая-то эмоциональная заторможенность роднят их гораздо больше, чем чисто внешняя схожесть. Я тоже боготворю Мику. Так было задано, запрограммировано с первого дня нашей общей с Борисом жизни. Мика умница, талант— слово «гений» витало где-то поблизости,—его надо боготворить. И я боготворю его, хотя и с некоторыми оговорками. Зато Женю я просто люблю. И немножко ей завидую. Сейчас, когда мне худо и нужен родственный совет, я больше надеюсь на Женю.

Появляется Тетя с шоколадкой. Хлопает дверца такси. Мы все в сборе, и стол накрыт. Нет только Витьки. Его нет в восемь. И в половине девятого. И в девять без четверти. Мы садимся за стол без него. Борис наливает всем по рюмке, и мы пьем за возвращение сына из «рядов» и за то, чтобы «все было хорошо». Это любимый тост Тети. Она пьет кагор, а мы водку, настоянную на корочках. Собственно, что может быть «хорошо»? По-моему, это катастрофа. Конец света!.. Где он болтается? У этой девки, конечно. Так неужели нельзя оторваться на пять минут и позвонить домой?! Хотя бы затем, чтоб сказать в трубку: «Не ждите меня, я не приду!..»

— Ну, загулял мальчик,— говорит Тетя.— Что вы от него хотите? Можно подумать, что вам никогда не было двадцать лет!..

— Салат сказочный,— хвалит Женя.— А паштет! Паштет!..

Милая, добрая Женя! Тебе хорошо, у тебя дочка в третьем классе— такая же милая, добрая девочка, какой была в детстве ее мама. Дочка-отличница, будущий «доцент наук»...

— Ну, успокойся, Талочка!— Мика гладит мою руку.—Не кипятись! С точки зрения современной науки и техники все идет нормально. Представь себе, что ты ракета-носитель! Ты вывела корабль на заданную орбиту, после чего неминуемо должна отделиться!..

— Выхожу я ночью на орбиту,— напевает Борис. Он блаженствует в кругу родни. В конце концов это его родня! И Тетя, надымившая своей папироской, как хороший маневровый паровоз. И Мика, с аппетитом уплетающий куриную ножку. Мика любит поесть.

Я взвинчена до предела. Если сейчас он мне попадется, я просто его убью!..

Под предлогом, что надо согреть чайник, я выхожу в кухню. Но и здесь часы, от них никуда не денешься, без семи минут десять!..

Нет, у меня это просто не умещается в голове! Ну, люби! Женись! Уезжай к чертовой матери! Но как можно забыть о близких?! О том, что тебя ждут к столу?!. Если только ничего не случилось...

Эта мысль все время подспудно сидит во мне. Может быть, он спешил домой, торопился... Такое движение! Там, в маленьком городе, он отвык...

Я торчу у окна. Мне видны темный двор и арка ворот. Опять эта арка! Соседи прогуливают собак. Только в нашем подъезде собаки у шестерых. Овчарка, два сеттера, такса, бульдог и дворняга. Засыпаем и просыпаемся под собачий лай. Как в деревне...

— Она вам не нравится?

— Мы ее еще не видели!.. Даже не знаем, как ее зовут!..

— Братцы! Чего вы паникуете? Надо на нее посмотреть!..

— Это еще зачем? Мы в корне возражаем. Против самой идеи!..

— Ах-ах, они возражают! Почитайте художественную литературу!.. Там тоже кое-кто возражал...

— Пора пришла, она влюбилась!..

— Женя, ты исключительно начитанная женщина!..

— Когда твоя отличница принесет тебе в подоле неизвестно от кого...

— Борис, прекрати!..

Нахожу три окна в доме напротив. Когда мы впервые столкнулись на улице случайно, лицом к лицу, это было как чудо. Как предначертание судьбы! То, что мы с Лехой снова соседи, как до войны. Мы даже не поговорили ни о чем. Он просил, чтобы я ему позвонила — у него легкий номер, я запомнила его сразу наизусть. И показал свои окна, на седьмом этаже...

Каждый день я собиралась ему позвонить, но что-то мешало. Может быть, то, что он моего телефона не попросил...

— Где Наташа?... Тала! Иди к нам!..

— Меня волнует вопрос с институтом. Ему не нравится юридический...

— А что ему нравится?

— Мне кажется, он сам не знает. Просто эта девчонка крутит ему мозги. А он еще мальчишка, сопляк. Самоуверенный дурачок!..

— Тала! Иди к нам! Тут серьезный вопрос!..

— Она на своем посту. Дежурит у окна... Все же любопытно, где этот шельмец?.. Пока что он заявил, что его не устраивает система высшего образования. Он, видите ли, считает ее весьма устаревшей.

— Доля истины в этом есть. Уже разработана машина, которая сама находит доказательства теорем. В нее закладывается аксиома, условия. И она копирует посредственного студента...

— Ага! Все же посредственного!..

— Это сейчас! Братцы, несколько лет — и она обшлепает настоящего математика!.. Машина не умеет ставить задачи, а решить она сможет все.

— Я в это не верю!..

— Правильно, Тетя! Верить мне вовсе не обязательно. Потому, что я занимаюсь лженаукой. В старом словаре так и сказано черным по белому: «Кибернетика — лженаука...»

— Мика, не заводись!..

В арке ворот возникает Витька. Увидев в окне мой силуэт, он виновато машет рукой. Я не отвечаю. Во мне все кипит. И все же на сердце становится легче, словно разжался сжимавший его кулак...

Половина одиннадцатого.

— Мама, я пытался звонить...

Я молчу. Зато в комнате его встречают восклицания радости, удивления. И поцелуи...

— Талочка! Как он вырос! Красавец! Знаешь, на кого он похож? Нет, не на тебя! На твоего брата Колю!..

Это говорит Тетя. И тут я взрываюсь.

— Нет, он не похож на Колю,— кричу я.— Коля был человек! Я его уважала! Если бы меня спросили, какое главное качество было у брата, я бы сказала: чувство долга!.. А этот! Вы только посмотрите на него!.. Жених! Вы видели что-нибудь подобное?.. Ты, герой! Надень китель, покажись гостям..

Он покорно, как манекенщик, надевает китель. Он надевает его всякий раз, когда к нам приходят гости. Наши или его друзья. Форма ему к лицу. Голубые петлицы и значки. Тетя ощупывает каждый, как бы желая удостовериться, что они настоящие. Парашютный значок приводит ее в восторг.

— Витюша! Ты парашютист? — В ней есть что-то детское, в нашей Тете.

— Мы делаем прыжок с кровати на горшок. И мускулы крепки у нас...— Это Борис. Он тоже сердит на Витьку.

— Расскажи что-нибудь,— просит Мика.— Что-нибудь «за военную службу», как говорят в Одессе.

— Служба как служба,— говорит Витька. Он важничает.— Пока привыкнешь, трудновато. А потом ничего. Моя специальность — радиомеханик, был старшим экипажа... В общем, осуществлял наземную связь с самолетами...

— Звучит шикарно,— говорит Женя.— А что-нибудь смешное?..

— Смешное? — Витька задумывается.— Может быть, про рояль?

— Про рояль, пожалуйста,— вторит Тетя прокуренным баском. На старости лет она сделалась театралкой и сейчас, должно быть, чувствует себя в первом ряду партера.

— Старшина построил роту и скомандовал: «Кто умеет играть на рояле — два шага вперед!» Ну, шестеро вышли. «А теперь,— говорит,— берите этот рояль и тащите его на второй этаж...»

Все смеются, только Борис скептически замечает:

— Этой байке в обед сто лет. Но в мое время на второй этаж таскали не рояль, а пианино...

— ...что показывает рост благосостояния,— добавляет Мика.

Потом они разглядывают д е м б е л ь с к и й альбом. Потом просят Витьку спеть что-нибудь из армейского фольклора... Я мигаю Мике — мол, пора начать. Но он отмахивается. По-моему, Витька их всех купил!.. Я и сама смотрю на него без отвращения и уже почти простила его. Глаза блестят, над верхней губой намечаются темные полоски — будущие усы. Похож ли он на Колю?.. Лишь в той мере, в какой похожа на Колю я сама. Но, конечно, мужской вариант...

...Гауптвахту устрою в подвале,
Злую тещу туда посажу,
А дневальным по дому назначу
Молодую красотку-жену.

Он бренчит на гитаре, которую купил, еще будучи школьником, а потом забросил — его увлечения никогда не бывали длительными... Может, и к этой девчонке он скоро остынет?..

...Под окном я расчищу площадку,
Накопаю окопов, траншей.
Утром буду гонять на зарядку
Всю семью, от жены до детей.

Ну, а тещу свою боевую
Марш-бросками я буду гонять,
Песню петь научу строевую,—
Теща будет сама запевать...

Мысль о том, что все его увлечения быстро кончаются, меня несколько успокаивает. Раньше это меня огорчало. Но, как известно, наши недостатки есть продолжение наших достоинств. Или наоборот, как в данном случае...

...А когда подойдет воскресенье,
Их на кухню поставлю в наряд,
Ну, а сам я пойду в увольненье,
Как отличный, достойный солдат!..

Больше всех веселится Тетя в своем первом ряду партера. Она даже хлопает в ладоши. Женя исподтишка показывает мне большой палец. Она кладет голову Витьке на плечо и кокетливо тянет:

— Товарищ ефрейтор, пригласите меня на танцы!..

— Женя, возьми себя в руки! — Мика делает мне знак.— Насколько я в курсе дела, ефрейтор Звонцов уже занят. Как говорили в старину, связан словом. И по этому поводу у меня к нему есть мужской разговор...

Мы с Женей выкатываемся из комнаты. Сложнее с Тетей — она не хочет покинуть стол, ей интересно. Борис обнимает ее за плечи и подталкивает к дверям, но она оказывает мощное сопротивление.

— В чем дело, товарищи? Я хотела еще чаю!.. Куда меня уводят?..

Даже удивительно, откуда берется такая сила в этом сухоньком теле. Борис вспотел — так она упиралась, оттопырив острые локти.

— Мужской разговор! — ворчит она.— Мужской разговор— это драка!.. А ты почему здесь? —обрушивается она на Бориса.—С каких пор ты стал женщиной?..

— Я не желаю при этом присутствовать. У меня больное сердце!

— У тебя сердце, у нее нервы.— Тетя настроена агрессивно и отодвигает чашку с горячим чаем, которым я угощаю ее в «условиях нашей кухни».— Не удивительно, что мальчик хочет от вас сбежать!..

— И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет,— цитирует Женя.

Я стараюсь припомнить, откуда это, и не могу.

— Ну, как вам мой брючный костюм? — спрашивает Женя.

— Потрясающе,— говорю я.— Привозной?

— Нет, у нас сшили в ателье. Правда, по французскому журналу...

— Ты права, у нас в ателье так не сошьют.

Она смотрит на меня оторопело.

— Прекрати! — говорит она.— Если Мика взялся за это дело... Но я бы на вашем месте вела себя иначе!..

Женя берет яблоко из плетеной корзинки, ополаскивает его под краном и с хрустом надкусывает. Стройная, моложавая, она легко вписывается в любой интерьер.

— А именно? — спрашивает Борис, прислушиваясь к отдаленным голосам. Собственно, Витьку почти не слышно, а Мику лишь изредка, когда он, как говорится, «берет нотой выше».

— Прежде всего вам надо с ней познакомиться,— говорит Женя.— И если она вам не понравится...

— ...что скорей всего,— вставляет Борис.

— ...ни в коем случае этого не показывать!.. В конце концов он женится на ней вам назло, если вы не перемените тактику.

— Я приглашу их к себе,— говорит Тетя.— Мне стоит взглянуть на нее один раз, и я поставлю диагноз!.

«Все болтовня,— думаю я.— Гимнастика языка! Язык трубочкой, язык чашечкой, язык жалом...»

На нервной почве я перемыла всю посуду. В том числе и чистую. Борис пошел на разведку и спустя минуту вернулся с донесением:

— Хотите знать, о чем они говорят? Мика объясняет Витьке принцип обратной связи. А мы, как дураки, киснем на кухне!..

Они почти не обратили на нас внимания. Мика снял пиджак и чертил на бумажной салфетке своим «Монбланом» какую-то схему. Витька слушал его, как бога. К еде он почти не притронулся.

— Итак, принцип «контролируй то, что делаешь»,— разглагольствовал Мика, откинув голову, словно любуясь чертежом.— Пример — автомобиль. Если автомобиль ушел влево или дорога ушла вправо — что суть одно и то же,— глаза это проверяют, и сигнал идет в мозг, от него — к рукам, к рулю. Таким образом, тут мы имеем принцип замкнутого управления...— Мика ловит мой возмущенный взгляд и успокоительно моргает.— Где чай? — спрашивает он.— Мне кажется, мы с ефрейтором заработали по стакану крепкого чая с хорошим куском пирога!..

Вскоре они уходят — Мика уважает режим старшего брата. Они надеются поймать такси и забирают с собой Тетю, чтобы по пути завезти ее домой.

— Помни, о чем я тебя просил! — кричит Мика уже из кабины лифта.

— Бу-сде,— отвечает Витька.

И лифт проваливается вниз.

Пока Тетя искала свою беличью муфту, пока прятала в нее — в муфте есть карман — свои папиросы, спички, пока проверяла, тут ли носовой платок и ключи, Мика успел знаками показать, что позвонит завтра. Хотелось бы знать, о чем он Витьку просил! Должно быть, просил подождать, подумать. Взвесить все про и контра...

Я не решаюсь спрашивать. Подожду. Как всегда, после ухода гостей, я наслаждаюсь тишиной. В комнате накурено и пахнет Тетей — она любит крепкие цветочные духи.

«Женя права,— думаю я.— Надо переменить тактику. Пригласить эту девицу в дом, сделать вид, что мы безумно счастливы!..»

От одной этой мысли меня снова бросает в дрожь.

Наш Кибернетик звонит ровно в десять утра. Он звонит с работы. Ни Бориса, ни Витьки нет дома. Я одна. Услышав в трубке голос Мики, я почему-то встала и выслушала его сообщение стоя. Как приговор.

Ее зовут Светлана. Ей двадцать лет. Она уже была замужем, но неудачно...

Итак, она звалась Светлана...

— Ну, ты удовлетворена? — спрашивает Мика. Как будто сообщил мне нечто очень приятное.

— Ужасно,— говорю я.— Все это ужасно!..

— Напротив! Все обстоит отлично!..

— Не знаю, на чем основан твой оптимизм,— говорю я.

— На опыте, моя радость. Исключительно на опыте. В данной ситуации чем хуже, тем лучше.

— Какие вы самоуверенные, Звонцовы! И ты, и Борис, и Витька!.. И даже Тетя!.. Откуда это у вас? Ты с ним даже толком не говорил. Обратная связь, принцип замкнутого управления, какой-то автомобиль.

— А это, по-твоему, что? Это как раз и был разговор. Мы говорили о самоконтроле, о принципе — «контролируй то, что делаешь»... Знаешь, технические примеры звучат убедительней, чем классика... Классику я оставляю тебе!

По тону Мики я слышу, что он обиделся. Человек старается, звонит с работы...

— Мика, солнышко,— говорю я нежно.— Не сердись! Еще только один вопрос. О чем ты его просил?..

— Не понял? — говорит Мика.

— Ты крикнул ему. Уже из лифта: «Помни, о чем я тебя просил!»

Мика молчит.

— Ну, это как раз к делу не относится,— говорит он. В его голосе слышится смущение.— Видишь ли, в его мастерской солидная клиентура... Я просил, чтобы он поузнавал, не продает ли кто-нибудь японский транзистор «Айко». Это отличная штука — два микрофона, один из них встроенный...

Положив трубку, я долго сижу неподвижно. В доме тишина. Та особая городская тишина, которая состоит из множества слитных звуков,— приглушен-

ный двойными рамами гул тяжелых грузовиков, скребок дворника во дворе, воробьиное чириканье и фортепианные упражнения за стеной — гаммы вперемежку с «собачьим вальсом»...

Когда-то мама мечтала, чтобы я выучилась играть на пианино. Своего инструмента у нас не было. Мне наняли учительницу, и я занималась с ней раз в неделю. А упражняться ходила к одной знакомой старушке. Полгода позанималась, и тут — война...

До-ре-ми-фа-соль-фа-ми-ре-до!..

Наши с Колей родители были простые люди, оба — отец и мама — работали на обувной фабрике. Высшей похвалой в их устах было, когда они говорили о ком-то: «интеллигентный человек». Я интеллигент в первом поколении. И возможно, в последнем, если Витька бросит институт и женится на этой...

Фотокарточка Коли смотрит на меня со стены. Он снялся, когда ему присвоили звание гвардии лейтенанта. Мама всегда носила ее с собой, а умирая, не выпускала из рук. Потом я ее увеличила — черты от этого стали расплывчатыми, фотограф их подретушировал.

И все же это мой Коля. Как мне не хватает его сейчас!.. Мне кажется, он нашел бы с Витькой общий язык. Боевой офицер, командир взвода противотанковых пушек. Смуглый темнобровый мальчик с блестящими, как у Витьки, глазами. Да, они у него всегда блестели! Он был фантазер и даже писал стихи. Он писал о войне в Испании, о природе. И о любви тоже — он был влюблен в кудрявую Лялю Белкину из параллельного класса. Потом она стала артисткой, довольно известной. Взяла псевдоним. Как-то я увидала ее на экране и сразу узнала. Раздобыла адрес. Мне хотелось отдать предназначенное ей письмо, которое нам переслали с фронта друзья брата,— Коля не успел его отправить...

Наверное, я пришла некстати. У нее были гости. Она пригласила меня к столу, но я отказалась. Я смотрела на нее глазами Коли. Она была еще хороша, в белой с манжетами нейлоновой блузке и узкой юбке. В черных туфлях на шпильках — тогда они только входили в моду.

Я протянула письмо. Она читала его, подняв бровь и шевеля губами. Прочитала и вернула его мне. Я удивилась, что она мне его вернула. Ведь я принесла ей это письмо насовсем.

— Как хорошо он писал! — сказала она.— У него был талант, я всегда ему говорила...

Ее ждали гости — в дверь все время заглядывали, и слышался чей-то смех. Она сидела на краешке стула, печально склонив красивую голову. Мы обе молчали. Это была минута молчания в память Коли.

Я поднялась первая и стала прощаться.

— У меня было много его писем,— сказала она.— Куда-то все подевалось.

Выйдя на улицу, я долго шла по бульвару. Была осень, и листья шуршали под ногами. Я шла и повторяла про себя стихи Коли про осень, почему-то он считал, что из них может получиться песня.

Вновь журавли протрубили отбой,
Снова по золоту ходим с тобой.
Снова по золоту, бедному золоту,
Пышному золоту ходим с тобой.

Золото кленов, и лип, и берез,
Золото радости, золото слез...

Хорошо, что она мне вернула письмо. Я знаю его почти наизусть. «Здравствуй, Лялька! Ты даже не представляешь себе, как я рад, что тебя приняли в театральное училище. Актер — он и поэт и художник. Все, все искусство сочетает в себе актер! Ты будешь работать в театре, это — большое счастье. На нашей сцене этого великого театра военных действий пока антракт. Скоро начнется новое действие, в котором я постараюсь играть как можно лучше. Поверь, что в этой постановке я играю не последнюю роль, причем играю с душой!.. Я здоров, загорел, как негр. Все, действие начинается. Пиши! Целую. Коля».

Это письмо нашли в его планшете и переслали нам — свернутый треугольник, еще без адреса...

Жил человек!.. Учился в школе, сочинял стихи, любил девочку из параллельного класса... А потом — «куда-то все подевалось»...

Но как он любил! Светло, возвышенно! Не то, что мой Витька. Встретил какую-то, потерпевшую бедствие в первом браке, и сразу — жениться.

Подумаешь, подвиг! Приехала навестить! Скажите, какой передний край! Просто хитрая девчонка — знала, чем парня взять...

На работе я думаю только об этом. Дети чувствуют, что мне не до них, и начинают валять дурака. Уже один стоит в углу, другой за дверью. Откуда он берется, этот сниженный интеллект? Конечно, если родители недоучки и пьяницы!.. Вот записка от любящего папаши: «Зачем вы даете примеры на воровство?..» Я не сразу понимаю, о чем он. Потом догадываюсь: он имеет в виду считалочку. «Карл у Клары украл кораллы, Клара у Карла украла кларнет»... Действительно, нехорошо! Все друг у друга что-то украли! Сто лет я знаю эту считалку, но никогда не воспринимала ее как пример на воровство. «А потом мы удивляемся, что наши дети воруют!» — сказано дальше в записке.

Попадись он мне, этот папаша! Я бы ему сказала!

В перерыве между занятиями звоню Борису, но его нет на месте. И я набираю номер Колесниковых. Почти машинально. Если он подойдет... Но мне отвечает женский голос, и я кладу трубку. В конце концов я позвоню ему... Мы должны увидеться, поговорить о Коле. И о Витьке... Может быть, раз нет Коли, то он, Леха, как его лучший друг!..

Я звоню Нонке. Это моя подруга. Самая умная из моих подруг. Не знаю почему, но так считается. Возможно, потому, что Нонна любит давать советы. Я, например, никогда не берусь советовать. Разводиться или терпеть дальше. Менять квартиру или искать другой вариант. Брать отпуск летом или ждать осени, по путевке или дикарем...

Но вообще-то она умная, Нонка. Она дает людям совет, который они жаждут услышать.

Она преподает у вечерников и, как правило, днем дома. Мне надо «выпустить пар». Я выкладываю ей все как есть — в виде краткого конспекта. Она слушает, вставляя время от времени что-нибудь вроде: «Ну и ну!» или «О господи!»...

— Нонка, ты умная,— говорю я.— Посоветуй, как мне себя вести! Может быть, в самом деле переменить тактику?

— Ни в коем случае,— говорит она.— Это еще зачем?

У нее низкий, сипловатый голос. Такой голос подошел бы брюнетке, а Нонна блондинка. Крупная женщина с голубыми, слегка навыкате глазами.

— Зачем тебе все это надо? Ты должна твердо стоять на своем: никакой женитьбы! Выучись, стань человеком, а тогда ступай на все четыре!.. Нет, меня просто удивляет! Всякий, достигший восемнадцати лет, имеет право жениться. Но ведь есть еще

и обязанности!.. На какие шиши они собираются жить? Напомни Витьке, что он мужчина!

— Какой он мужчина,— говорю я.— Он еще мальчишка. Солляк!..

— Тем более! Что он может ей предложить? Руку и сердце? — Нонна хохочет.— Слушай, Талка! Я придумала гениальный анекдот: «Он предложил ей руку и сердце — больше у него ничего не было...» Ну, как?..

Ей хорошо смеяться. У нее нормальные дети: старший — студент, а младший — в девятом классе. Нонна из тех женщин, которые рассказывают о себе только хорошее. Про мужа — что он принес ей розы в годовщину свадьбы, про сына — что получил грамоту на олимпиаде. Рядом с ней такие, как я, всегда выглядят глупо со своими жалобами и неразрешимыми проблемами...

Меня ожидает сюрприз. Мой сын дома! Я просто не верю своим глазам. На нем тренировочный костюм — верный признак того, что он никуда не спешит.

Он берет из моих рук сумки с продуктами — я всегда покупаю с вечера хлеб, молоко и яйца — и несет их в кухню.

Я стараюсь не выказывать удивления.

— Хочешь есть? Или подождем отца?

— Подождем,— говорит он.

Он настроен спокойно и миролюбиво. Говорит, что какой-то чудак записал ему благодарность в «Книге отзывов», а ремонт был пустяковый. Но почему-то в других местах отказывались чинить...

— Сегодня я оформлял заказы,— говорит он.— Мы чередуемся... Кого только там не увидишь! Один старик приволок радиолу — допотопная, в пластмассовом футляре. Небось, до войны еще купил. Толкую ему: «Отец, мы такие не чиним»,— а он свое: «Она поет, но тихо! Какая-то лампа села, ты только погляди»...— «Ну, чего на нее глядеть? У нас и ламп таких нет!»... А тут иностранка на своем «мерседесе» подкатывает — мы ей магнитофон чинили. Я с ней по-английски — все ол райт, вери вел! Она смеется: хау мач? Я ей: все в порядке, по квитанции донт меншен ит!.. Ну, цирк! Еще двоих отпустил, а тот старикан все толчется. Мне его жаль стало. «Давай, говорю, дед, твою бандуру посмотрим»... Нашел дефект, устранил. Она и заорет, как дурная: «А ну-ка, девушки, а ну красавицы!»... Пластинка та еще! Тридцатые годы, на диске написано «Граммпласттрест». Дед растрогался, сует мне какие-то рубли. Я, естественно, не взял. Тогда он затолкал свой агрегат в клеенчатую сумку и удалился. Потом вижу, возле моего локтя две пачки сигарет лежат. «Товарищи, кто забыл?» Отвечают: «Это ваши. Старик какой-то вам принес»... Между прочим, приличные сигареты, болгарская «Варна»...

— Короче, дали «на чай»,— шучу я. На душе у меня поют птицы. Мой сын дома! Не надо торчать у окна и глазеть во двор, в темную пустоту. Можно забыть о часах — смотреть телевизор, пить чай с вареньем, беседовать о том о сем...

— Да, мать! Кого я видел! — радостно вскрикивает он.— Зельца!..

Саша Зельцер был его школьным другом с первого до восьмого класса. Я эту дружбу всячески поощряла. Мне нравился Саша — глазастый, живой мальчишка. И семья приличная: отец— профессор математики, лауреат каких-то премий, мать — завуч в музыкальной школе. Витька очень любил Сашу. Только и слышалось: «Мы с Зельцем», «Зельц и я», «Я и Зельц». Клюшки, гитара, боксерские перчатки — все это «мы с Зельцем»... Саша увлекался то тем, то другим. Его увлечения влетали нам с Борей в копеечку. Потом Зельцеры переехали в другой дом, Саша перевелся в новую школу. Это была специальная математическая школа. Увлечение математикой вытеснило у Саши все другие, а дружба стала ослабевать. Она не оборвалась, как обрывается туго натянутый провод, а как-то провисла, обмякла. Рассуждая логически, я понимала, что Зельц не виноват в том, что его закадычный дружок «не сечет» в математике. Что для Саши это не увлечение, а дело всей жизни. Но я видела, как Витька страдает, и где-то в душе — отбросим логику! — не прощала охлаждения. И теперь, спустя столько времени, какая-то неприязнь осталась.

— Как Зельц? — говорю я.— Небось, уже институт кончает?

— Ты почти угадала. Он уже на четвертом!.. Сдал за два курса!

Витька произносит это с гордостью. Все же он любит Зельца.

— Ты представляешь? Выхожу из мастерской и встречаю натурального Зельца! Он находит, что я в порядке. А сам! Ты бы видела! Отрастил бородку, вид пижонский!..

— Между прочим, со временем вычислительная машина сумеет обшлепать любого математика!

Я нарочно употребляю Микино «обшлепать».

— Только не Зельца! — говорит Витька. И глаза его блестят.

А мне обидно! Почему Зельц на четвертом курсе, а мой сидит в мастерской и чинит всякую рухлядь! И ему дают «на чай» сигареты!..

Лучше бы он мне не рассказывал про эту встречу.

Приходит Борис, и мы ужинаем втроем. Вернее, это нечто среднее между ужином и обедом.

Не все ли равно, как это назвать. Вечерняя трапеза при свете настольной лампы, будь благословенна!.. Когда не надо стоять у окна, и смотреть в темноту, и ждать, не мелькнет ли в арке ворот знакомый силуэт...

За чаем Витька рассказывает «на бис» про старика с радиолой и встречу с Зельцем. Борис выслушивает его, снисходительно позевывая. Мне кажется, он зевает нарочито, показывая этим свое равнодушие к блестящим успехам Зельца. Не мой характер! Я еле сдерживаю себя, чтобы не сказать что-нибудь ядовитое. Вроде: «Оказывается, некоторых устраивает наша система высшего образования!» или «Между прочим, зельц — это сорт колбасы с крупным жиром»... Нет, нет! Только не сегодня!..

Меня тянет к окну— привычка. Но сегодня все тот же пейзаж выглядит по-иному. Темнота не таит опасности, фонари подмигивают дружелюбно. У Колесниковых в двух окнах темно, а в третьем горит торшер. Странно, что я не встречаю Леху!

Наши собачники уже «на линии». Два охотничьих сеттера, Бой и Леда, прочесывают скверик в поисках дичи. Длинная, как трамвай, такса Беба семенит на коротеньких ножках рядом с коротконогой хозяйкой. Дворняга с роскошным именем Жанна заливается громким простецким лаем, на что бульдог Рамз отвечает брезгливым молчанием. Он призер многочисленных выставок, и у него столько медалей, что ему мог бы позавидовать какой-нибудь генерал-аншеф. А вот и пенсионерка-овчарка со своим хозяином, тоже пенсионером. Овчарку зовут странно— Верба. Она давно поняла, что шпионов не существует, во всяком случае, в нашем подъез-

де. А ей с молодых лет так хотелось поймать хоть одного шпиона!..

Я жалею собак. Одна из самых страшных картин, какие можно видеть в городе,— потерявшаяся собака. Какое отчаяние в глазах! Как, должно быть, мутит от чужих людей! Какая толпа незнакомых запахов и голосов! И все меньше надежды!.. И никакой возможности объяснить!

За моей спиной тишина. Борис и Витька сели за шахматы. Я в этом совсем не разбираюсь. По-моему, это просто хороший способ молчать, сохраняя умный вид. Потом мы снова пьем чай с вишневым вареньем, слушаем песни Высоцкого — Витька принес новую ленту. «Ах вы, кони мои, пр-ри-вер-редли-вые!..» До чего он хрипатый, этот Высоцкий, но что-то в нем есть.

Наш старенький «Айдас» работает еще вполне прилично. В отличие от Мики мы с Борисом не помешаны на всякой технике... «Постою на кр-ра-ю!» — хрипит Высоцкий. Я смотрю на Витьку и думаю: ерунда, все рассосется!..

И не ведаю, что это штиль перед бурей.

— Мы зайдем? — спрашивает он утром. Уже в дверях.

— Не поняла вопроса,— говорю я.

О, как сразу я все поняла! Что-то было в его голосе. Какая-то непривычная мягкость... И я растерялась. Я совсем не была к этому подготовлена, хотя только и занималась тем, что у всех спрашивала совета.

И теперь я пытаюсь выиграть время.

— Кто это м ы?..

— Ну, мама! — Он обнимает меня.— Зачем ты делаешь вид?..

Как плохой ученик перед доской, я забыла все правила и доказательства и тупо молчу.

— Ничего особенного не надо,— говорит он поспешно.— Просто, чтобы вы с отцом были дома... Бутылку мы принесем.

Эта «бутылка» решает все. Я высвобождаюсь из его цепких лап.

— Никаких бутылок,— говорю я.— Это еще что такое? Я надеялась, что ты выбросил этот бред из головы!...

— Я хотел вас познакомить...

— А мы не желаем!.. Ты должен учиться! Кому ты будешь нужен такой?

— Я буду учиться!

— Врешь! Она первая же тебя бросит!..

— Неправда! Она меня любит!..

— Конечно, с одним не выгорело...

Хлопает дверь. Он не ждет лифта. Мне слышно, как громыхают его ботинки, минуя по пять ступенек.

Война объявлена!..

С этого дня он почти перестал бывать дома. В сущности, дома он только ночует. Борис вручил ему ключ от входной двери, и он возвращается, когда вздумает. Иногда в половине второго. Мои бдения у окна носят теперь тайный характер. Я ложусь одновременно с Борисом и, дождавшись, пока он уснет, занимаю свой пост. Я гашу свет, и поэтому с улицы меня нельзя увидеть. Он возникает в проеме арки, и, отпрянув от окна, я тут же ложусь в постель — делаю вид, что сплю. И слышу, как он бренчит на кухне посудой. Должно быть, он ест стоя, прямо из кастрюльки. Он похудел, под глазами синяки. Стал отращивать бороду — «мы с Зельцем»...

Не сын, а бесплатный квартирант, о котором вдобавок мы мало знаем. Однажды он был у нас с ней. Я обнаружила на своем гребешке длинный золотой волос. Потрясенная, я долго его разглядывала. Но что может сказать о своей хозяйке одинединственный волос? Он был тонкий и шелковистый, что якобы свидетельствует о доброте... Но как она смела причесываться моим гребешком?.. Какая бесцеремонность!..

Я взглядом сыщика осмотрела все вокруг, но других улик не обнаружила.

— Как ты думаешь, зачем он ее приводил? — спросила я у Бориса.

— Спроси что-нибудь полегче,—сказал Борис. Мое сообщение не произвело должного эффекта.— Возможно, им нужна была крыша,— добавил он, помолчав.

Борис настроен оптимистически. Он считает, что парень в возрасте Витьки должен иметь личную жизнь. Что с точки зрения морали, поскольку она была замужем...

Речь юрисконсульта. Я так и говорю ему:

— Ты юрисконсульт, а не отец! При чем тут она! У него это первое серьезное чувство!.. Хорошо, хоть молчит про этого. Как его?.. Оклахому!..

Оклахома мне иногда снится. Как я открываю дверь, а там он стоит, с чемоданом и сумкой на плече. Я впускаю его, и он начинает у нас жить. Почему-то он живет у нас вместо Витьки, который уехал на Север... И я во сне умоляю его сделать, так, чтобы Витька вернулся. Вот такой кошмар!.. И все так реально, как будто на самом деле. В моих снах этот Оклахома даже окает: какая-то клеточка в мозгу помнит, что в тех краях, откуда Симка Чижов, он же Оклахома, люди должны разговаривать именно таким образом...

Паспорт Витьки лежит в тайнике. Там, где я его спрятала. В моей тумбочке, под газетой. Каждый день я приподнимаю газету, чтобы проверить, на месте ли он. Пока что сын на него не посягает. И не делает больше попыток нас с ней знакомить. Зато Нонна часто звонит и требует «продолжения» — ее томит любопытство и потребность давать советы. И я рассказываю ей, что могу. О том, что ему пришла бумага из деканата — грозят отчислить из института за непосещение лекций. Сообщаю скупые сведения. О н а работает на почте, в отделе телеграмм. Номер ее почтового отделения Мика обещал выведать.

И тогда можно будет на нее посмотреть...

— Поручи это мне,— говорит Нонна.— Тебе совершенно незачем туда ходить! На тебе же все написано крупным шрифтом! И потом, вы с Витькой — одно лицо!..

Нонна права. Мне вовсе не нужно, чтобы эта девица сказала Витьке: «Твоя мать приходила!»

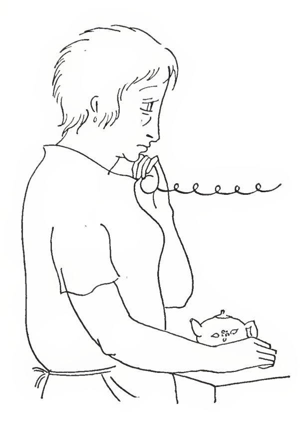
Мика звонит с работы. Он точен, как всегда.

— Записывай,— говорит он. И диктует адрес и номер почты.

Я тут же передаю их Нонне.

Ну, цирк! Так сказал бы Витька... Это его словечко. Он пускает его в ход, когда его что-нибудь поражает. Иногда в развернутом виде: «Ну, цирк зажигает огни!»

В этот день у меня нет уроков. Я брожу по дому, как очумелая. Кидаюсь на каждый телефонный звонок в надежде услышать голос Нонны. Скоро Новый год. У людей уже елки, они хранятся пока

на балконах. В нашем доме я насчитала у четверых и шесть в доме напротив. У Колесниковых елки пока что нет... Странно, я даже не спросила, какая у него семья, есть ли дети. Мне казалось, что мы так близко живем!.. Как до войны, в общей квартире. Что мы будем часто видеться. Прошло два года с той первой встречи, Витька ушел в армию и вернулся, а я все смотрю на окна в доме напротив. Одно принадлежит кухне, оно служит балконной дверью. И еще по одному в каждой комнате. Квартира вроде нашей. И разделяют нас какие-то несчастные сто пятьдесят — двести метров!..

В том году у них была елка. В комнате, где обычно по вечерам горит торшер. Елка стояла у окна, вся в цветных лампочках, они зажигали их каждый вечер. И когда все елки, свергнутые и жалкие, иногда с серебряной нитью мишуры, запутавшейся в колючих ветках, или с забытой игрушкой, уже валялись возле мусорных баков, у Колесниковых елка еще царственно сияла по вечерам и праздник длился...

В прошлый раз мы встречали втроем— мы с Борисом и Тетя. Мика с Женей любят встречать в компании, а мы домоседы. Новый год — семейный праздник, я сумела внушить это даже Витьке. Он всегда встречал его с нами, и в тот день нам его особенно не хватало. Конечно, мы послали ему посылку — все его любимое. И я вложила в поздравительный конверт три рубля. Мы с Тетей только и говорили о Витьке, пили за него, а потом перечитывали его письма. И то, где он описал встречу Нового года в армии в первый год службы.

«Вот и Новый год! Опишу, как этот праздник прошел у нас. В 9 часов вечера мы пришли в столовую. Там были расставлены столы, на столах стояли батареи бутылок с лимонадом, лежали горы печенья и конфет, стояли коробки с тортами. Мы ели, а перед нами выступал наш ансамбль из курсантов. Были аттракционы, игры. Потом подали кофе, яблоки и опять конфеты. Легли спать мы в ноль часов тридцать минут. В новогодней лотерее я выиграл почтовый набор... Командиры, представляете, находились с нами все время»...

Тетя очень растрогалась, даже пустила слезу. А Борис комментировал в своем духе: «Праздник в детском саду! В мое время в армии...»

Нонна все не звонит, и я начинаю злиться. Звоню ей сама.

— Только что вошла,— говорит она.— Подожди, спрячу все в холодильник.

Я покорно жду. Я вижу, как она неторопливо достает из красной матерчатой сумки пакеты и банки. Как, приоткрыв один пакет, достает оттуда что-то — пастилу или пряник — и начинает жевать. И наконец садится на стул, подложив под себя одну ногу и свесив другую,— ее любимая поза. Мне не нужен видеотелефон — мы слишком давно знаем друг друга.

— Я там была,—говорит она, продолжая жевать.— Мне она **а к т и в н о** не нравится.

— Почему? — спрашиваю я упавшим голосом. Можно подумать, что я ждала чего-то другого.

— Не знаю, как тебе объяснить,— говорит она и жует.— Заурядная, понимаешь? Девушка-разгадка,— она смеется, довольная своим остроумием.— Я с ней даже повздорила. Очередь, понимаешь ли, человек десять. Я спрашиваю: «Есть конверты без марок?» Она подсчитывает слова в телеграмме и не отвечает. Я снова спрашиваю. Как ты понимаешь, мне конверты ни к чему, просто хотела, чтоб она глаза подняла — рассмотреть получше!.. Не стоять же мне для этого в очереди! Я опять: «Конверты без марок есть?..» Молчит. Меня уже заело. Кивнуть-то можно!.. Для чего-то мимика существует!.. Я ей так и сказала. Она в это время квитанцию выписывала. Стрельнула на меня глазами и эдак презрительно: «Мимика существует в театре! А на почте очередь!» В общем, наш ненавязчивый сервис в лучшем виде!

— А внешне? — спрашиваю я.

— Я же сказала — обыкновенная. Крашеная блондинка, глаза, кажется, серые...

— Почему ты думаешь, что она крашеная? — говорю я.

— Потому что сейчас все крашеные. И я в том числе...

— Послушай, а может быть, то была не она?..

— Она, она! Я слышала, как ее окликают: «Светик!..»

— Видишь, для них она Светик! Значит, ее в коллективе любят... Ты сама виновата! Ты же мешала ей работать со своими конвертами!..

— Вот человеческая благодарность! — говорит она.— Я тащусь на почту, покупаю ненужные мне конверты без марок... А из тебя, кстати, выйдет отличная свекровь — ты всегда будешь на ее стороне!

Вот и вся информация. У меня нет никаких оснований не доверять вкусу моей умной подруги. И все же в ее словах было что-то обидное. Может быть, не в самих словах, а в тоне. В нажиме, с каким она произнесла это «**а к т и в н о** не нравится»... Здесь крылось какое-то превосходство, какая-то не произнесенная вслух фраза, вроде: «Мой Илья никогда бы не смог полюбить такую девушку!»

Подожди, дорогая! Еще неизвестно, кого тебе приведет Илья!..

Вечером к нам заезжает Мика. Прямо с какой-то конференции, где он выступал. Видимо, выступал с успехом: он возбужден и, как всегда, хочет есть. Я люблю его кормить, и он это знает.

— Бывают благодарные слушатели,— говорит он,— а я благодарный кушатель!..

Я скармливаю ему Витькину отбивную. Пусть ест колбасу, все равно не явится раньше часа!...

— Могу вас развлечь,— говорит Мика, разрезая отбивную.— Конференция была вполне солидная, заседали три дня, а на компот один тип, некий клевый мэн — я общаюсь с ученой молодежью и успеваю следить за новостями жаргона,— так вот этот клевый мэн, а проще говоря, отличный малый, прочел собравшимся стихи Пушкина... Совершенно новые стихи, написанные Пушкиным две недели тому назад. Заложили в машину его стихотворный алгоритм, и она выдала новый цикл... Чушь несусветная! Но вы знаете, братцы, там были отдельные строчки!.. Пожалуй, Пушкин бы не побрезговал!.. Вот, пожалуйста! «Так осень веселее лета, печальней осени зима»...

— Пародия! — говорит Борис.

— Пускай пародия! Но не на кого-нибудь, а именно на Пушкина! Это уже удача... Что такое алгоритм? Это система правил. Чтобы запрограммировать писателя, надо знать его алгоритм. Пародия — это и есть модель писателя. Чем лучше писатель, тем его легче узнать!..

С Микой всегда интересно.

— А мемуары? — спрашиваю я.— Их тоже можно моделировать?..

— Все, что имеет рецепт, уже не творчество,— говорит он.— У всякого писателя так велика энтропия, то есть неизвестно, что он скажет, в какой форме,— что моделировать по-настоящему их смогут еще не скоро...

...Так осень веселее лета,
Печальней осени зима...

Я повторяю про себя эти строчки, которые мог написать Пушкин. Да, мог! Я почему-то сразу поверила. Эти строчки когда-то его мучили, не давались, как бывает, когда хочешь вспомнить сон и не можешь. И он отступил, отогнал их, стал сочинять другое... А то были стихи о женщине! О женщине красивой, уже не молодой, но чем-то лучше молодых.

Эта женщина ему нравилась...

Я фантазерка, мне только дай повод!... Даже эту девчонку Витькину я себе представляла совсем другой. И когда я разглядывала ее золотой волос, мое воображение унесло меня в дальние края, в сказки Андерсена, и мне впервые захотелось ее увидеть!.. Я ни разу не вспомнила о парикмахерской, где изготовляют блондинок!..

— Ну, что? Был кто-нибудь из вас на почте?— спрашивает Мика.

Он слушает меня вполуха.

— Все ясно, братцы. Твоя Нонна ни черта не понимает. На почте был я сам!.. Миленькая девочка, вполне на уровне мировых стандартов. Со мной она обошлась весьма любезно. Даже выдала мне улыбку... Как видите, я произвел на нее впечатление, что свидетельствует о ее хорошем вкусе! А возможно, она просто предпочитает мужчин... И это навело меня на мысль! — Мика отодвигает

пустую тарелку и встает из-за стола.— Братцы! Ее надо закадрить!.. Я за это берусь!

— Ого! — Борис потрясен.

— До чего вы, Звонцовы, самонадеянные! — говорю я.— А как на это посмотрит Женя?..

— При чем тут Женя? Я за это берусь в качестве руководителя эксперимента!..

И он излагает нам свой план. У него в отделе есть отличный мальчик...

— Клевый мэн...— подсказывает Борис.

Нет, кроме шуток, именно отличный мальчик. Программист. Закончил институт в прошлом году, а уже специалист высшего разряда. Золотая голова. Ну и к этому внешность: рост — метр восемьдесят пять, манеры, как у лорда, девицы падают замертво, их поднимают и складывают штабелями...

— Ты думаешь, это ему удастся? — говорю я.— Отбить ее у Витьки?

Мика снисходительно улыбается.

— Отбивать ее не придется: он просто возьмет ее за руку, и она пойдет с ним на край света, начисто забыв про вашего прекрасного сына, а моего племянника... Насколько я понял, в этом состоит задача...

— А дальше? — спрашивает Борис.

— А дальше ваш прекрасный сын, а мой племянник, убедившись в ее неверности... Каким образом? Ну, это пустяки!.. Допустим, они сидят в кафе, а мы с ним случайно туда заходим выпить по чашке кофе... И вот, убедившись в ее неверности — сейчас он абсолютно убежден, что она любит его

до потери сознания и на всю жизнь,— он берется за ум, пишет в деканат объяснительную записку, по вечерам сидит дома и, к радости Талочки, в одиннадцать вечера ложится бай-бай.

— Только в крайнем случае,— говорю я.— Ты понял, Мика? Я на это решусь лишь в крайнем случае! Я вижу, ты уже загорелся!..

— Не делай большие глаза,— говорит Борис.— Еще нужно договориться с лордом!..

— Ну, с Вовкой-то мы поладим. Он знаком с моими трудами по теории управления, и я для него авторитет. К тому же в какой-то степени я его начальство...

— Использование служебного положения в личных целях карается по статье...— Борис называет статью и параграф.

И я, как всегда, удивляюсь его памяти.

Ночью я долго не могу заснуть. Уже вернулся Витька, пошуровал на кухне и рухнул на свою тахту. Рядом со мной, подложив ладонь под щеку, сном праведника спит Борис. Мы с ним обсудили план Кибернетика во всех деталях. Борис доволен. Все, что исходит от Мики, гениально, так он считает...

— И тебе не жаль Витьку? — говорю я.— Ведь это твой сын!..

— Мне жаль тебя,— говорит Борис.— Посмотри, на что ты стала похожа!.. А для него это будет только полезно... По крайней мере наглядно убедится, что парень с законченным высшим образованием...

— Так она и побежала в кафе! — взрываюсь я.— Сегодня у всех высшее образование! И каждый второй — «доцент наук»!.. Ну и что? Кто от этого стал счастливей?.. Ромео защитил диплом? Тристан был кандидатом наук? Я что-то не помню!.. И я еще далеко не уверена, что ей понравится этот лорд-мухомор!..

— Почему мухомор? — смеется Борис.

— Ну, Мика же говорил, что девицы от него мрут, как мухи!.. А возможно, он этого и не говорил. Но что-то в таком роде.

Ночью я думаю о Витьке. Если б он слышал, какие речи я толкаю в его защиту! Только этого недоставало — чтобы он их слышал!.. Я не сплю, и в голове у меня звучат строчки стихов, не написанных Пушкиным. Две таинственные строчки, словно вырванные нетерпеливой рукой из старого черновика.

...Так осень веселее лета,
Печальней осени зима...

Перед работой иду в парикмахерскую. Смотрю на себя в большое зеркало и вспоминаю слова Бориса: «На что ты стала похожа!» Моя Тоня на месте, сегодня ее смена. Знакомый парикмахер хорош уже тем, что ни о чем не спрашивает. Тоня знает, чего я хочу. Даже лучше знает, чем я сама. Это создает душевный комфорт, чувство расслабленности и покоя. В парикмахерской, как в церкви, можно углубиться в себя, помолчать или исповедаться. В зависимости от настроения. И даже послушать музыку: радио здесь не выключают...

— Может, слегка подстричь? — спрашиваю я.

— Рано,— говорит она.

Тоня категорична, и я подчиняюсь.

Она пританцовывает вокруг меня на своих стройных ногах, обутых не по сезону в летние босоножки,— в них не так устаешь. Мягкими движениями она накручивает на бигуди прядь за прядью, от ее рук приятно пахнет миндальным молоком и ланолином.

— И когда уже вы начнете седеть? — спрашивает она.

Это приглашение к разговору. Своеобразный комплимент.

— Вы находите, что пора? — говорю я.— Скоро Тонечка! Вот мой Витька женится!..

— Неужели вы переживаете? Я бы, например, очень хотела, чтобы мой Петька скорей женился!...

— Еще бы! Вашему шесть лет! Когда мой был таким, я тоже хотела, чтобы он скорей вырос...

— Ну, вот. А теперь недовольны!..

— Тонечка, если я покажу вам один-единственный волос.. Вы сумеете определить — натуральный он или крашеный?..

— А то! — говорит она. И ловко стягивает мою голову шелковой сеткой.

Конечно, у меня его нет с собой. Но тогда я его почему-то спрятала. Как вещественное доказательство. И теперь мне приходит в голову идея — разоблачить с его помощью Нонку... Подумаешь, психолог!.. Ей активно не нравится!.. А по мнению Мики, девочка на уровне... Но и он хорош! Благородный дядюшка! А мой дурачок с ним делится!

В кого он такой, Витька? Доверчив в меня, а самонадеян в Бориса! Наградили сыночка чем могли! Опасное сочетание, он не раз в своей жизни поплатится!..

В последние дни у него хорошее настроение. По утрам он насвистывает. Новый свитер — наш с отцом подарок к его возвращению — он носит теперь как будничный. Вернее, у него сплошной праздник!.. Отрастил шкиперскую бородку. Она ему, надо сказать, идет. И все-таки мне смешно на него смотреть — с этой бородкой он как ряженый...

— Тебе место в транспорте не уступают? — спросила я как-то.

В ответ он скорчил обезьянью рожицу. У него это здорово получается — нижняя челюсть выдвигается вперед, как ящик комода, глаза моргают жалобно... Это он меня дразнит, напоминая мое прозвище — «Обезьянка». Да, он еще совсем ребенок! Бородатый ребенок!..

До Нового года больше недели, но все уже суетятся. В магазинах не протолкнешься. Я заметила, что в дни торжеств, как и в дни бедствий, общительность людей резко возрастает. Плетеная сумка, изобретение нашего века, нежно именуемая авоськой, сама по себе — ценный источник информации. Сквозь этот плетеный невод отлично виден улов — болгарские банки с зеленым горошком, венгерские утки в целлофановой упаковке, немецкие елочные украшения, марокканские апельсины... Сведения желающим выдаются охотно, на ходу: «За углом», «Через дорогу», «Нет, только что привезли!»... Все приятно возбуждены и коммуникабельны, как никогда. В школе пахнет елкой — ее уже устанавливают в актовом зале. Разговоры в учительской тоже соответственно изменились: вместо двоек и прогулов здесь обсуждается праздничное меню.

— Вы ее солите, натираете чесноком, смазываете сметаной и кладете на противень...

— А поперчить нужно?

— Не обязательно...

Диалог преподавателя физики с ботаничкой.

Меня этот Новый год мало радует, и я завидую самой себе год назад. Тогда я ждала Витьку, теперь я жду, что он выкинет!..

Мои детишки рассеянны: запах елки из актового зала долетает сюда, в методический кабинет.

— Где Валера? — спрашиваю я.

— Он на продленке. Или в туалете сидит...

— А ты почему опоздал?

— Мама сварила желе...— Это Лева Минкин. Он считает, что таким ответом вполне мотивировал опоздание. То, что он ел желе и никак не мог от него оторваться, я должна додумать самостоятельно. На то я и дефектолог. Чтобы отвлечь их от мыслей о зимних каникулах, я читаю им вслух стихотворение «Соловей» и велю рассказать своими словами.

И Дима Иванов говорит: «Соловей пахнет в воздухе...» А в стихотворении «Соловей» в воздухе пахнет весной, а у нас в школе пахнет елкой...

— Почему у тебя воротничок с бахромой? Ты его грызешь, что ли?..

— Да, я его грызу на уроках.

(Неужели опять будем встречать втроем? Мы с Борисом и Тетя?!)

— Весной распускаются почки... Слово «лочки» всем понятно?..

— У моего деда в пояснице они есть...

(Все же какой эгоизм! Два года не видел родителей и готов променять на любую девчонку! Мика прав! Надо бы его проучить!..)

Я велю им достать лото на «р» и «л», а сама занимаюсь с толстушкой Олей. С ней приходится работать отдельно — боковой сигматизм. «Хебака», «хюмка» вместо «собака», «сумка»... Виноваты опять же родители — слишком долго совали соску, прямо по Маяковскому: «готов сосать до старости лет»...

Мы заканчиваем, как всегда, гимнастикой языка. Язык трубочкой, язык чашечкой, язык жалом... Еще один урок — и да здравствуют каникулы!..

Странный все же праздник — Новый год! Он не похож на все другие хотя бы тем, что ровно в полночь по местному времени все люди одновременно поднимают бокалы и поздравляют друг друга. Новый год, как поезд, приходит минута в минуту. Отсюда общее волнение, похожее на предотъездное. Все так спешат, как будто боятся остаться в старом году, не вскочить хотя бы на подножку последнего вагона.

Я тоже невольно поддаюсь общей панике. У меня все готово для встречи: настольная елочка — натуральная, а не пластмассовая, полусладкое шампанское — его любит Тетя. Она любит также мой фирменный «наполеон» с заварным кремом, и в канун Нового года я уже с утра бью поклоны духовке — пеку коржи. Если б не Тетя, у меня бы совсем опустились руки. Все-таки в доме гость!.. Мика с Женей уходят куда-то, где бывают художники и артисты. Они нам уже звонили, поздравили с наступающим и сказали, что теперь позвонят только через год — их обычная шутка. Это значит, что они позвонят нам завтра.

— Тебе помочь? — спрашивает Витька. Он отбирает у меня щипцы и начинает колоть орехи.— Вы будете встречать втроем? — говорит он.

— А что нам еще остается? Ты вырос, а мы постарели...

— Мама!..

— Да, постарели!.. И во многом ты виноват! Ну что ж! Будем, как в прошлом году, встречать в обществе Тети...

— Но это замечательно!.. То есть я хочу сказать, что Тетя — замечательный человек!.. Она вырастила моего отца и дядю Мику, и это в порядке вещей...

— А мы вырастили тебя! И это в порядке вещей, что ты уходишь в новогоднюю ночь неизвестно куда и к кому?.. И это когда все люди мечтают попасть домой!..

— Мать! Будем друзьями!..

Он обхватывает меня своими ручищами, я вырываюсь, но все же ему удается меня поцеловать. Куда-то между щекой и ухом...

— Привет отцу! — говорит он и уходит.

Я стою у окна. В арке он оглядывается и машет мне рукой.

Борис спит. Когда есть такая возможность, он всегда старается ее использовать. По воскресеньям он всегда ложится днем поспать. Дневной сон необходим ему, как островок, на котором он отдыхает, переплывая с берега на берег широкую реку дня.

Тем более сегодня. Ведь придется нарушить режим! Не ложиться же в самом деле в ноль часов тридцать минут, как солдаты в армии!..

У меня все готово. Можно сделать несколько звонков. Я звоню двум сослуживицам, потом соседке по дому — той, у которой такса. Мы с ней в приятельских отношениях. Нужно позвонить Нонне, но что-то не хочется. Станет хвалить своего Илью и ругать Витьку. И мне будет тем тяжелей, что она права...

В детстве они дружили, Илья и Витька. И потом, в школьные годы, встречались иногда, бывали на днях рождения друг у друга. Это была уже не дружба, но доброе знакомство, основанное на дружбе матерей. Но потом что-то расклеилось. Витька писал ему из армии, и тот отвечал — «для поддержания боевого духа», как Илья однажды изволил выразиться. Но вот Витька вернулся, и они почти не встречаются. Конечно, Илья — умный парень, у него своя студенческая компания!.. Не то что братва из мастерской! «Скинулись и посидели!..» Правда, Витька этим не грешит. Ему сейчас никто не нужен. Никто, кроме э т о й...

За окнами темно, снежно. Скоро явится Тетя — маленькое, доброе существо с беличьей муфтой. Она достанет из муфты два сверточка, новогодние подарки мне и Борису. Ему перчатки, а мне кошелек. Или наоборот — кошелек Борису, а мне перчатки. В подарках Тетя отличается редкостным постоянством. И Витька получит неизменную шоколадку. Я даже не решилась сказать ей, что он встречает не с нами. Представляю, какое старушку ждет разочарование!..

Пора будить Бориса, но я медлю. А что если сейчас?.. «Здравствуй. Это Наташа. Какая Наташа?.. Та самая, которую вы с Колей когда-то раскрасили акварельными красками и вам попало от взрослых... Я хочу поздравить тебя с Новым годом и пожелать...»

Я поднимаю трубку и чувствую, как у меня от волнения вспотели ладони. Его номер я помню наизусть. Я слушаю длинные гудки и смотрю на его окна. Освещено лишь одно, то, где торшер.

— С Новым годом! — говорю я.— Это Наташа...

— Здравствуй, Наташа! — говорит он. И не спрашивает, какая.

— Леха, милый! Я хочу пожелать тебе счастья...

— Спасибо. Я в этом сильно нуждаюсь...

Что-то в его голосе меня настораживает.

— Ты нездоров? В этом году у тебя нет елки...

— И не только елки. Но это все ерунда. Под Новый год надо быть веселым... Позвони как-нибудь...

— Я всегда смотрю на твои окна,— говорю я зачем-то.

— А ты никогда не думала, что за два года с людьми может всякое произойти?..— говорит он. И добавляет: — Я всегда ждал твоего звонка!..

У него совсем не изменился голос. Какая я дура, что не звонила два года! Милый Леха Колесников! Друг моего Коли! Единственный свидетель детских лет! На душе у меня тревожно и одновременно какое-то чувство приподнятости — так бывало только в ранней молодости... Неужели я все еще в него влюблена?.. Нет, просто когда-то была в него влюблена. «Так храм оставленный — все храм»...

Я бужу Бориса. У него свежее, младенчески-розовое после сна лицо. Он мнителен и говорит, что такой цвет лица в его возрасте бывает лишь у сердечников. «За час до смерти»,— добавляю я обычно. Мнительность сама по себе тяжелая болезнь, и если есть от нее средство, то это юмор.

— Где ефрейтор? — спрашивает он, зевая.

— Ефрейтор Звонцов отбыл в неизвестном направлении,— рапортую я.— Он велел передать тебе привет...

— Все из-за тебя,— говорит он и берет с блюда пирожок с капустой.— Ты же запретила Мике действовать...

— Да, запретила! Это крайняя мера...

— Такого определения степени наказания не существует! Есть высшая мера!

Он отдохнул, к тому же Борис, как и его брат Мика, любит поесть. Вид празднично накрытого стола приводит его в благодушное состояние.

— Можно, я буду в тапочках? — спрашивает он.

— Ни в коем случае!

— Тетя не заметит...

— При чем тут Тетя? Нельзя пить шампанское из хрустальных бокалов и при этом быть в тапочках!..

Я надеваю свое лучшее платье — голубое с белым. Оно несколько летнее, но в квартире жарко И потом к нему у меня есть новые туфли — белые, на небольшой платформе, с модным прямым каблуком. Борис тоже в новом костюме, мы купили его случайно, а сидит он лучше пошитого на заказ. Темно-синяя шерсть выглядит вечером очень эффектно.

— Ну, как, Обезьянка? Теперь я тебе нравлюсь?..

— Ты неотразим,— говорю я. И вспоминаю, что салат еще не заправлен.

И тут является Тетя.

Она входит и наполняет наш дом цветочным благоуханием своих любимых духов. Борис помогает ей снять пальто, а я уношу в комнату два маленьких свертка, которые она сует мне с видом заговорщицы. Потом из муфты возникает шоколадка.

— А это вручишь Витюше,— гудит она прокуренным баском.

— Он встречает не с нами,— говорю я. И жду бурной реакции.

— Вполне естественно,— гудит она.— Но ведь шоколадку можно вручить и завтра. Не правда ли?..

Странный человек наша Тетя. Как будто все дело в том, когда вручить ее шоколадку!.. Я готова вспылить, но Тетя так всплескивает ручками при виде нашей маленькой елки! Так неподдельно восхищается убранством стола, тортом, который испечен по ее заказу! На нее невозможно сердиться...

Мы смотрим по телевизору праздничную программу. Тетя комментирует выступления артистов, большинство из них она видела в театре по нескольку раз. И потому воспринимает их почти как родственников. У нее есть свои кумиры, причем явное предпочтение она отдает представителям мужского пола. От них она требует таланта, мужественности и обаяния, тогда как женщине, по ее словам, вполне достаточно быть хорошенькой...

На телеэкране люди тоже сидят за столиками вокруг украшенной елки, звучат новогодние речи Снегурочки и Деда Мороза... Я знаю, что это отснято за месяц, а то и больше до встречи Нового года — об этом рассказала мне мать моей ученицы, оператор телестудии,— и меня это несколько расхолаживает. Я смотрю телевизор вполглаза и думаю сразу обо всем: о Витьке — где он сейчас болтается? О своем разговоре с Лехой... «Я всегда ждал твоего звонка!».. Что стряслось с ним за то время, что я набиралась духу ему позвонить? «С людьми может всякое произойти»... Но «под Новый год надо быть веселым»...

Тетя возбуждена. Она так искренне и непосредственно воспринимает каждую реплику, звучащую с экрана, словно она гость «Голубого огонька» и все камеры наведены на нее. Я даже начинаю ревновать!.. Но вот объявляют танцевальный номер, и Тетя возвращается к нашему застолью. Мы пьем за минувший год и за то, чтобы «все было хорошо»,— любимый тост Тети. Он действительно емкий, этот тост. Каждый может вложить в него свое содержание.

Мое «хорошо» — это прежде всего Витька!.. Думаю, что у Бориса тоже.

Тетя поглядывает на нас как-то загадочно. На тарелке у нее лежит начатый пирожок с капустой, но она тянется к блюду и берет второй точно такой же...

— Дети,— говорит она,— я должна вам сделать маленькое сообщение.

И она откусывает от нового пирожка. И жует старательно, словно «сообщение» таково, что перед ним следует подкрепиться.

— Тетя выиграла по облигации «Волгу» и хочет ее нам подарить,— говорит Борис.

— Нет, дети мои! Я, как вы знаете, никогда ничего не выигрываю. Но, как говорится в одной пьесе, не выиграть еще не означает проиграть...

— Не томите,— говорю я.

Она значительно смотрит на меня, потом на Бориса.

— Дети, я ее видела,— говорит Тетя. Она произносит это так торжественно, что смысл ее слов не вызывает у меня никаких сомнений.

— Кого это е е? — спрашивает Борис. По-моему, он хитрит.

— Витюша меня с ней познакомил...— Тетя победно оглядывает наши напряженно-вопрошающие лица.— Она прелесть!..

Надо слышать, как это сказано. С каким чувством превосходства над нами, не видевшими е е... Это не просто личное мнение, а диагноз. «Я поставлю диагноз» — так это называет сама Тетя, давая людям оценку.

— Конкретней,— говорит Борис. И делает вид, что засмотрелся на танцующую на экране пару.

Господи, как я его знаю! Сам, небось, сгорает от нетерпения узнать как можно больше!..

— У Тети все «прелесть»,— говорю я.— Когда Борис меня к вам привел, вы тоже сказали: «Какая прелесть!»...

— Разве я так сказала? — говорит Тетя.— Я уже не помню!..

— Ах, так? Вы подвергаете сомнению мои слова?..— Я притворно обижаюсь. И Тетя спешит меня

уверить, что в мои девятнадцать лет я была очаровательна.

— Что значит б ы л а? — возмущается Борис.

Мы совсем затравили Тетю. Она оправдывается изо всех сил. И даже перегибает палку, убеждая меня, что сейчас я стала еще лучше. Гораздо лучше!..

— Еще бы! При таком муже! — выкрикивает Борис.

Мы едва не пропускаем Великую Минуту. На экране телевизора возникло изображение Кремля, и голос диктора поздравил нас с завершением старого года и пожелал нам новых успехов в новом году. Заиграли куранты на Спасской башне, чмокнула пробка откупоренного шампанского — Тетя боится, когда стреляют в потолок. Борис наполнил бокалы, и мы чокнулись стоя при первом ударе кремлевских часов...

Пока били часы — все двенадцать ударов,— мы все продолжали стоять и, звеня бокалами, желали счастья друг другу и всем близким: нашему блудному сыну и Мике с Женей, друзьям и знакомым. И просто хорошим людям!..

Как я желала Витьке счастья! Как только мать может желать счастья своему сыну!.. Я желала ему счастья, ничего не оговаривая, не ставя судьбе никаких условий!..

Потом мы вернулись к столу, к «прошлогодней» закуске. Тетя велела принести свертки. На этот раз я получила театральный кошелек, а Борис эстонские вязаные перчатки.

— Для лыж,— пояснила Тетя.— Тебе очень полезно ходить на лыжах,— добавила она.— Учись, пока не поздно!.. А ты, дорогая Талочка, почаще бывай в театре!

— Поздно, Тетя,— сказал Борис.— Мне поздно осваивать лыжи, а ей — театральные афиши!.. Все равно нам за вами не угнаться!..

У меня для Тети тоже был припасен подарок — домашние туфли.

— Но это вовсе не намек на то, что вам пора сидеть дома,— сказала я, обнимая Тетю за худенькие, острые плечи. Я к ней вообще хорошо отношусь. А сегодня особенно. Может быть, потому, что она похвалила эту девчонку...

Странная вещь! Психологический этюд, если хотите!.. Эта девчонка мне ненавистна, и в то же время мне неприятно, когда о ней отзываются плохо. Как моя умная Нонна!..

Тетя тут же влезла в домашние туфли. Она, как ребенок, рада подарку. Туфли правда красивые — с золотым шитьем. Тетя говорит, что будет брать их с собой в гости: теперь ведь новая манера — переобуваться!..

Она легко переходит от радости к возмущению. Папироса дрожит в ее крохотной руке, пепел сыплется на пирожок.

— Откуда это взялось? — возмущается она.— Почитайте художественную литературу! Там кто-нибудь переобувался? Арбенин переобувался? Андрей Болконский переобувался? Анна Каренина, когда приехала повидать дорогого сыночка, переобулась?.. Даже князь Мышкин какой-нибудь...

С экрана звучит знакомая музыка, и кружатся пары. Борис приглашает меня на вальс. Танцует он, как плохо дрессированный медведь, я так и не сумела его научить. А ведь с этого все у нас началось: «Девушка, научите меня танцевать!»

Звонит телефон. И я слышу в трубке голос нашего сына.

— С Новым годом! Ну, как вы веселитесь? Вот тут мы со Светой... Она тоже всех поздравляет...

У него счастливый, слегка виноватый голос. Все же вспомнил про дом родной!..

— Хотелось бы знать, где они с ней ютятся? — говорю я, положив трубку.— В подворотне, небось?..

— Почему это в подворотне? — Тетя гордо пускает дым из ноздрей.— Почему двое любящих, прекрасных молодых людей должны встречать Новый год в подворотне?..

— Тетя, вы что-то знаете,— говорю я и шутливо грожу ей пальцем.

— Конечно, знаю...— Она достает из пачки новую папиросу.

— Ну, и где же они сейчас?..— спрашивает Борис.

— Они у меня!..

Если бы жареная утка с яблоками, которую я только что водрузила посреди стола, вдруг закрякала, я бы, наверное, меньше была поражена.

Я просто не верила своим ушам. Борис тоже смотрел на Тетю не мигая.

— Вы напрасно сердитесь,— сказала она.— Я не могла им отказать. Им совершенно некуда было деться... К тому же я ухожу из дома, моя комната свободна!..

— Ну, Тетя! — только и мог сказать Борис.

— Я вижу, вы оба разочарованы! Вам больше нравилась мысль, что ваш сын и его любимая ютятся где-нибудь в подворотне! Как сказано в одной пьесе: «Любовь не бывает бездомной, ее дом в любящем сердце!..»

Я вспоминаю Витькино: «Тетя — замечательный человек!» Еще бы ему не радоваться, что она встречает с нами!.. Конечно, отчасти мне стало спокойней. По крайней мере я знаю, где он.

— Уж встречали бы с ними в молодой компании,— говорит Борис.— А то, понимаете, предоставили крышу!..

— Я бы их смущала.

— Тетушка, вы аморальны! А все ваш театр!

— Это м о г л о быть аморально, да! Но поскольку они уже подали заявление...

Нет, я больше не выдержу! Что она несет, наша милая Тетя?!.

Я бросаюсь к своему тайнику. Паспорт на месте — в моей тумбочке под газетой. Лежит как миленький!.. От полноты чувств я готова его поцеловать!..

Я стелю Тете на Витькиной тахте, и вскоре она уже спит, поджав под себя ноги и свернувшись калачиком. Какой большой выглядит та же самая тахта, когда на ней спит Тетя!.. Сама я ложусь под утро. Я слишком взвинчена, чтобы уснуть.. Но каков хитрец! Одурачил старушку Тетю!..

«Надеюсь, что это для вас не новость? — спросила она.— Что они подали заявление?..» Мы с Борисом, как по команде, сделали вид, что все нам известно. Как-то неловко было показать свою неосведомленность в таком вопросе.

Убедившись, что паспорт на месте, я сразу успокоилась. Решила, что выдам ему за вранье, когда он появится. Но в душе я была страшно рада! Надо быть наивным человеком, идеалисткой, чтобы поверить...

Сын не торопится в наши объятия. Уже давно ушла Тетя — направилась с новогодним визитом к Мике и Жене. То и дело звонит телефон. Когда просят Виктора и я говорю, что его нет дома, с пристрастием выясняют: у ж е нет или е щ е нет... Он приходит, когда за окнами начинает смеркаться, и с порога докладывает, что «жутко хочет жрать!». Стол накрыт, но мы сами поели только что. Я ставлю перед ним тарелку, рюмку.

— Кто-нибудь выпьет со мной? — спрашивает он.— Ну, тогда за вас!..

В нем появилось что-то новое. Незнакомое мне. Может быть, потому, что я не знаю, о чем он думает, механически уминая пирожок за пирожком. Так опускают монеты в прорезь автомата...

— А теперь за здоровье любимой Тети! — говорит Борис.

Витька настороженно смотрит на нас. Сперва на Бориса, потом на меня. Я чувствую, как он собрался внутри, приготовился к атаке...

— Тетя в восторге от твоей Светы,— говорю я. И он вспыхивает.

О, я знала, чем его обезоружить!..

— Я очень рада, что вы с Тетей сходитесь во вкусах. Но зачем надо обманывать?.. Ставить себя в дурацкое положение?..

— Не понимаю, о чем ты,— говорит он.— Я никого не обманывал...

— Ах, не обманывал! А эта история с заявлением?!.

— С каким заявлением?

— Не валяй дурака,— говорит Борис.— Ты наврал Тете, что вы подали заявление...

— Какая разница—подали или подадим?.. Вот если бы я обманул Свету!..

— Конечно, родных обманывать можно, а Свету нельзя!..

— Да, нельзя! Ее уже раз обманул один подлец! Вы хотите, чтоб я стал вторым подлецом на ее пути?..

— А жениться в твоем положении не подлость? Выучись, стань человеком, тогда и ступай на все четыре! — Я вдруг замечаю, что говорю словами Нонны.—Жених! Предлагает руку и сердце, а у самого головы нет на плечах!..

— Успокойся,— говорит Борис.

Но я уже завелась и меня не остановить.

— Делай, что хочешь, но паспорта ты не получишь! — кричу я. Как будто он просит у меня паспорт.

И тут происходит самое страшное.

— Бедная мамочка! — говорит он и как-то странно улыбается.— Я давно изучил все твои тайники!.. Ты такая наивная, что мне тебя просто жаль!..

Он уходит в другую комнату и возвращается. В руке у него паспорт. Мы затеваем борьбу — Витька высоко поднимает руку с паспортом, и я беспомощно прыгаю вокруг, пытаясь его отнять.

— Поаккуратней, вы! — сердится Борис.— Это же документ!..

Мы оба запыхались, я и Витька. Наконец все с той же странной улыбкой он вручает мне свой паспорт.

— Забирай,— говорит он.— Да спрячь понадежней! Мне он пока не нужен...

Я смотрю на него. Это детское лицо со шкиперской бородкой. Она кажется приклеенной, как та, из мочалки, с которой он играл на школьном утреннике старика в «Сказке о рыбаке и рыбке». «Приплыла к нему рыбка, спросила...» Он учился тогда в первом классе...

— Что значит «пока не нужен»? — говорю я.— Ты хочешь сказать, что уже им воспользовался? Взял, а потом положил на место?..

— Я его не брал,— говорит он.

— А почему ты улыбаешься?

— Я не улыбаюсь,— говорит он. И улыбается.

— Значит, вы не подали заявления?..

— Не подали...

— Посмотри мне в глаза!..

Старинный способ узнать, говорит ли человек правду: «Посмотри мне в глаза!» К нему прибегала моя мама, когда уличала меня в чем-нибудь. И я часто применяла его к Витьке, чтобы вывести его на чистую воду. Обычно мне это удавалось. Глаза матери — чуткий детектор лжи!..

Он смотрит мне в глаза и улыбается. И я вижу только собственное отражение в его темных больших зрачках.

— Для чего же ты учинил обыск в квартире, если паспорт тебе не был нужен? — спрашивает Борис.

— Просто так,— говорит Витька.— Из принципа Чтобы знать, где он лежит...

— А я бы хотела знать, в каком из двух случаев ты соврал? Нам или Тете?

— Хватит,— говорит Борис.— Ты что, не видишь! Он над нами смеется. Так он и скажет правду!..

— Я не над вами,— говорит Витька.— Просто мне смешно... «Следствие ведут знатоки»... Цирк!

Всю ночь я мешала спать Борису. Ворочалась с боку на бок, хлюпала носом. Мне казалось, что мой тихий плач не может его разбудить, но он проснулся и гладил меня по голове, говоря: «Спи, Обезьянка! Все будет нормально... Я тебе обещаю!..»

Он очень жалел меня. И даже не рассердился, что я нарушаю его режим.

— Все будет нормально,— повторял он.— Я тебе обещаю... Я сам этим займусь!..

Так он говорил, Борис. Я хорошо помню, что он это говорил. Но почему-то я не придала особого значения его словам...

А вечером позвонил Мика и попросил к телефону Бориса. Борис был в ванной. Что-то в голосе Мики побудило меня задать вопрос:

— Что-нибудь случилось?

— Пока ничего,— сказал он.— Передай Бобу, что у меня все в порядке...

Он добавил, что звонит не из дома, пусть Борис с ним свяжется завтра.

Я все еще ни о чем не догадывалась. И когда Борис ужинал, я пристала к нему — просто из любопытства... Я видела, что Борис обрадовался звонку брата. Значит, все же что-то произошло! И вообще, что еще за секреты?..

Борис мычал что-то неопределенное, закрывался от меня газетой, делая вид, что погружен в чтение. Я отняла у него газету.

— Потерпи до завтра,— сказал он.— Завтра будешь иметь полный отчет!..

Витьки не было дома. Он пошел «прошвырнуться с Зельцем». Зельц сам ему позвонил и предложил встретиться. Я была довольна, что инициатива исходит от Зельца. Может быть, становясь взрослее, они снова вспомнят детскую дружбу?.. И Витька перестанет дурить, а будет тянуться за Зельцем...

Я была так растрогана, что даже ассигновала Витьке трояк — на тот случай, если они захотят где-нибудь посидеть. Все же на улице минус двадцать один!..

Я как-то успокоилась. Мне было немного стыдно за вчерашний допрос и мою ночную истерику... Когда позвонила Нонна, я ей сказала, что Новый год мы встречали вместе — я с Борисом, Тетя и Витька. Мне показалось, что она разочарована. Ничего, моя рыбочка! Как говорится, продолжение в следующем номере...

За стеной мучили пианино — гаммы вперемежку с «Собачьим вальсом». Появилось и нечто новое, робко, по складам исполняемое одним пальцем: «Жили у ба-бу-си два ве-се-лых гу-ся»... В этом месте

мелодия обрывается, и опять сначала: «Жили у бабу-си»...

У Колесниковых окна слабо освещены, там движутся какие-то фигуры. Кто-то в белом на фоне окна. Почему-то мне кажется, что это Леха в белой рубашке. Стоит и задумчиво смотрит на освещенные окна нашего дома. И гадает, какое из них мое...

Я ничего не сказала Борису о своем разговоре с Лехой. Я не хочу из этого делать какую-то тайну, но мы должны встретиться и поговорить. Вдвоем, с глазу на глаз. Просто поговорить о жизни!.. Ведь он человек Оттуда, из нашего с Колей детства... Мы должны встретиться наедине.

Витька пришел раньше, чем я ожидала. Он был мрачен. На мой вопрос, не повздорил ли он с Зельцем, ничего не ответил. И начал сразу стелить. Но бросил на половине и заперся в ванной. Вода страшно шумела — он открыл оба крана. Потом все стихло — ни звука, ни плеска. Я даже испугалась. Постучала ему.

— Ну, что? — сказал он.

— Ты скоро? — спросила я.

— Скоро...

И опять тишина. В детстве он запирался в ванной, обижаясь на нас: не хотел, чтобы мы видели, как он плачет...

Господи, почему нет спокойной жизни?..

Я даже представить себе не могу, что между ними произошло. Смотрю вопросительно на Бориса, но он пожимает плечами... Это все Зельц! Подумаешь, гений! Если он на четвертом курсе, а Витька еще не нашел себя... Зато он был в армии! Он прыгал с парашютом! Он был старшим экипажа. Если бы этот Зельц посмотрел на Витьку, когда он в кителе с голубыми петлицами, при всех значках! А мой дурачок! Не умеет себя подать!..

Витька выходит из ванной, гасит свет в своей проходной комнате и плюхается на тахту. Начало двенадцатого, даже Борис еще не лег.

— Что с тобой? — спрашиваю я.— Ты поссорился с Зельцем?..

Он не отвечает.

— Ну и шут с ним! — говорю я.— Что вам осталось? Вздыхать о прошлом еще рано, а будущего у вашей дружбы нет!.. И в этом не ты виноват, а Зельц! Дружбу не консервируют, она действует каждый день, постоянно... Даже в разлуке, да!.. Отсутствие друга, невозможность увидеться, поговорить — как кислородное голодание!.. Твой гениальный Зельц этого не усек!..

Он лежал, отвернувшись к стене. Казалось, что он внимательно слушает, хотя и укрыт с головой. Я ощутила прилив вдохновения.

— А ваша дружба в консервной банке — ей грош цена!.. Можешь так ему и сказать!.. И если он позвонит опять, твой любимый Зельц...

— При чем тут Зельц?!! — завопил он, отбросив одеяло и повернув ко мне бородатое, детское заплаканное лицо.— При чем тут Зельц?!

Он вопил, как подстреленный. Да, именно, как подстреленный молодой зверь. Я испугалась до смерти. И когда он снова брякнулся на тахту, натянув одеяло, я тихонько вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

— Что с ним? — спросил Борис.

— Не знаю...

— Бедная Талочка,— Борис погладил меня по голове.— Не волнуйся! Все будет нормально, увидишь! Это естественная реакция...

— Реакция? На что? — спросила я. Меня вдруг осенило.

— Не делай большие глаза! Я же сказал: завтра ты будешь иметь полный отчет!..

— На что реакция? — повторила я.

У Бориса шкодливый вид. Но я и сама уже все поняла. Звонок Мики: «...у меня все в порядке», р е а к ц и я Витьки...

— Ведь я же просила тебя! Просила!..

Борис виновато молчит. Я кричу на него шепотом. Чтобы не слышал Витька...

— Я же просила!.. Ни в коем случае без меня!

— Подождем до завтра,— говорит он.

— Никаких завтра,— снова кричу я шепотом.— Сейчас же!..

— Я позвонил Мике,— говорит он.— Я больше не мог! Слышать, как ты плачешь по ночам...

— Позвонил Мике — и что?..

Я почти ненавижу его в эту минуту. И Борис это чувствует. Он перестает меня жалеть.

— И все,— говорит он.— Делу дан законный ход!..

Он смотрит на меня с вызовом.

— Вот и все сведения, мадам, которыми я располагаю на сегодняшний день. А сейчас мы ложимся спать...

Слово «мадам» в обращении ко мне выказывает крайнюю степень его раздражения. Возможно, он недоволен собой. Тем, что поторопился. И поэтому валит все на меня, на мои «слезы по ночам»...

Мы лежим, погасив свет. Как чужие люди, как два человека, оказавшиеся волею судьбы ночью в одном купе... Но мы думаем об одном и том же — о Витьке.

— Не могу понять, как он узнал,— говорит Борис после долгого молчания.— Все так быстро произошло...

Я не отзываюсь.

— Любая операция болезненна,— говорит Борис.— Но есть боль во спасение...

Его мучит совесть. Конечно, теперь ему жаль Витьку. И досадно, что эксперимент Кибернетика дал такой результат.

А Светик хороша! Побежала за первым встречным!.. Как Мика тогда сказал: «Отбивать ее не придется, он просто возьмет ее за руку»...

— Тут нет ничего преступного,— говорит Борис.— Мы просто использовали катализатор для ускорения процесса распада... Мы ускорили то, что все равно бы случилось... Не сегодня, так завтра!.. Стоило другому поманить ее пальцем — и Витька выпал в осадок!..

Я молчу. Возможно, он прав. Но мне не нужна его правота. Я хочу, чтобы мой сын был счастлив!..

Утром они расходятся из дому, не глядя в глаза друг другу. Витька в мастерскую — по субботам они работают, Борис на прогулку. Он называет это «пешком от инфаркта».

Мне не нужно спешить: начались каникулы.

«Каникулы — для учеников»,— любит повторять наша директриса. Будет несколько совещаний, консультация со старшим логопедом района — милейшей Августой Ивановной, она хочет перед уходом на пенсию передать нам свою методику борьбы с заиканием...

Еще немного — и я сама начну заикаться. На нервной почве!..

Я достаю с полки энциклопедию, четвертый том. Нахожу слово «катализ». Не потому, что меня волнует химия!..

«Катализаторами могут служить металлы, неметаллы, окислы, кислоты, основания, соли...»

— И лорды-мухоморы,— добавляю я вслух.

«Введение катализатора часто вызывает бурное протекание реакции...»

— Еще бы! — говорю я.

«...Самый активный катализатор не может способствовать образованию продуктов реакции в количествах, превышающих равновесные; он приводит лишь к более быстрому достижению равновесия»...

Это место я перечитываю дважды. «Он приводит лишь к более быстрому достижению равновесия...» Это звучит успокоительно. В школе по химии у меня была тройка. Я не знала тогда, что буду искать в энциклопедии слово «катализатор»...

Вечером мы идем к Мике. Это конспиративная сходка. В записке, оставленной дома, я извещаю Витьку, что мы с отцом ушли в кино.

Опять семейный совет. Мы собрались в том же составе, что и у нас. Тут все, кроме Тети: она лишена вотума доверия...

Они встречают нас в дверях, все трое: Мика, Женя и Лелька. Мы с Женей целуемся — это первая встреча в Новом году. Мика помогает мне снять пальто. Он тоже пытается меня обнять, но я увертываюсь. Я на него зла и еле сдерживаюсь, чтобы не высказать все с порога. Лелька виснет у меня на шее. Она уже в ночной пижамке. От нее пахнет мандаринами, детством, глаженой байкой. Не то, что от моего — несет сигаретами, а то и еще чем-нибудь похлестче,— «скинулись и посидели»...

— Идите в кабинет,— говорит Женя.— Я приготовлю кофе, но сперва уложу Лельку...

В кабинете тесно от книжных полок и большого письменного стола, заваленного бумагами,— будущими трудами Кибернетика. Даже странно, как удалось втиснуть сюда диван, кресло и журнальный столик.

— Господа, я пригласил вас к себе, чтобы сообщить вам пренеприятнейшее известие,— начинает Мика фразой из Гоголя. Он — Мика, а не Гоголь — сидит на краешке письменного стола и покачивает ногой в тапке со стоптанным задником.— Известие таково, что мой ставленник Панин не потянул против ефрейтора Звонцова. А теперь — новости дня в подробном изложении...

И он рассказывает нам все по порядку.

Программист Панин сразу же после окончания работы направил легкие стопы в почтовое отделение номер двести сорок и, обнаружив в отделе телеграмм миловидную блондинку, именуемую здесь и в дальнейшем Светик, подверг ее психологической атаке. Народу возле ее окошка было мало, поиздержались на новогодние пожелания, а после восьми и вовсе ни души. Так что условия сложились идеальные. Лорд Панин, человек добросовестный во всем, за что ни берется, старался изо всех сил. Неотразимое обаяние, ненавязчивый юмор, наигранно-нагловатый тон в сочетании с наигранной робостью... Весь арсенал был пущен в ход. Светик на Панина не реагировала. Самолюбие подсказывало лорду, что пора плюнуть на нелепую затею шефа — закадрить чужую невесту — и с возможным, насколько позволяет ситуация, достоинством удалиться. Но то же самолюбие не позволяло ему уйти ни с чем...

— И тут...— Мика встал и принялся расхаживать по тесному проходу вдоль книжных полок.— Тут он применил запрещенный прием!.. Он спросил, не хочет ли она узнать кое-что про Звонцова. Она словно очнулась. Но лишь затем, чтобы гордо сказать: «Я про него все знаю!» Однако Панину удалось убедить ее, что не все. Вот если она пойдет с ним куда-нибудь посидеть... Когда она оканчивает работу? В двадцать два? Отлично. Он зайдет за ней в двадцать два ноль-ноль... В общем, банальный номер!..

— И эта дуреха пошла? — говорю я.

— Естественно. В кафе «Лукоморье». Кстати, очень приличный кабак. Молодежь его любит, там даже есть поп-музыка. Она с Виктором, оказывается, там бывала не раз и потому сама выбрала это заведение...

— А дальше? — спрашивает Борис.— Как вышло, что Витька их увидел?..

— Ну, уж это бог-случай,— говорит Мика.— Закон пакости. Бутерброд всегда падает маслом вниз... Впрочем, не в этом ли, братцы, была цель нашего эксперимента? Доказать Витьке, что у Светика он не единственный...

— Но ведь это неправда,— говорю я.— Я, например, убедилась в обратном. В том, что эта девчонка его любит!..

— Ты права. Она его любит. Даже лорд Панин заявил, что он пас. А теперь откройся во всем Витьке, и я наживу врага в родном племяннике!..

— Не бойся! Я возьму вину на себя. Скажу, что это моя идея... Только моя! Вы с Борисом можете спать спокойно!..

Щеки у меня пылают. На душе отвратительно. Еще минута— и я разревусь. Какая я идиотка!.. Как я могла допустить этот дурацкий спектакль, эти опыты, это вмешательство посторонних сил!..

— Не спеши брать вину на себя,— говорит Борис.— В юридической практике...

Но тут, слава богу, появляется Женя с подносом. Медный кофейник, чашечки, сахарница с серебряными щипчиками. В этом доме принимают на западный лад. Кофе, гренки с сыром, тарталетки с воткнутыми в них разноцветными шпагами из пластмассы. Не существует даже обеденного стола, за которым можно посидеть большой оравой, налегая на домашние яства, только кухонный и этот, журнальный. Когда случается собирать общество пообширней, заказывают ужин в ресторане.

— Не послушались умного человека, так вам и надо! — говорит Женя.

Ее приход действует на меня успокаивающе. Она такая домашняя, милая в своем кружевном фартучке. Этот декоративный фартучек она привезла из Парижа, куда они с Микой летали в прошлом году. Где только они не побывали! Мои глаза привычно скользят по книжным полкам, по сувенирам и безделушкам; покрытый рыжим пушком, похожий на голову новорожденного кокосовый орех, индийский слоник из зеленого нефрита, африканские маски, японские раковины...

— Я с самого начала была против этой затеи,— говорит Женя, ловко разливая кофе по маленьким чашечкам.— Но справедливости ради согласись, что Мика тут ни при чем! Он забил этот гол с подачи Бориса...

— Это она меня довела,—говорит Борис.—Сплошные истерики!..

— Да, я виновата,— говорю я.— Как это у Островского? Так выпьем за матерей, которые бросают детей своих!

— Ты действительно хочешь выпить? — спрашивает Мика.— У меня есть коньяк.

— Годится,— говорю я.— Я хочу выпить за самого доброго человека в нашей семье... За Тетю!

Они о чем-то говорят, но я не слушаю. Обычный трел, гимнастика языка. Я обдумываю план действий. Завтра же поговорю с Витькой. Главное, выбрать момент. И не тянуть! Чем скорей он узнает, как его Света очутилась в кафе с Паниным...

На сердце стало легко. Впервые за много дней. Может быть, потому, что я представила себе, как обрадуется мой сын. Конечно, он тут же помчится к ней, они помирятся, и все начнется сначала... Ну, и пусть! И будь что будет!..

Когда мы подходили к дому, шел мягкий снег. На улице погасли фонари, а на соседнем кинотеатре выключили световую рекламу. В наших окнах тоже было темно. Я невольно ускорила шаг. «Натянула поводок» — так называет это Борис.

Бедняжка, он уже спит...

Борис возится сто лет, нащупывая ключом замочную скважину, потом вытаскивая ключ из замка. Наконец я включаю свет в прихожей. И в глаза мне бросается пустой крюк, на который он вешает пальто. Моя записка лежит на прежнем месте. Вид у нее явно не читанный...

Он приходит спустя полчаса. Веселый. Может быть, помирились?..

— Мать, дай чайку,— говорит он.— Нет, лучше холодной воды. Из-под крана... Погоди, я сам...

Нет, не похоже, чтобы помирились.

От него пахнет вином. И говорит он громче обычного.

— «Скинулись и посидели»? — спрашиваю я.

Он кивает.

— Небось, и девочки были?..

— Там б-бы-ли д-де-ввочки — Ммар-руся, Р-роза, Рр-ая,— поет он в ответ.

Мне все это сильно не нравится. Но час ночи не лучшее время для воспитательной работы.

— Ложись спать,— говорю я строго,— завтра поговорим...

Я слышу, как он валится на тахту, и наступает мертвая тишина. А я еще долго сижу за столом, одна, в какой-то каменной неподвижности.

Встаем поздно по случаю воскресенья. Завтракаем втроем. Я включаю радио, передачу «С добрым утром!» — принудительное веселье «Для тех, кто не выспался»... Витька хмурится и отводит глаза. Небось, голова болит с похмелья!.. Я взвинчена предстоящим разговором. Лучше всех чувствует себя Борис — накануне мы с ним условились, что он уйдет из дому под каким-нибудь предлогом. Он преувеличенно громко хохочет, слушая милую утреннюю чепуху. Но я знаю, что его тоже волнует мое объяснение с Витькой. Ему это даже более неприятно, чем мне. Ведь так или иначе все мы будем иметь в глазах Витьки весьма неприглядный вид!..

Борис не торопится. Просматривает утренние газеты. Потом спрашивает, когда будем пылесосить... Я сверлю его взглядом, и он вдруг спохватывается, что должен сходить в аптеку. От себя я добавляю еще несколько мелких, неисполнимых поручений, чтобы он не вернулся слишком быстро...

И вот мы одни с сыном в квартире. Отступать некуда!..

— Ты очень занят? — спрашиваю я.

Он сидит на тахте, уставясь в книжку.

— Мне надо с тобой поговорить... Очень серьезно.

— Говори,— отзывается он. И переворачивает страницу.

Я молчу. Он поднимает голову. Какие у него несчастные глаза.

— Если насчет вчерашнего, то не трать красноречия. Я сам решил завязать...

Я сажусь рядом с ним. Только сейчас я замечаю, что в руках у меня кухонное полотенце, которым я вытирала посуду.

— Нет, я не о том...— Он опять смотрит в книжку. И слава богу! — Видишь ли, эта история со Светой...

Он продолжает смотреть в книжку. Только краснеет ухо, обращенное ко мне, и пальцы нервно теребят страницу. И все время, пока я говорю, он продолжает сидеть в той же самой позе. Мой голос звучит слишком горячо, и говорю я, наверное, много лишнего. Но мне хочется объяснить ему... Не оправдаться, нет!.. Просто объяснить, как это все случилось и почему... Пусть потом его мнение о нас упадет ниже нуля. Это его выражение: «Мое мнение о тебе упало ниже нуля»...

Не отводя глаз от книжки, он нащупывает рукой сигареты, чиркает спичкой... Закурив, он еще некоторое время делает вид, что занят чтением. Потом откладывает книжку — это что-то специальное, по радиотехнике — и долго молчит, глядя прямо перед собой.

— Напрасно ты думаешь, что открыла мне что-то, чего я не знал,— произносит он наконец. Он охрип от волнения. Вернее, от того, что долго пытался его скрыть.

— Откуда ты мог это знать? — говорю я.— От кого?

— От Светы... Она ко мне приходила. В мастерскую...

— Но ведь она не знает всего,— говорю я.— Только малую часть...

Он усмехается. Стряхивает пепел на блюдечко и, глубоко затянувшись, выпускает облако дыма. И сквозь эту дымовую завесу я слышу его хрипловатый басок:

— Для меня было достаточно, что он программист и что-то ей плел про Звонцова, которого сам не видел в глаза... Я понял, что это ваша работа. Только не сразу сообразил, для чего это вам нужно... Ну, а потом догадался... Долер! Не такой уж я дурачок, каким вы меня почему-то считаете!..

— Ты ей все объяснил?

— Зачем?..— Он гасит сигарету и поднимается.— Теперь это все не имеет значения...

— В каком смысле?..

— В прямом,— говорит он. И достает из шкафа свитер.

— Вы поссорились? — спрашиваю я.— Но ведь она не виновата!.. Она не хотела с ним идти...

— Не хотела, но пошла,— говорит он жестко.

Этой жесткости я никогда не замечала в нем. Это что-то совсем новое.

Он нахлобучивает шапку — коричневый мех, чижик под пыжик,— вытягивает шарф из рукава пальто.

— Пройдусь,— говорит он.

«Хитрит! — думаю я.— Побежал к своему Светику».

— Если бы этот тип не применил запрещенный прием,— говорю я,— она бы никогда...

Он резко оборачивается в дверях и с минуту смотрит на меня. Нет, не с ненавистью... И не с презрением, нет. С какой-то недоброй ухмылкой.

— Слушай, мать,— говорит он.— Я, по-моему, ясно сказал. Все это теперь не имеет значения... Я никого ни в чем не виню... Понимаешь? Ни в чем!.. И не будем больше об этом...

Так начинается новая эра в нашем доме. По вечерам он валяется на тахте, курит и слушает музыку. Ему звонят друзья. В том числе Зельц. Витька всем говорит, что очень занят. И опять валится на тахту. Курит и слушает музыку. Я лезу к нему с разговорами. Он выслушивает меня вежливо. Сам он ничего не рассказывает. На вопросы отвечает односложно.

— Зачем ты сбрил бороду? Вроде я уже начала привыкать...

— Надоело,— говорит он.

— Ты когда будешь дома?

— В восемь.

Как-то днем я забежала к Нонне, не выдержала — мы с ней недели три не общались... Только по телефону. Я нарочно оттягивала этот момент, когда останусь с нею вдвоем, с глазу на глаз, и она, уютно усевшись напротив меня в своей любимой позе — одна нога подложена под другую,— спросит своим сиповатым голосом:

— Ну, что, подруга? Что у вас происходит?..

Тут я и расколюсь. Можно врать по телефону, что все в порядке, но глядя в глаза... На мне все написано крупным шрифтом!..

Она слушала меня, не перебивая. Только вставляла свое «Ну и ну!», когда я умолкала, чтобы отдышаться.

Новогодняя ночь, эксперимент Мики с участием Панина, реакция Витьки... Я разрядила в нее всю обойму и жду, что она скажет.

— Бедный мальчик! — говорит она.— Представляю себе его состояние!.. Не оставляй его надолго одного...

— В каком смысле? — спрашиваю я. И, угадав, что она имеет в виду, холодею.

— У него такой возраст... Период острых неврозов... Мало ли что взбредет в голову!..

— Ты с ума сошла! — говорю я.— Перестань! Ты не знаешь Витьку!

— А ты его знаешь?.. Ты все думаешь, что он мальчишка. А он молодой мужчина! Отслужил в армии, встретил девушку, полюбил...

— Тебе же она активно не нравится,— говорю я.

— Лишь бы она ему нравилась!.. Затеять эту возню! Вы же просто варвары! И ты и твой Борис! И ваш мудрый Мика! Подумаешь, высшее образование! Ну, не нравится парню юридический! Поступит еще куда-нибудь! Пойдет на завод! И помочь бы могли на первых порах! Сын-то единственный! Для чего вы живете в конце концов!

Бойтесь умных подруг! Они всегда правы. Потому что всегда говорят именно то, что вы хотите от них услышать. Даже противореча самим себе. Еще звучит в моих ушах тот же сиповатый голос в телефонной трубке: — «...Никакой женитьбы! Выучись, стань человеком!.. На какие шиши они собираются жить?»...

Теперь я казню себя. И она с готовностью заносит мой же топор над моей головой!..

Я вспоминаю, что Борис возвратится поздно, и тороплюсь домой. Нонна меня всячески задерживает. Она уже забыла о своих словах — «не оставляй его одного». Что если в самом деле?.. Что за манера запираться в ванной? Нет, это совсем на него не похоже! Он всегда такой жизнерадостный. Вернее, всегда б ы л жизнерадостным...

Господи, почему нет спокойной жизни!

Был последний день школьных каникул, зимний солнечный день. Я думала о Витьке. О том, что вечером он снова будет курить и слушать музыку, повалясь на свою тахту.

Вчера он получил письмо от Симки Чижова.

— Что пишет Оклахома? — спросила я.

— Приглашает к себе. Лесничеству требуются сезонники. Для сбора шишек...

— Почему бы тебе к нему не поехать? — спросила я.— Природа... Лес!..

Он посмотрел на меня внимательно. Словно взвешивая, стоит ли отвечать.

— «Природа. Лес»,— передразнил он. Хотел что-то добавить, но раздумал.

До чего я дошла!.. Сама посылаю его к Оклахоме. Конечно, они собирались туда вдвоем со Светиком, а теперь...

За стеной терзают пианино: «Жили у бабуси два веселых гуся»... Первая часть уже освоена и исполняется аллегро. А дальше каторжные усилия: «О-дин бе-лый, дру-гой се-рый»...

И вдруг я решаю. Сейчас же пойду к ней! Пора наконец на нее взглянуть!

Я одеваюсь поспешно. Оглядываю себя в зеркале. «Здравствуйте, Света! Я мама Вити Звонцова!»... Ничего, симпатичная мама. В черной мерлушковой шубке. Правда, карманы немного вытерлись, но это не так заметно...

На улице морозно, все блестит. Зимнее солнце — редкий гость, и все ему рады. Даже воробьи чирикают по-весеннему, хотя до весны еще далеко.

Витька однажды сказал, что городской воробей отличается от деревенского по оперению. У деревенского на крылышках по две лычки, а у городского по одной — ефрейтор!

«Здравствуйте, Света! Я мама Вити Звонцова!... Если вы его любите, вы должны за него бороться!»...

Я влезаю в набитый троллейбус. Чья-то рука в желтой кожаной перчатке, похожая на связку бананов, маячит перед глазами.

«Вы должны его убедить, что не виноваты! Ведь вы не хотели идти в кафе!.. Что за дурацкий максимализм! Он просто мальчишка, не знает жизни. Люди прощают и не такое!..»

Вот эта улица. «Вот эта улица, вот этот дом»... Почтовое отделение двести сорок. У телеграфного окошка несколько человек. Девушка с пушистыми легкими волосами склонилась над бланком, вычитывая текст. Тот единственный золотой волос, что я долго хранила, казался ярче... Да она совсем дитя, его Светка! Просто не верится, что она была уже замужем, а потом эта история с Витькой...

Я смотрю на нее с материнской жалостью. Тонкая, детская шея трогательно вытянута, пальцы выпачканы в чернилах...

Становлюсь в очередь. Позади никого. Мужчина, занявший за мной, еще горбится у стола, сочиняя нечто замысловатое...

— Здравствуйте, Света! — говорю я негромко.

Она поднимает на меня карие глаза — почему Нонка решила, что они серые? — и улыбается. И я вспоминаю диагноз Тети: «Она прелесть!»...

— Я мама Вити Звонцова,— говорю я.

— Меня зовут Ира,— говорит она.— Здесь работала Света, она уволилась. А я только третий день...

Я уже привыкла к мысли, что передо мной Света, и слушаю ее с недоверием. И — странно — она теряет чары, тускнеет, как лампа, когда в сети падает напряжение.

— Если хотите, я позову кого-нибудь...

— Нет, нет!..

Пушистые легкие волосы, тонкая шея, карие глаза... Как ярко вспыхнули эти черты, озаренные любовью моего сына. Любовью, которую я подключила к ней по ошибке.

Знает ли Витька, что его Света уволилась?..

Во всяком случае, он об этом узнает не от меня. Я ему не скажу, что была на почте. Про это никто не должен знать. Ни он, ни Борис. Ни одна душа

Борис возвращается раньше обычного. Вечером он уезжает в командировку. Это недалеко, всего в двухстах километрах — филиал его предприятия. Его командируют туда примерно раз в два месяца, дней на пять. Я не люблю, когда он уезжает. А в теперешней ситуации тем более.

— Боречка, ты мне обещал! — говорю я. И смотрю на него умоляюще.

— Не помню такого,— ворчит он.— Я не мог тебе обещать такую глупость.

— Нет, это не глупость!

— Если кто ненормальный у нас в семье, так это ты...

— Ну и пусть! Сделай это ради меня!..

Он сдается. Достает из ящика с инструментами отвертку и молоток, снимает пиджак. Он трудится в поте лица, чертыхаясь, выламывая замок из двери в ванную. Потом он ставит его на место, но так, чтобы дверь не запиралась. О, счастье!..

Я целую его в щеку.

— Прикажете сломать дверь в уборную? — ворчит он.— Пожалуйста, бу-сде!..

Я провожаю его и остаюсь одна. За окнами зимний зелено-желтый закат. Скоро вернется Витька. Он теперь не задерживается на работе. Пожует безучастно и отправится на свою тахту. Курить и слушать музыку. Когда я вхожу, он делает вид, что читает. Все ту же книжку по радиотехнике. Он читает ее уже две недели, и закладка на той же странице — я запомнила, на какой...

Если бы я знала, о чем он думает. Может быть, я могла бы ему помочь... До сих пор мне казалось, что я его знаю. И в своих поступках я исходила из этого. Ведь он мой сын! Если я знаю себя и знаю Бориса, то, логически рассуждая, я должна знать и Витьку... Он наше производное. Сумма двух слагаемых!.. Но тут я что-то напутала. Жизнь не математика, у нее свои законы. В результате из двух слагаемых получается Неизвестное...

От этой мысли становится как-то не по себе. Как всегда в такие минуты, я возвращаюсь душой к детству. И мне не хватает моего Коли...

Весной я снова поеду к нему. Каждый год мне приходит оттуда письмо. И я еду к нему.

Все же это прекрасно, что победа пришла весной!.. А такой лучезарной весны, как там, кажется, нет нигде Там особенно это чувствуешь. Что за каждый цветущий сегодня куст кто-то отдал жизнь.

Они лежат вместе в братской могиле. Есть ли братство более страшное, более кровное!.. Мраморный обелиск на берегу Донца, девятнадцать имен, и первым в списке стоит имя брата, командира взвода противотанковых пушек-сорокапяток...

Еще не стемнело, но в одном окне у Колесниковых уже горит свет Мне мерещится, что он стоит у окна и видит меня. Или думает обо мне. Сколько можно оттягивать! «Я всегда ждал твоего звонка!»...

Так он тогда сказал

Я снимаю трубку. И снова кладу на рычаг. С чего я начну? «Нам нужно поговорить!..» Ах, какая это была любовь! Даже не первая, а нулевая! Я для него была слишком мала. Когда я сочинила записку с признанием в любви, он мне вернул ее со словами: «А ошибок! Елки зеленые!» Но сейчас мне скверно. И я рада, что на земле есть он, друг моего Коли.

— Это Наташа! — говорю я, сжимая трубку в потной ладони.

— Здравствуй, Наташа! — говорит он. Его голос звучит суховато.

— Ты сказал, чтобы я позвонила... Вот я звоню...

— Спасибо, что не забываешь,— говорит он.

— Как я могу тебя забыть? Это значит забыть Колю...

— Между прочим, я ему часто завидую.

— Как ты можешь!..

— Нет, кроме шуток. Поезд идет под уклон...

— Что-нибудь случилось? — говорю я.

— «Что-нибудь»,— повторяет он. В его суховатом тоне проскальзывает горечь.— Со мной случилось все, что может случиться с человеком моих лет.

— Ты считаешь себя стариком?

— Не вполне. Но все же полтинник уже разменял. А разменял — лиши пропало...

— Ну, а все-таки? Что же случилось?..

— С женой разошлись, дочь выдал замуж, а сам — из больницы в больницу... Привязалась какая-то пакость. Другой бы давно отдал концы. Врачи от меня отказались. Вернее, я от них. Вся надежда теперь на травы. Ты лечишься травами?.. Насчет здоровья ты как?..

— Ничего,— говорю я.— Разве что нервы...

— Нервы — причина всему,— говорит он.— Ты попробуй такой состав: пустырник, мята и валериановый корень. Берешь эту смесь в равных дозах, завариваешь крутым кипятком, герметически закрываешь... У тебя есть чем записать?..

Голос его окреп, оживился. Он стал диктовать. Я слушала, не записывая. Я была потрясена тем неожиданным направлением, которое принял наш разговор. И мне уже ни о чем не хотелось его расспрашивать, тем более — говорить о себе...

— Листья крапивы обдаешь кипятком, добавляешь чеснок — сорок грамм... Элеутерококк улучшает сон, повышает аппетит, уравновешивает возбудительно-тормозные процессы...

Положив трубку, я сидела, не в силах шелохнуться. Поговорили! Крапива, лопух, толченый овес. Какая-то элеутерокока... Ни почему разошлись, ни за кого выдал. И не спросил, как я живу!.. Кто я ему? Сестра друга со своими проблемами...

Прощай, Леха Колесников! Бывший красавец и сердцеед. Независимый мальчик, Печорин с Зацепы... Наш деревянный дом, скамейка под старым подагрическим тополем...

— Позвони как-нибудь,— сказал он.

— Ладно,— сказала я.— Как-нибудь...

— Слушай, мать! Почему ванная не запирается? — говорит Витька, придя с работы.

— Что-то сломалось,— говорю я небрежно.

Он придирчиво осматривает дверь. Потом достает из ящика инструменты.

— Ты что собираешься делать? — говорю я.

— Буду чинить...

— Ни в коем случае!.. Если хочешь знать, мы нарочно ее сломали...

— Нарочно? — Он смотрит на меня с изумлением.— Это еще зачем?..

— Ты же знаешь, у папы больное сердце... В общем, он стал принимать душ, ему сделалось плохо, еле открыл... И тогда мы решили ее сломать.

— Чудеса,— говорит он.— Отцу плохо, а он уезжает в командировку... И еще перед этим ломает дверь!.. Цирк!..

— Не придирайся,— говорю я.— Ему не сегодня сделалось плохо, а вчера!..

— Цирк зажигает огни,— говорит Витька. И отправляется к себе на тахту.

Когда-то мы с ним любили домашние вечера. Мы дурачились, болтали, о чем придется. И друзьям он говорил, что мать у него «свой парень». Так было до армии и немножко потом...

Звонит телефон. Женский голос просит Виктора. Я вру, что его нет дома. Так он теперь велел. Ему даже врать самому лень. Когда-то он мчался к телефону, первый хватал трубку...

Нет, зто не Света. Какая-нибудь из тех девиц, с которыми он был в тот раз. «Там были девочки — Маруся, Роза, Рая...» Голос вкрадчиво-развязный. Мне он уже знаком.

— От кого ты прячешься? — говорю я.

— Я не прячусь. Просто мне все надоели...

— И я в том числе?

Он молчит. Делает вид, что читает. Под рукой «ВЭФ-12» первого выпуска, кто-то поет по-итальянски.

— Обратись к врачу,— говорю я.— Человек, которому в двадцать лет все надоело, должен идти к врачу...

Я нарываюсь на ссору. Я устала от чувства вины перед ним, от его пассивности и молчания. Оттого, что, как выяснилось, совсем не знаю его!.. Нет, я не была такой. И Коля не был. Он бы жил с удовольствием! Вы знаете, что зто значит — жить с удовольствием? Это не самодовольство. И не зпикурейство, нет! Это умение находить радость во всех проявлениях жизни, включая сложности. И он в любой беде не стал бы таким, как Леха Колесников: «Крапива, лопух и овес в равных частях»...

Не люблю затяжных молчаливых ссор. Я всегда «иду на грозу»...

Но он молчит. И мне остается только уйти, я пытаюсь заняться делом. Разработками плана уроков на третью четверть. Занятие тридцать шестое. Тема: обозначение мягкости согласных на письме. Цель: проверка знаний. Диктант: «У пенька пять опят. Олег ел яблоко. В лесу красивая ель. У пенька опять пять опят».

Мелкий сухой снежок шуршит по стеклу. Я прислушиваюсь — какой-то странный звук. Не то плач, не то хохот. Витька смеется!.. С чего зто он?..

Он входит и становится у меня за спиной. Не оборачиваясь, вижу, как он стоит, оперишсь о дверной косяк —его любимая поза.

— Все же вы с отцом чудаки,— говорит он.— Спросили бы прежде меня!.. Я что, чокнутый? Ничего я с собой делать не собираюсь...

Я сижу, не оборачиваясь. Слезы катятся по моим щекам, капают на диктант. На фразу «У пенька опять пять опят». Не слезы, а грибной дождь...

Телефонный звонок. Как поздно! Витька давно уже спит. На этот раз мужской голос.

— Его нет,— привычно вру я.

— Тетя Наташа? Это Саша Зельцер...

И тут я его узнаю.

— Извините, что так поздно. Я никак не могу его застать... Как он вообще?..

Он называет меня «тетя Наташа», как в детстве. Саша Зельцер! Вот кто мне нужен!..

Что он про зто думает? Ведь они были вместе в тот день! Он знает все!..

Я спрашиваю, понизив голос, прикрыв трубку рукой.

— Зельц, миленький,— говорю я, называя его детской кличкой.

— Мы зашли к ней на почту. Витька хотел меня с ней познакомить. Но мы опоздали, и Света уже ушла. Тогда решили зайти в кафе, которое рядом. Народу в зале было полно. Мы стали осматриваться, но тут заиграл оркестр... Все пошли танцевать, а она осталась за столиком... Она и этот парень. И Витька их сразу увидел... Он так побледнел! Я не знал, что живой человек может быть такого цвета... Я испугался, что он умрет... Вы понимаете... Все же он пережил стресс! Он говорит, что сам не рад. Но пока что не может ее видеть... Потому что все время перед глазами столик в кафе и она с тем парнем...

Он давно спит, мой мальчик. А я в тишине ночи сижу над старыми письмами. Пачка ветхих листков, истертых на сгибах,— письма брата. И свежие, на которых словно едва просохли чернила,— письма сына...

Впервые ищу я в них не различие, а сходство. Ведь они ровесники!.. Конечно, есть разница — мирное время и годы войны. Но ведь что-то есть общее. Должно быть!..

Глубокая ночь. За окном метель, сухой снег шуршит по стеклу. Давно закипел и остыл чайник... Я начала читать по порядку. Но потом письма Коли и Витьки перепутались на столе. И я брала их подряд, не выбирая, и читала, читала... И голоса, перебивая друг друга, звучали в ночной тишине квартиры.

КОЛЯ. «Пишу с нового места. Ставим палатки, в которых теперь будем жить. Место очень красивое, наш лагерь в долине, а вокруг горы. С гор текут ледяные, быстрые реки. Сколько здесь пробудем, не знаю. Надеюсь, не долго... Леха Колесников, как я узнал, уже в госпитале. Ранен в ногу...»

ВИТЬКА. «Служу неплохо. Изучаем оружие, уставы. Учимся одеваться за сорок секунд, наматывать портянки. Двадцать третьего декабря примем воинскую присягу...»

КОЛЯ. «Наш дивизион переименовали в истребительный противотанковый дивизион, мы будем носить на левом рукаве специальный знак. Давно не имел от вас писем. Какие вести от папы?..»

ВИТЬКА. «Вчера был наряд в роту. Мы закончили мыть полы в два часа ночи. Вдруг подходит к нам сержант и дает нам по куску белого хлеба с колбасой и по яблоку — вот здорово! Вообще «старики» здесь хорошие, салаг не обижают, отдают им свои порции масла, первыми пропускают в кино...»

КОЛЯ. «К годовщине РККА получил благодарность за хорошую боевую и политическую подготовку. Сегодня я уже назначен командиром огневого взвода. Работать приходится много. Дело в том, что я и несколько моих товарищей попали в национальные — узбекские — части, разговаривать и преподавать будет трудновато... Обмундирование у нас пока курсантское, но скоро получим новое...»

ВИТЬКА. «Сегодня нам выдали личное оружие — карабины. Поздравили. Вообще служить ничего! Вчера у нас был очень вкусный обед, все мое любимое: гороховый суп, гречневая каша с котлетой и кисель. Завтра иду в наряд, а сейчас спешу на разгрузку угля. Будем работать до двенадцати ночи — надо разгрузить много машин...»

КОЛЯ. «Представь себе, Талка, что я надеваю за один раз — нижнее белье, суконную гимнастерку, ватные брюки, валенки, меховую жилетку, шинель, меховые рукавицы, шапку и подшлемник... Теперь ты видишь, как наша страна заботится о своих командирах!..»

ВИТЬКА. «Праздник прошел на уровне. Двадцать третьего февраля в нашем гарнизоне был парад.

Мы прошли торжественным маршем мимо генерала. Прокричали троекратное «ура» в честь поздравлений министра обороны. Мне присвоено звание ефрейтор...»

КОЛЯ. «Пишу письмо и уминаю твои пирожки, милая мама! Не знаю, как благодарить за посылку! Ведь вы их для себя не печете, а ждете, когда поспеет картошка, которую вы посадили! Тем дороже ваше внимание! Ты не представляешь, дорогая мама, как важно чувствовать на расстоянии любовь матери. Из всего дивизиона посылка пришла мне первому!..»

ВИТЬКА. «Я в карауле, только что с поста, поэтому руки еще не отогрелись — не удивляйтесь, что почерк такой корявый. Вы спрашиваете, что мне прислать? а) Орехи для Димы, б) Одеколон, в) Подковки, г) Конверты по одной копейке — двадцать штук. Остальное на ваше усмотрение, подешевле. Вы, наверное, удивляетесь, кто такой Дима. Это белка. Она живет в нашем гараже, и ее кормит вся часть. Все пишут, чтобы им присылали орехи, и отдают их Диме. Дима совсем ручной — ходит по голове, по плечам, а если чем-нибудь сильно стукнуть поблизости, он поджимает уши, хвост, и такой гнев написан на его мордочке, что даже забавно...»

КОЛЯ. «Нахожусь в районе (зачеркнуто). Это южнее (зачеркнуто). Ехали сюда через Москву. Представляете, что я чувствовал, когда ехал с пушками по улицам, по которым еще недавно гулял!.. Чуть не доехал до нашего дома, но у Таганки свернули направо. Уже побывал в разных переделках. На одном месте стоять не приходится. Все вперед, вперед за драпающими фрицами. Если бы ты видела дороги, по которым мы идем!..»

ВИТЬКА. «Вчера был в увольнении. Я и мой друг Симка Чижов сходили в чайную и отметили год службы, т. к. на дембель мы уйдем в начале ноября. Купили кефир, пирожные и сидели час, вспоминая этот первый год... Взял в библиотеке психологические опыты Леви «Охота за мыслью». Достал учебник, хочу подучить английский... Да, еще вышлите три носовых платка — один белый. P. S. На этой фотографии я выступаю в нашем клубе с докладом о международном положении».

КОЛЯ. «Добрый день, дорогая мама! Получил первое письмо за два с половиной месяца. Меня оно очень опечалило. Все-таки, знаешь, хоть от папы нет известий уже семь месяцев, я почему-то уверен, что он жив. А за его раны я мщу каждый день и буду мстить! Выслал вам две получки, если есть возможность, купи Наталке что-нибудь нарядное. А то она из своих платьев, наверное, давно выросла...»

ВИТЬКА. «Буду писать не часто, я стал старшим объекта, работы по горло. Да еще комсомольская работа, ведь я комсорг взвода...»

КОЛЯ. «Дорогая сестричка! Письмо, которое ты мне прислала, с твоей фотокарточкой пришло как раз перед боем и попало к моему бойцу. Я в это время уходил на рекогносцировку местности. Во время боя этого бойца ранило, и он ушел в госпиталь с моим письмом. Но надеюсь, что он мне его перешлет...»

ВИТЬКА. «Недавно у нас проходили учения. Погода была скверная: дождь, слякоть. Мы шли по дороге, которая была размыта начисто. Это была уже не грязь, а какой-то жидкий кисель. Всякий раз, выдергивая сапоги из этой трясины, я чувствовал, что на каждом висит целый пуд. Так мы продирались сквозь это болото. По лицу, по шинели, по карабинам, по вещмешкам хлестал холодный дождь. Шинели были уже такие мокрые, что не впитывали влагу. К вечеру мы добрались до деревни Н. и заняли исходные позиции...»

КОЛЯ. «Сейчас семь часов утра. Пока тихо, только изредка строчат пулеметы. Скоро начнем варить завтрак. Мы варим его сами, на костре, в бачке. Сплю в блиндаже. Раньше у меня было два вещевых мешка, а теперь только то, что на мне, да еще пара белья. Так даже лучше — меньше забот!..»

ВИТЬКА. «Я увлекся афоризмами, и выписываю их в тетрадь. Вот некоторые из них.

«Там, где прежде были границы науки, там теперь ее центр».

Г. К. Лихтенберг.

«Острый ум — изобретатель, а рассудок — наблюдатель...»

Он же.

«Когда ему помешали любить, он научился ненавидеть».

Гюго (тоже Виктор!)»

КОЛЯ. «Через восемнадцать дней — Первое мая! Мне будет уже двадцать лет! Вот если бы мы все были сейчас в Москве!.. Пришлось бы мне в первый раз за двадцать лет напиться пьяным! Но «будет и на нашей улице праздник!»

ВИТЬКА. «До дембеля семьдесят один день! 10 бань! 2 получки! 4 кухни!»

КОЛЯ. «Получил сразу три письма. Они за мной не поспевают. Очень рад, что Наташа стала хорошей девушкой. Пусть лучше учится. Пусть учится жить. Впереди еще много трудностей и невзгод, надо быть готовой ко всему и уметь переносить трудности легко и спокойно...»

ВИТЬКА. «Ура! Я Дед авиации! Через два месяца буду дома! Когда я думаю о себе, то вижу, что много пользы получил за эти два года. Тот, кем я был до армии, и сейчас — небо и земля...»

КОЛЯ. «Кончается мой денежный аттестат, но обстановка сейчас такая, что новый может пропасть в дороге. Лучше буду переводить вам каждый месяц. Покупайте на эти деньги одежду, обувь, покупайте семена и разводите огороды. В общем, денег не жалейте, лишь бы вы были одеты и сыты. Обо мне не беспокойтесь...»

Так перекликаются они, мой сын и брат, в ночной тишине. Их голоса сливаются, порой они как бы меняются местами в моем сознании. И не Витька, а Коля просит прислать орехи для белки. И не Коля, а Витька спит в блиндаже и выпускает снаряды по вражеским танкам. Коля делается моложе, а Витька старше. Я вдруг постигаю, что Колю сделала взрослым война и что то же самое было бы с Витькой... То же самое?!

Мне становится страшно. Я должна убедиться, что он дома, со мной. Что он жив!..

Я вхожу в его комнату, и долго смотрю, не зажигая огня, как он спит, по привычке обняв подушку, словно боясь, что ее у него отнимут.

Карина
ЗУРАБОВА

Ей 19 лет.
Родилась в Тбилиси.
Учится на третьем курсе Литературного института им. А. М. Горького.
Печатается впервые.

ТОЛЬКО НЕ ПЛАЧЬТЕ

РАССКАЗ

Рисунок
Г. АВЕТИСЯН.

Всегда я спала хорошо — и в поезде, и на аэродроме, и раз даже на гагринском пляже, когда не было мест в гостинице. А в эту ночь спала плохо, вернее, почти не спала.

Прилетели с папой в Москву вечером, а уже на следующий день я должна была идти к актеру Михаилу Владимировичу, который преподавал в Щукинском,— прослушиваться. И теперь я лежала и думала: «А вдруг я не понравлюсь Михаилу Владимировичу, что тогда? Или— еще хуже — он мне не понравится, и тогда я плохо прочту, и ничего у нас не выйдет... Правда, папе он по телефону понравился, это хорошо. А вдруг?..»

От мыслей этих я устала и заснула, и мне приснилось театральное училище: экзаменаторы стоят за высокой кафедрой, совсем не как в школе. Они подзывают меня и говорят: «Идите, деточка, и никогда больше сюда не приходите». От ужаса я проснулась и не спала до утра, вспоминала почему-то выпускной вечер — не спала, но видела, как во сне, глазами вспоминала.

Он был накануне в Тбилиси, в актовом зале школы. Были пирожные, была музыка, было скучно. Девочки, страшно красивые, в «выпускных» платьях, при косметике и на «платформах», жевали пирожные, ругали мальчишек и смотрели на танцующих из параллельного математического. Потом Лике надоело смотреть, как танцуют другие, и она подошла к учителю физкультуры и сама пригласила его танцевать. Потом мы с Ликой ушли гулять на набережную.

На набережной темно, очень тихо, молчат платаны, молчат редкие парочки, мы с Ликой тоже молчим. Останавливаемся напротив гостиницы «Иверия». Гостиница на противоположном берегу, огромная, высокая, отражается в Куре и похожа на большой корабль — веселый (оттого, что светится) и задумчивый (оттого, что отражается в воде). Мы смотрим в воду на дрожащее светлое отражение и молча прощаемся: завтра я улетаю в Москву. Я прощаюсь с Ликой, с Курой, с платанами, с двумя телевышками (старой и новой) на Мтацминде; с прозрачными майскими рассветами, когда можно вскочить и босиком прошлепать на теплый балкон; с бурями цветов на весеннем базаре...

У моста мы переходим улицу и идем обратно. За нами ползет машина «Волга» и несколько раз настойчиво останавливается, но мы убегаем, смеемся от страха и от радости и так оказываемся у моего дома. Лика обнимает меня и уходит. Я поднимаюсь на свой пятый этаж и начинаю укладывать теплые вещи. Я не верю, что в Москве бывает тепло.

В Щукинское пошли утром. Перед Щукинским — узкий двор и во дворе скамейка. На скамейке сидели тоненькие напряженные девушки в ярких кофточках и широких брюках. Внутри, в здании, были полумрак и покой.

Лысоватый сухой старичок с четкой актерской дикцией и голубыми глазами сразу нас узнал, хотя никогда раньше не видел, и повел к себе в кабинет. Это был Михаил Владимирович. Он велел мне снять очки и читать, и я не видела его лица, пока читала. Когда я кончила, он сказал: «Ну что ж, попытайтесь» — и предложил мне пройти прямо на второй тур, считая, что первый я сейчас прошла, и принести документы, если пройду на третий. В дверь заглянул кто-то румяный, со стриженой голо-

вой, и Михаил Владимирович быстро ему закивал. Потом проводил нас до выхода и пожелал удачи.

Было мне очень легко и, когда папа предложил пойти сдавать одновременно еще куда-нибудь — в ГИТИС или Щепкинское,— я весело согласилась.

В Щепкинском, в пустом маленьком зале, висели какие-то списки, а на лестнице стояли две девушки, и одна рассказывала, что едет с группой в Благовещенск, с концертами. «Это, кажется, недалеко от Москвы?» — спросила вторая, и первая ей ответила, что да, часов шесть на самолете, вторая сказала: «Ну, ты даешь!» — и они обе засмеялись и ушли, а в холл вошла старушка в переднике и велела записываться... Я прошла по коридору в последнюю комнату, девушка, раздававшая анкеты, помогла мне заполнить графу о социальном происхождении, сунула, не глядя, анкету в ящик и велела прийти второго июля на первый тур. Я сообщила папе, что записалась и готова идти теперь в ГИТИС — записываться и там.

ГИТИС оказался далеко. Мы шли суетливыми переулками, названий которых я не запоминала, и по дороге встречали очень много красивых и модных девушек, мне казалось, что все они только что из какой-нибудь студии, что они прошли все туры на свете, потому что такие красивые и уверенные.

В ГИТИСе на запись выстроилась длинная очередь. Она двигалась так медленно, что все уже успели перезнакомиться и разделиться на компании. Передо мной стояли две низенькие смуглые девочки, одетые, как пионерки, в темные юбки и белые блузки. Они приехали из Бухары, и завтра у них в школе будет выпускной вечер, жалко так...

— А ты тоже не осталась на выпускной в школе?

— Нет, я успела.

— Вот счастливый человек!.. Сая, ты помнишь мою прозу, можешь проверить? Я сейчас тебе прочту.— И объяснила мне: — У меня чемодан украли, а там тетрадь была с текстами. Хорошо, все выучила!

За мной стояли еще две девушки. Одна рассказывала, как она поступала во ВГИК на режиссерский:

— И говорят мне: «Мы таких самоуверенных не берем, и зачем вам режиссерский, вы красивая, идите лучше на актерский, там таких любят». Я и решила, что, правда, я же красивая, пойду-ка на актерский!..

Девушка рассказывает и все время хохочет, уверенная, что ей это идет.

Рядом девочка со светлыми романтическими локонами, она тихо смотрит на меня синими глазами и тихо говорит:

— Видишь вот этого парня? Он сказал, что только что из Риги, прямо с поезда — сюда...

Я его видела по дороге в ГИТИС и запомнила, потому что он был очень высокий. И весь одного бежевого цвета — и брюки, и куртка, и длинные волосы. И глаза, кажется, тоже. А на плече, на длинном ремне висит большой бежевый сундук и придает ему какой-то бродяжный вид.

Девочку с романтическими локонами зовут Светой, но хочется называть ее Светочкой. Мы с ней становимся в очередь на первый тур. Очередь рассеяна по всему двору. Скамеек нет. Ребята с гитарой поют: «Не везет во МХАТе мне — повезет в другом!» Из окна, где идет какое-то прослушивание, им кричат, чтоб они замолчали. Ребята запевают: «Не везет мне в ГИТИСе — повезет в другом!» — и уходят.

Из окна слышится: «Эх, раз!»—громкий топот и хлопки. Если встать на цыпочки, можно увидеть, как какой-то парень пляшет «цыганочку», здорово пляшет, кто-то из зрителей во дворе не выдерживает и аплодирует. Выглядывает свирепое толстое лицо:

— Поймите, это неуважение, это... Отойдите от окна!

— Девочки, не бойтесь, это на музыкальную комедию принимают, нам танцевать не надо!

— А знаете, здесь очень не любят, когда косметика и лоб закрыт. Всегда просят убрать челку,— говорит Света.

Молодая загорелая женщина в белом сарафане быстро начинает вытирать платком глаза и полные губы и рассказывает:

— Отдыхала я в Ялте, тихо-спокойно, вдруг подруга приезжает, зовет в Москву поступать в ГИТИС, я из интереса и решила: а чего я теряю-то? Так хорошо? — обращается она к Свете.

— Тут еще немного туши,— отвечает Света.— А вам сколько лет?

— Двадцать пять, двадцать пять... Возьмите, девочки, конфеты — для голоса!

Мы берем по конфетке.

— Ты что читаешь, Светочка?

— Тургенева. А ты?

— Лорку: «Я иду по небу, и ромашки цветут...» Короткое такое стихотворение! Правда, что они длинные не любят?

— Они прерывают,—улыбается Света.

Время от времени кто-то выходит на крыльцо и выкликает фамилии, тогда все бросаются к лестнице и переспрашивают друг друга, кого вызывали. Пять человек заходят, остальные еще немного ждут чего-то и разбредаются. Вдруг называют мою фамилию. Света улыбается и торопливо шепчет мне:

— Ни пуха ни пера.

Она остается во дворе, а я подымаюсь по лестнице, и за мной подымается бежевый рижанин.

В комнате после улицы темно, вижу только ободряющую улыбку женщины, сидящей в центре. Она смотрит в лежащие перед ней анкеты:

— Карпович Юрий Оттович... Вы единственный мужчина, выходите первым.

Карпович Юрий Оттович выходит и читает что-то очень быстро и невнятно. Экзаменаторы шепчутся, слышно: «Но внешние данные...» Женщина задумчиво спрашивает:

— Вам говорили, что у вас ужасная дикция?

— Говорили.

— Говорили, да?.. Знаете, Юра, прочтите что-нибудь такое, самое-самое любимое, чтобы ваш голос услышали. Мы хотим вас послушать, понимаете?

Юра молча кивает, отходит в угол и снимает куртку. Аккуратно складывает ее на стул и объявляет:

— Шекспир. «Король Лир».

Несколько секунд стоит неподвижно в своем углу, ссутуливается и медленно, хромая, опустив голову, движется на экзаменаторов. На полдороге он, правда, останавливается и тихо приказывает:

— Ставьте гроб на землю.

И вдруг, все так же сутулясь, поднимает голову и рычит:

— На землю труп, мерзавцы, иль, клянусь,
В труп превращу того, кто непослушен!

Он рычит очень громко, страшно и свирепо, так рычат львы в зоопарке, девочка слева от меня

вздрагивает, а девочка справа хватает меня за локоть и выдыхает:

— Ой, мамочка...

А Юра продолжает:

— Кто женщину так обольстить сумел!

Девочка справа постепенно отпускает мой локоть и, осмелев, подмигивает мне: «Слыхала, что творится?..»

Юра объявляет хрипящим злодейским шепотом:

— Мне женщина сказала, что я красив...

«И правильно сказала,— думаю я.— Но где же король Лир?»

Юра умолкает, выпрямляется и надевает куртку. Экзаменатор рассеянно проводит рукой по волосам и робко произносит:

— Спасибо... Кажется, это был «Ричард III», да? Садитесь, пожалуйста.

Когда пришла моя очередь, я наскоро объявила Лорку и улыбнулась, предвкушая свои «ромашки»,— мне вдруг очень захотелось их прочесть. Голос звучал неожиданно громко, и я подумала: «Какая здесь акустика!»

Последней вызвали девочку справа. Пока читали остальные, она успела мне нашептать, что она из Кирова, что на курс здесь будут брать двадцать пять человек, а заявлений — три тысячи. Но после первого тура отсеются, и что мальчишкам легче, их больше берут, Юру вот наверняка возьмут... У нее была толстая рыжеватая косичка от макушки, глаза круглые, темные, чуть подведенные. Она читала статью Белинского о театре. Женщина в комиссии ее прервала — она всех прерывала —и, улыбаясь, спросила:

— Валя, скажите, кто ваша любимая актриса? Валя молчала.

— Пожалуйста, Валя, скажите.

— Доронина,— сказала Валя отчетливо.— Я могу идти?

— Я так и знала! — обрадовалась женщина.

— Я могу идти? — повторила Валя и действительно пошла к двери.

— Подождите, почему? — очень удивилась женщина.

— Мне сказали: если узнают, что любимая — Доронина, просто выгонят,— сказала Валя, обернувшись у дверей.

— Ой, я не могу, как смешно!.. Садитесь, Валечка, садитесь... Ой, какие глупости!

Женщина отсмеялась и велела всем прийти через три часа — за результатами.

На лестнице Валя подхватила меня под руку, обняла и крикнула:

— Хорошо как, правда?

— Ой, я бы с удовольствием еще раз прочла. Это же ужасно: ждешь, ждешь, а потом минуты три читаешь — и все.

— Ты очень хорошо читала! А я, правда, так люблю Доронину. А здесь, мне говорили, ее не любят... Но мы пройдем, вот увидишь, увидишь! Тебе туда?

Через три часа я опять шла по тенистому Собиновскому переулку. Было очень тихо и жарко, шаги звучали четко, как в детективном фильме. Метрах в двадцати вдруг увидела Валю. Она появилась неожиданно, как взрыв. Она хохотала, размахивала руками и мотала своей толстой косичкой, потом не выдержала и подбежала ко мне.

— Прошла, ты прошла! Из нашей пятерки мы трое прошли, так вместе и висим — ты, я и Карпович!

— Ты сама видела?

— Только что, мы же оттуда!

Тут я заметила наконец рядом с ней Светочку. Она казалась очень усталой и бледно улыбалась.

— Ты все-таки хочешь сама пойти? — смеялась Валя.— Я же видела совершенно точно. Второй тур — завтра, завтра. Какие мы счастливые!

— Слушай, мы просто ужасно счастливые... А я все-таки пойду посмотрю. Света, а как ты?

— Я не прошла,— небрежно сказала Света и прощально махнула мне и ГИТИСу.

А я пошла дальше, в ГИТИС, в зал, где днем стояла очередь на запись; теперь очереди не было, и видны были списки на стенах, и я увидела свою фамилию рядом с Валиной и ошалело кого-то спросила, в котором часу завтра приходить, а потом прочла объявление: прошедшим на второй тур явиться завтра в одиннадцать часов. Долго перечитывала это объявление...

Я иду по небу,
И ромашки цветут...

Это я иду на второй тур. Папа говорит, что все будет очень хорошо, чтоб я ничего не боялась, надо только, когда выйдешь, как следует представить, что вот — идешь по небу и ромашки цветут...

— Это у тебя всегда здорово получается,— говорит папа.

Я знаю, что все будет очень хорошо, но боюсь. Прихожу очень рано, забираюсь на свободное крылечко и жду. К десяти начинают собираться, рассаживаются по всем ступенькам, жужжат, бормочут, повторяют басни, монологи, имена мастеров, набирающих курсы. По лестнице проходят две женщины, одна, не глядя на нас, отрывисто говорит:

— Здесь, над дверью, повесить бы, какую зарплату получает актер!..

— Это Кузнецова? — спрашиваю я.

— Ну да, так они и придут вовремя! — ворчит мальчишка, который все время смотрит на часы.— А у меня в «Щуке» третий тур горит.

— И до двенадцати мы не успеем?

Мальчишка опять смотрит на часы и отсутствующим взглядом — на меня.

— А, все равно, я-то в двенадцать смоюсь. Там третий тур, здесь — второй.

У меня в двенадцать тоже горит тур — в Щепкинском. Первый — не третий, но все равно жалко пропустить, очень. И уж совсем страшно—опоздать из-за него сюда. Я страдаю до половины двенадцатого. Ни Вали, ни Юры нет. Это меня утешает, я кричу всем, чтоб меня запомнили, кричу, что сейчас приду, и бегу на улицу Неглинную, в Щепкинскую студию.

Теперь там очень тесно и суматошно, как на маленьком аэродроме, где из-за нехватки самолетов отложили несколько рейсов.

Когда я наконец протискиваюсь из холла в коридор, оказывается, что я совсем близко — в шестой пятерке. «Сейчас принимают четвертую»,— шепчут мне.

— Вы зачем приехали в Москву поступать, у вас что, своего театрального нет? — допрашивает меня толстая усатая женщина, оторвавшись от моих документов.

— Нет,— радостно говорю я, надеясь на ее неведение.

— Есть,— сурово возражает она.

— Там на грузинском языке,— это я пытаюсь сопротивляться. (Я знаю, в этом году открыли русское отделение.)

— В этом году открыли русское отделение. Вы что, надеетесь, вас оставят в Москве после окончания?

— Надеюсь,— отвечаю я.

Женщина смотрит на меня молча и безрадостно, потом откидывается на неудобную спинку стула и только что глаз не закрывает. Я понимаю, что пора читать, и читаю.

— Спойте что-нибудь.

— Я... я только под гитару могу.

— Под гитару? А какие вы песни поете?

— Разные.— Я интимно подсаживаюсь к ней поближе и пытаюсь объяснить, что я действительно пою только под гитару и что сейчас ей меня не заставить петь. Но ей не пришлось долго настаивать — я отчаянно пою что-то жестоко цыганское, мечтая только, чтоб меня отпустили с миром и не заставили танцевать. Она опять меня прерывает:

— Теперь станцуйте.

— Я не умею танцевать. Совсем. Я совсем ничего не танцую.

— Ну что-нибудь.

— Я ничего не могу. И музыка—музыки нет...

— А вы напевайте,— уговаривает женщина.— Ну, ну, вы, наверно, умеете — что-нибудь национальное.

Национальное... Я вспоминаю, как в детском саду нас учили грузинским танцам. Я вспоминаю, как в балетном кружке нас учили полонезу. Я иду в угол и исполняю нечто среднее между галопом, «шалахо» [1] и «Умирающим лебедем». Наконец, запутавшись в собственных ногах, застреваю посреди комнаты.

— Я же говорила, что не умею танцевать.

Но женщина как будто довольна. Она неожиданно улыбается, что-то говорит соседке и отпускает меня.

— Ну, ты прямо Фигаро, всюду успеваешь!—кричит мне с крылечка Валя.— Иди, иди сюда, мы еще не скоро, ты молодец. Ну, как в «Щепке»?

Валя уже все знает, да здесь все всё знают, смотрят на меня требовательно — ждут информации. Я говорю, что в Щепкинском — кошмар, сразу же петь-танцевать заставляют и допрашивают с пристрастием, зачем вообще сюда приехала.

— Ну вот,— возмущается Валя,— им-то какое дело? Я бы им так и ответила! А ты что сказала? — Но ответа не ждет, отворачивается и кому-то машет.

— Мы, наверно, опять все в одной пятерке: я, ты и этот... длинный,— она показывает куда-то вниз.

Во дворе, по газону, среди кустов, блуждает Юра Карпович. Он нас не замечает. Наверно, репетирует монолог Гамлета. Или обещанного короля Лира.

— А у меня бабушка — актриса,— вдруг говорит Валя.— Сахарова, не слыхала? Заслуженная артистка. Она мне давно уже говорила: поезжай, поступай. А я боялась,— смеется она,— побоялась и пошла работать.

— Куда?

— Стюардессой. А в этом году взяла наконец и решилась. Я тоже могла с папой приехать. У меня папа — военный. Он все хотел со мной ехать, но я говорю: «Ну, где это видано, чтоб взрослый человек, замужний, ехал с папой — поступать? Неприлично!»

— Вы замужем? — надменно спрашивает стриженая девочка.

— Замужем,— небрежно говорит Валя.— Убери челку, здесь всем говорят, чтоб убирали... У меня муж в Ленинградском театральном учится.

— В театральном? — вздыхают несколько голосов.

— На актерском. Хотел на режиссерский, а попал туда. Ему легко, сразу взяли — морда очень красивая.

— Странно,— медленно выговаривает надменная девочка,— «морда» и «красивая».

Валя смотрит на нее снисходительно, быстро сбегает с лестницы и манит меня пальцем.

— Я очень голодная,— заговорщицки сообщает она, выделяя каждое слово.

— Я тоже,— шепчу ей в тон.

— Так пойдем пообедаем!

— Опоздаем.

— Ни за что не опоздаем. Там сейчас знаешь, какую пятерку слушают? Вторую! А мы в восьмой.

— Откуда ты знаешь?

— В восьмой, восьмой... Или в десятой! Да идем, я тебе говорю, здесь близко такая столовая хорошая, я вчера ее нашла,—и она тащит меня к выходу.

— ...Здравствуйте, молодой человек,— громко говорит Валя солдату, красящему железную решетку нашего двора.

— ...Смотри, смотри, Смоктуновский! — оглушительно шепчет она мне у театра Маяковского.— Видела? Видела?

— Нет...

— Ах, да вот! Ты посмотри!— Она вертит меня во все стороны.— Увидела? Ну все, уехал!.. Хоть машину увидела? — После короткой паузы: — Знаешь, я просто не понимаю людей, которые лезут во все театральные сразу.— Валя как будто забыла, что час назад я примчалась из Щепкинского, и азартно продолжает: — Ну, как так можно, не понимаю! Вот я, например, принципиально поступаю только в ГИТИС — и больше никуда не хочу.

— Валечка, а если не поступишь в ГИТИС?

Валя молча удивляется: что еще за глупость, почему она не поступит? И восклицает:

— Вот столовая. У Повторного кино.

Над меню она не раздумывает:

— Я в прошлый раз ела утку, здесь очень вкусная утка! — и заказывает себе и мне утку.

Приносят утку — смуглую, жирную и блестящую. Валя храбро, не боясь обжечься и запачкаться, ее разделывает и весело болтает с подсевшим к нам маленьким небритым человеком из породы командированных. Маленький небритый человек робко угощает нас коньяком, мы дружно отказываемся, а Валя, толкнув меня под столом, объявляет, что мы сестры, что приехали из Армении... ой, то есть из Тбилиси, приехали поступать, а куда — ни за что не скажем. Угадайте!

Маленький небритый человек безуспешно пытается угадать. Валя кокетничает: «А вот и нет!.. Ну, что вы!.. А вы подумайте: ну куда бы нам поступать?»— и, уже приканчивая утку, серьезно объясняет:

— Мы поступаем на актерский. И через полчаса у нас второй тур!

Командированный растроган. Он пьет коньяк за нашу удачу.

Мы с Валей выходим. Утка совершенно преобразила мир, исчезло понятие «провал». Валя смотрится в стекло машины.

— Молодые! Прекрасные! Сытые! И мы можем не попасть?!.

Седая женщина в серебристо-сером костюме, в очках с металлической оправой похожа на классную даму. То есть, может, она и не похожа, но именно такими я представляла классных дам — седыми, строгими, в серебристо-серых костюмах. Она вызывает Юру, и Юра без всяких уже предисловий исполняет Ричарда III.

— Спасибо. Попробуйте, пожалуйста, не так громко, но думайте.

Юра пробует думать.

---

[1] «Шалахо» — грузинский танец.

— Спасибо, Юра, сколько вам лет?

— Двадцать четыре.

— Двадцать четыре... Видите, вы уже старый для театра. Если вы сейчас поступите, то, когда вы кончите, вам будет двадцать девять. В таком возрасте вас переучивать очень сложно, у вас очень театральное—вы понимаете? — театральное исполнение. Вы в Риге в драматическом театре не работали?

— Нет, у нас хороший театр, меня бы туда не взяли,— серьезно говорит Юра.

— А где вы работали?

— На фабрике сувениров. А раньше — в театре пантомимы.

Седая женщина («Это Кузнецова, она курс набирает»,— шепчет мне Валя) слушает очень внимательно и вежливо.

— А что случилось с театром пантомимы?

— С театром порядок. На гастроли выезжали. И ребята все подобрались моего роста, такая норма была, очень удобно. Поработали два года, а потом старые стали уходить.

— Почему?

— Ну, ребята там женились, а зарплата — восемьдесят рублей, понятно, уходили, а у новых оказалась своя норма, и в конце концов я один там остался торчать, как из другого измерения. Нельзя. Ушел. А на фабрике этой надоело, мне приятель и посоветовал сюда поступать.

— Ну, что мне с вами делать? — горестно вздыхает классная дама.— Я с вами, Юра, как мать, говорю. Подумайте.

Следующей вышла тоненькая высокая девочка с ярко-красными ногтями. Она чуть не захлебнулась от волнения и попыток что-то сказать, пока Кузнецова изучала ее документы. Наконец Кузнецова подозрительно взглянула на нее:

— Позвольте... Это вы Жанна Пастернак?

— Я! — испуганно вскрикнула девочка.

— А фотография здесь чья?

— Подруги... У меня не было с собой карточки, я наклеила ее, думала — все разно...

— Нет, ну что это такое,— потрясенно сказала Кузнецова.— Вы послушайте, Зоя! — обратилась она к молоденькой ассистентке.— Такая красивая девочка — и чужое лицо наклеила. Ты бы еще подругу вместо себя привела! Ну-ну, читай!

Жанна Пастернак глубоко вздохнула и начала монолог Лауренсии. Кузнецова сразу погрустнела, что-то сказала Зое, и та заворожила над бумагами.

Потом вышла я.

— Шестнадцать лет. Из Тбилиси. Все ясно. Читайте.

Я прочла, радуясь и удивляясь, что меня не прерывают. Вернее, обрадовалась и удивилась, когда кончила читать. И подумала: «Сейчас спросит, почему я приехала в Москву».

— Елена,— сказала Кузнецова мечтательно,— что бы вы хотели играть?

Я молчала, отчаянно пытаясь вспомнить какую-нибудь женскую роль.

— Вот представьте такой идеальный случай: все возможно, любую роль, какую вы хотите, вам сейчас же дают. Какую бы вы хотели?

— Не знаю,—ответила я, как партизанка на допросе.

— И все-таки...

Теперь я не помнила вообще ни одной роли — ни женской, ни мужской.

— Что же, мировая драматургия еще не создала для вас роли, Леночка? Не бойтесь, любую роль из любой пьесы.

— Какую-нибудь главную роль...— ответила я бессильно.

— Главную,— глубокомысленно повторила Кузнецова, строго взглянув на хихикнувшую ассистентку.— Главные роли тоже бывают разные... Вот Кабаниха и Катерина — обе главные...

— Ой, лучше Катерину! — воскликнула я радостно.— Знаете, я монолог Катерины знаю! Я его прочту, хорошо?

И начала монолог Катерины.

— Спасибо большое,— прервала меня Кузнецова и вызвала Валю.

— Моя бабушка — Сахарова,— возвестила Валя,— вы с ней вместе учились, помните?

— Ах, Сахарова? Помню, помню,— отвечала та, приятно улыбаясь, но без тени удивления, как будто давно и терпеливо ждала этого часа.— Я вас слушаю.

Прочитала Валя очень скучно и плюхнулась на стул рядом со мной.

— Слушай, я ужасно читала?

— Знаешь, нехорошо... Ты очень волновалась?

— Ужас, ужас!.. Просто что-то случилось, я еле рот открывала. Что делать?

— Может, остаться и прочесть ей снова?

— Барышни, не шептаться, выгоню обеих,— сверкнула на нас очками классная дама.

— Останусь! — просияла Валя и осталась.

Когда мы все выходили, она стояла посреди комнаты и бесстрашно смотрела на Кузнецову.

Папа ждал меня у крыльца. Юра опять вышел первым, взвалил на плечо свой сундук и сказал, блеснув золотым зубом:

— Ну, кажется, я свое отрычал.

— Завтра результаты? — спросил папа.

Юра опять блеснул папе золотым зубом:

— Пройдет на сто пятьдесят процентов!

Это он про меня. И удалился.

А папа снова повел меня улицами, названий которых я опять не запоминала, и говорил, что надо обязательно зайти к Эмме Иннокентьевне, она уже узнала, что мы в Москве, звонила, не зайти просто неудобно.

— Да, и потом, ты же знаешь Эмму. Она все может. Она просто не верит, что можно чего-то хотеть и не сделать.

Эмма Иннокентьевна жила на Кутузовском. Она любила гостей. Принимала она их в тесной кухне, тесной из-за огромного мягкого дивана, поставленного туда за неимением другого места.

Мы с папой качались где-то в глубинах этого дивана, а Эмма — седая, толстая, с ясными синими глазами на бело-розовом лице старой маркизы — грела нам обед.

Папа с готовностью рассказывает, как я прошла на второй тур в трех студиях.

— Так есть серьезная опасность, что она поступит?

Я говорю, что серьезной опасности нет, поэтому было бы хорошо попробовать... побывать... прослушаться везде... Есть еще студия при МХАТе. Но там, говорят, запись уже кончилась.

— При МХАТе? Директор студии — Веселовский! Если он сейчас не в отпуске... Ах, да, сейчас же экзамены... Я ему звоню!

Она тащит из комнаты телефон на длинном поводке.

— Веселовский — чудесный человек! Мы с ним познакомились в санатории. Я говорю: «Ты больной — и я больная, тебе шестьдесят пять — и мне шестьдесят шесть, давай,—говорю,— если не умрем до осени, поженимся»,— смеется Эмма Иннокентьевна и набирает номер.

Через пять минут она торжествующе швыряет телефон на диван.

— Завтра, в два, пройдете прямо к нему, к директору.

На следующий день, в два часа, я гуляла по небу в кабинете Веселовского. Он сидел в темном кожаном кресле и грустно смотрел на меня из мягких выбритых морщин. Потом он сказал, что у меня акцент. Этого я не ожидала — про акцент мне нигде не говорили — и испугалась, запротестовала:

— Но ведь акцент можно исправить, убрать!

— Можно, можно,— сказал он печально.— Я вас пропущу, деточка, на второй тур. Но небольшой акцент имеется.— И вздохнул.— Как скажет комиссия! Я буду за вас.

Он отвел меня в другой кабинет.

— Вот, Лидия Аполлоновна, мы ее сегодня прослушаем.— И Лидия Аполлоновна, секретарша, не доверяя моему почерку, сама заполнила под диктовку анкету, потом провела меня через маленькое фойе в узкий длинный коридор и посадила на стул — ждать. В коридоре и фойе было тревожно и пусто, даже не пусто, а как-то торжественно пустынно, только рядом со мной сидела девушка лет двадцати в полосатом коротком платье и тоже сурово молчала. В конце коридора открылась дверь (в коридор выходило много узких скучных дверей) и донесся голос:

— Остальным приемная комиссия не рекомендует поступать в театральные вузы.

Оттуда выполз и как-то бесследно рассосался пестрый рой тех, кому не рекомендованы театральные вузы, а мне стало не по себе от этого голоса, и я жалобно взглянула на соседку — что она скажет? У нее были твердый профиль и нежная кожа, очень белая. Она полностью игнорировала дверь в конце коридора, холодно осмотрела меня и спросила:

— Сколько вам лет? — как спрашивают «который час?».

— Семнадцать,— ответила я, бессознательно накидывая год.

— Так вы сразу после школы? Еще не знаете жизни. Здесь любят взрослых людей, которые познали жизнь. Вот я,— с достоинством сказала она,— я поступаю третий год. Я теперь все знаю, как здесь делается, я жизнь познала...

Мимо нас важно прошел усатый старик с палкой.

— Здравствуйте, Михаил Захарович,— вскочила девушка, познавшая жизнь.

Старик покосился на нее недоуменно и вошел в дверь перед нами.

Постепенно длинный коридор заполнялся, приходила Лидия Аполлоновна, приводила еще каких-то ребят, ободряюще мне кивала. Не хватало стульев, один мальчишка молча сел в углу на корточки. Промчался по коридору лохматый парень в джинсах, про него тут же заговорили, что он прошел на третий тур и здесь и в «Щуке», и Буров, набирающий в «Щуке», лично пообещал ему место, и вот он забирает отсюда документы и идет к Бурову.

Вдруг дверь перед нами открылась, и мы — нас оказалось пятнадцать человек — вошли в просторный зал. Где-то в глубине стоял длинный стол, и за ним сидел тот усатый старик, а с краю — я узнала — Веселовский, и еще в два ряда сидели люди, молодые и старые, все черно-белые, безмолвные, как на похоронах. Прослушивание шло очень быстро.

Моя суровая полосатая соседка произнесла:

— «Казначейша». Михаил Юрьевич Лермонтов,— так же уверенно и с достоинством, как «Здравствуйте, Михаил Захарович».

Ее терпеливо послушали, спросили: «Вы москвичка?» — и вежливо поблагодарили. А мне так надоели мои ромашки, что я вдруг прочитала Блока.

— У кого-нибудь есть вопросы? — спросил Веселовский после могильной паузы.

Вопросов не было.

— Спасибо,— грустно сказал Веселовский, и я села, оглушенная тишиной.

Когда я немного пришла в себя, перед комиссией стоял мальчик, маленький, веселый — но не нахально, а беззаботно-веселый,— и объявлял:

— Владимир Маяковский! Поэма «Во весь голос». Эта поэма...

— Мы знаем эту поэму,— сказали ему,— читайте.

— Нет, я хочу вам объяснить,— широко улыбнулся мальчик,— что эта поэма — незаконченная, и Маяковский...

— Читайте, читайте, Лаптев,— сказал молодой секретарь,— потом объясните.

Лаптев стал читать, все так же широко улыбаясь, на весь зал, громко, весело, местами перевирая слова, и в комиссии произошло какое-то легкое шевеление, мне даже показалось, что черные фигуры за столом заулыбались, правда, я не видела без очков. И уже совсем другим, тоже по-мальчишески веселым голосом спросил молодой секретарь:

— Троек-то много в аттестате?

Потом в коридоре всем было скучно и неспокойно, все догадывались о результатах — и все надеялись. В фойе появился папа.

— Ну, как дела?

— Плохо. Не надо было мне Блока читать.

— А почему ты Блока читала? — Он помрачнел.— Я сейчас был в ГИТИСе. Тебя там в списках нет.

В коридор вышел молодой секретарь:

— Лаптеву и Омельченко остаться. Остальные свободны.

— Пойдем? — сказала я.— Интересно, кто это — Омельченко?..

Вечером я опять сидела в мягких объятиях Эмминого дивана, а папа опять пил чай и говорил:

— Ваш Веселовский — плохой человек, Эмма Иннокентьевна, не выходите за него замуж.

— Веселовский — бандит, я ему так и скажу... Плакала? — повернулась Эмма ко мне.

— Ну, что вы, Эмма Иннокентьевна,— плакать!..

Эмма что-то рассказывает, а я вспоминаю, где же было обидней проваливаться — в ГИТИСе, где все так мило и ласково говорили, или в ледяном МХАТе? Вспоминаю, как во МХАТе со мной даже не стали разговаривать, и мне действительно захотелось плакать. «Да бог с ними,— думаю я,— неудобно же пройти во все четыре училища, где-то надо и провалиться».

— Собственно, так и было задумано,— говорит папа.— Надо использовать все возможности.

— Конечно. Везде, где была возможность провалиться, я провалилась,— смеюсь я.— Осталось еще использовать ее в «Щуке» и «Щепке»!

Эмма одобрительно улыбается и рассказывает несколько старых столичных сплетен, очень забавных. Она выходит провожать нас к лифту, грозится звонить каждый день и говорит мне шепотом:

— Ты держишься молодцом! Но ночью все-таки будешь плакать, а?

Как будто это самое главное — буду я плакать или нет!

Очень маленькая девушка бегает по коридору Щепкинского училища с листком в руке. Она вбегает в комнату, где на стульях и столах сидят абитуриенты, обводит их грозным взглядом и требова-

тельно называет пять фамилий. Потом выводит эту пятерку в коридор и пересчитывает, ей кажется, что их четверо, она хватается за голову и кричит:

— Почему вас четверо? Кто удрал?

— Нас пятеро,— отвечают ей, она опять пересчитывает пятерку и в изнеможении прислоняется к стене.

— Стойте смирно. Вот здесь. Никуда не расходитесь. Я вас умоляю.

Потом снова заходит в комнату, называет еще пять фамилий и кричит:

— Никуда не уходите! Ждите здесь! Никуда не уходите, я вам сказала — вы будете следующие! — и что-то помечает в своем листке.

Первая, кого я вижу в этой комнате,— Валя! Она сидит на столе в окружении трех девиц и двух мальчиков, зовет меня:

— Ленка! Ты здесь? — и королевским жестом приглашает сесть рядом.

— А ты что здесь делаешь, Валечка? Кто-то мне клялся в верности ГИТИСу...

— Постой, постой, ты здесь на втором? А я на первом стою. А про ГИТИС сейчас расскажу. Слушай, ты не прошла?

— Ну да.

— Я так удивилась! Стою у списков, смотрю — тебя нет, я решила, что-то не то, может, неправильный список. Я зашла в кабинет, там, где запись была, и спрашиваю: «Это настоящий список?» «Самый,— говорят,— настоящий». «А где же Лена?» «Не прошла, наверно, ваша Лена». Ну, я обалдела... А я прошла! Я же тогда осталась, ей опять читала и так хорошо, знаешь! И на собеседовании была — оно перед третьим туром.

— А Юра прошел, не знаешь?

— Юра? А, да, он прошел, мы с ним вместе на собеседование попали.

— И что же там, на собеседовании?

— Спрашивают: «Зачем вы, девушка, сюда пришли?» А я так их боялась и вообще такого не ожидала, я не смогла сразу ответить, молчу, как дура. Они и говорят: «По виду вы вроде взрослая, а по уму — нет». Вот я и ушла. Не дотянула до третьего тура. А что тебя в списках нет, я очень удивилась. Так с тобой Кузнецова хорошо говорила... Но знаешь, чего не надо было делать?

— Чего?

— Катерину читать! — воскликнула Валя после эффектной паузы.

— Почему?

— Она же русская — Катерина! А тебе Гульдамару какую-нибудь играть!

— Кого играть?

— Гульдамару,— рассмеялась Валя.

Тут вошла девушка с листком и увела меня в кабинет, где принимали второй тур. Окно было открыто, и в кабинете пахло садом.

После прослушивания маленькая девушка с листком вывела нас на светлую лестничную площадку и опять велела ждать, никуда не двигаться и не расходиться.

— Ни-ку-да, понимаете? Господи, за что Пал Петрович попросил меня готовить эти пятерки, я ж с ума сойду,— сторожи тут вас!.. Ты откуда? — закричала она появившейся вдруг Вале.— Господи, она ж вовсе с первого тура, она мне все напутает!

— Таня, я на минуточку, я сейчас уйду,— зачастила Валя, пробиваясь ко мне.— Ленка, я тебя под дверью слушала, все было прекрасно, записывай мой телефон...

Танечка неумолимо замотала головой, взяла своей маленькой рукой Валю за локоть и потащила в коридор.

— Травестита! — заорал ей вслед парень, до этого молча сидевший на окне.— Не реагирует,— отметил он.— Уже не реагирует... А вот спорим, меня примут. Я успел везде провалиться, здесь меня должны принять. Сейчас войдут и объявят: прошел.

— А третий тур?

— Ерунда, пройдем и третий, там всего пять — семь лбов на место. Я уже везде провалился, мне просто нет другого выхода...

Когда вошла «Травестита» и назвала фамилию, он соскочил с окна, запрыгал, заплясал и крикнул, хлопнув маленькую распорядительницу по плечу:

— Мы теперь с тобой одной верррeвкой связаны!..

— На музыкальную проверку — по коридору направо,— невозмутимо сказала она.— Остальные свободны.

Папа ждал на улице. Увидел меня и вздохнул:

— Здесь, на Неглинной, самые вкусные в Москве пирожки. Возьмем?

В Щукинском после прослушивания мы ждем в полной темноте на широком диване. Из-за темноты все говорим шепотом. Где-то над нами угадывается длинная фигура студийца:

— Второй тур? Ну как? Кто принимал?

— Не знаю... Женщина, черная такая.

— Кашляет все время.

— Курит много и улыбается так — брр!

— Ничего себе, словесный портретик,— ухмыляется в темноте студиец и растворяется.

Кто-то рассказывает легенду из местного фольклора, как одна девочка не прошла второй тур и не долго думая полезла на прослушивание опять, но к другому мастеру — и попала. Сейчас она на третьем курсе.

Дверь в кабинет скрипит и немного приоткрывается, выпуская лучик света. Диван настораживается, потом кто-то разочарованно шепчет:

— Сквозняк...

— Нет, но как вам понравилось мое пение? — приглушенно восклицает беловолосый парень в тельняшке.—Маразм, а?

— Лучше бы, конечно, чего понароднее,— сочувствует другой, который тянул «Ходят кони над рекою».— Они это любят.

— Бог их знает, что они любят,— замечают с другого конца дивана.— Никак не разберешь.

— А я уже провалилась в трех училищах,— заявляю я.— Мне теперь нет другого выхода, кроме как пройти.

Это имеет успех: диван дрожит от смеха. А я еле сдерживаюсь, чтоб не сказать: это действительно единственный выход, так надоело проваливаться...

Дверь в кабинет распахивается, мы захлебываемся светом и слышим, что все свободны. Все.

— Свободны,— повторяет парень в тельняшке,— свободны, вот как здорово...

И медленно встает. Диван провожает нас вздохом облегчения.

Внизу я оказываюсь рядом с тельняшкой. Он щурится на солнце и говорит мне:

— Побегу во ВГИК на второй. А вы?

— А я... А я уже все. Я везде провалилась, я же говорила.

— Ничего, ничего. Не пропадем,— говорит парень убежденным гипнотизерским голосом и чарующе улыбается. Уже почти на ходу озабоченно бросает: — Только не плачьте!

Как будто это самое главное — плачу я или нет.

Ирина
ХУРГИНА

ЖЕНИХ

РАССКАЗ

Рисунок
О. КОКИНА.

Почему я всегда опаздываю? Я опаздываю при любой погоде, в любом настроении, на любое расстояние. Зато у меня вечно масса благих намерений. С утра я даю себе слово — сегодня начинаю новую жизнь, выйду из дому вовремя, пойду не спеша. Ведь это так противно — прибегаешь вся взмыленная, сердце где-то в горле, глаза навыкате — и поздно.

Папа говорит: «Что это за отвратительную привычку ты выработала себе в последнее время? Опаздывать — это так неинтеллигентно, так некрасиво, это такое неуважение. Как не стыдно!»

Мне очень стыдно, я все время спешу, тороплюсь, но выхожу стабильно на двадцать минут позже.

Вот и сейчас у меня только одна рука накрашена и звонит телефон.

— Тетя Таня, вы что не едете? Мама сказала, вы будете в десять.

— Я уже выезжаю, Лелька, сейчас буду. Смотри в окошко.

— Ну-ну, давайте, а то я начну безобразничать.

— Только не пугай. Пока!

Ладно, ногти докрашу у Лельки. Бегу, Инна так боится оставлять ее одну. Мало ли что...

Лелькин нос торчит в окошке. Ждет, трусишка.

— У нас, тетя Таня, такая зараза в саду, это что-то ужасное.

— Какая зараза? Ты завтракала?

— А как же! Страшная зараза. Растет такими зелененькими точечками на лице. В общем, вы знаете, ветрянкой называется. Вы как приехали, на машине?

— Угу.

— А кататься поедем? Знаете что, я хочу с вами посоветоваться. Какое платье лучше надеть: зеленое с белым или красное в горошек?

— Надевай желтенькое с короткими рукавами.

— Нет, надо теплое, а то я уже почти кашляю.

— Тогда лучше в горошек. Ты одевайся, а я пока ногти докрашу.

— В горошек, вы считаете, больше понравится?

— Кому?

— Ну, людям. Я вам по дороге что-то расскажу.

— Лелька, а мама очень волновалась?

— Ужас, тряслась вся прямо. Папа ей дал валерьянку. Мама говорит: Таня, конечно, опоздает, не бойся одна. А папа говорит: чего бояться, ей уже шестой год идет. А почему, тетя Таня, он так давно идет и все никак?.. А что, тетя Таня, этот диплом боится, от кого мама поехала его защищать?

— Диплом, Лелька,— такая работа, ну, как итог маминой учебы. Защищать — это она просто отстаивает интересы диплома перед комиссией. У мамы очень хорошая работа, профессор ее хвалил, сказал, что мама еще откроет новые горизонты в области тонкой химической технологии. Зря мама так волновалась.

— А мама говорит, что это папа откроет новые горизонты в физике плаксы, что ли.

— Не плаксы, а плазмы. Ну, оделась? Ноги не замерзнут?

— Не, поехали...

В машине я переложила этюдник на заднее сиденье, пристегнула Лельку, как взрослую, ремнем безопасности, и мы покатили к центру.

— Вот что,— сказала Лелька.— Я вам сейчас тайну скажу. Вам интересно?

— Ты же знаешь...

— Тетя Таня...— после долгого молчания выдохнула Лелька.— Тетя Таня, я вам жениха нашла!

Я затормозила.

— Лелька, от тебя можно умереть! Ты думаешь,

что говоришь? Какого еще жениха! Что за глупости тебе в голову лезут?

— Хороший жених — волосы вьются и рубашка желтая.

— Скажи, Лелька, неужели я действительно такая некрасивая, что меня надо сватать? — Мне казалось, что я вижу свою пылающую физиономию, и, как всегда от стыда и смущения, хотелось чихать.

— Нет, тетя Таня, вы не огорчайтесь, вы не такая уж... у вас глаза голубые, и, пока вы еще не старая, вам надо замуж. А старым уже не надо. Тетя Таня, я маме не говорила, никому не говорила, только вы знаете, он очень хороший, вот увидите.

— Слушай, Лелька, если он тебе так нравится, почему бы тебе самой не выйти за него замуж?

Лелька замялась. Безусловно, она подумывала об этом, но... Она отвернулась к окну, почесала ладошку и вздохнула. И, как всегда в трудных случаях, перевела разговор на другую тему — додумывала неясное.

— Да, совсем забыла вам сказать. Меня, может, переведут в подготовительную... Старая бабушка, куда ты лезешь! — Это восклицание уже относилось к перекрестку, который мы проезжали. Вообще Лелька очень эмоционально относилась к дороге — одних она ругала, других жалела, третьим советовала поскорее убраться, «а то как выйду»...

На нашу машину все обращали внимание, у светофоров люди выглядывали из окошек и улыбались: рядом был самый прелестный ребенок Москвы — копна темных, модно подстриженных кудрей, обаятельнейшая улыбка, миллион веснушек и безумно непоседливый характер. Уже два раза я заново пристегивала ее ремнями. Лелька бесконечно крутилась, подпрыгивала, жестикулировала и дрыгала ногами. У меня уже начинало рябить в глазах.

— Это что? А, знаю, молчите, это Октябрьская площадь. Точно? А куда мы едем, тетя Таня?

— На кудыкину гору.

— Ну, честно, тетя Таня...

— Сейчас поедем за красками и, если вдруг будет, купим колонковую кисточку № 10. Потом мы развернемся — вжик — вот так и поедем куда глаза глядят.

— А я знаю, куда глядят! Знаю! — подпрыгнула Лелька.— На Черную речку! Едем?

— А что там, на Черной речке?

— На Черной речке — жених!

— Опять начинаются завиральные идеи...

— Не-е-ет, тетя Таня, ну, правда ведь жених.

— Я уже предложила тебе выйти за него замуж, а ты что-то мнешься.

— Просто мне рано,— вдруг очень серьезно и с расстановкой сказала Лелька.

— Лелька, этот недостаток с возрастом пройдет, а жених тебя подождет.

— Да ладно, я себе другого найду, а этого я вам...— Она помолчала.— Поехали, тетя Таня, а? Ну, пожалуйста, на Черную речку.

— Поехали,— сказала я и вдруг почувствовала себя ее ровесницей и почему-то аферисткой.

— Ой и мчимся же мы! Никто еще нас не обогнал! — Лелька сидела, подогнув под себя ногу, и со страдальческим лицом жевала яблоко.— Не хочу больше, ну, тетя Таня...

— Ешь, не то сейчас поедем обратно. Ты же еще ни куска не проглотила, у тебя все за щеками, как у хомяка.

Лелька вздыхала и облизывала яблоко.

— Лелька, остановимся и будем стоять, пока не съешь.

— Ем, ем...— Она громко, чтобы я слышала, разжевала кусок, повернулась ко мне и открыла рот: — А! Скажите, тетя Таня, а вы талантливая художница?

— Очень,— засмеялась я.— Почему ты спрашиваешь?

— Мама говорит, что талантливая, а я не знаю.

— А я тоже не знаю.

Лелька замолчала.

А ведь действительно не знаю, подумала я. Многим нравятся мои работы, в институте они из лучших, но это все не то. Я хочу знать, какая я, иначе невозможно работать. Вот уже два месяца у меня ничего не получается, замазываю холст за холстом, чувствую себя, как в мешке — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Мне кажется, что у каждого художника есть свое особое понятие красоты — своя красота. Даже самому маленькому художнику эта «его» красота должна открыться, иначе он берет кисть в руки зря. А мне пока ничего не открылось, пока я живу «чужой» красотой, и поэтому ничего не получается. С тех пор, как я это поняла, все плохо: и этюдник только оттягивает руки и даже то, что у меня есть, наконец, новенькая колонковая кисточка № 10 — даже это не радует. Я заранее знаю, что сейчас будет. Поставлю на пригорок этюдник, выберу пейзаж, прикреплю лист бумаги и выну акварель. А дальше и думать не хочется. Сниму акварельку с этюдника и суну в папку, даже не взгляну, потому что я и с закрытыми глазами знаю, что у меня на листе, а рассматривать совсем не интересно. Нету там меня, Тани Кустовой, нету, хоть тресни. И странно то, что не знаю, в чем это «я» должно быть. А может, и не надо, а может, и зря все это, глупо и суетно. Суета сует — я как все, я суммирую в себе «красоту» профессора Румянцева, Лихарева, Анны Палны Бескрылой и старой селедки Терпсихоры. Нету во мне «искры», нет своего, от чего загорается огонь кисти. Завтра мне двадцать один — хватит ждать, уже поздно чему-нибудь прийти. Ведь если...

— Вы почему не спрашиваете, как его зовут?

— Что? Кого?

— Жениха зовут Мишка. А фамилию сказать? Такая смешная — Суровой. Смешная?

— Ужасно смешная.

— Вам сейчас ничего не смешно? Да? — Лелька покрутилась, положила на сиденье другую ногу, подперлась кулачком и вздохнула.

— Когда уже Черная речка?

— Вот твоя Черная речка.

Мы въехали на косогор. Внизу, у длинной и худой речки, раскинулся целый палаточный город. Пестрые палатки, яркие машины, зеленоватая спокойная вода. И вдруг за поворотом — похоже на настоящие сибирские пороги — бешеное течение клубами, и над этим местом развешаны какие-то странные качающиеся ворота, штук двадцать — двадцать пять. По берегу двое в шлемах несли перевернутую вверх днищем байдарку — даже отсюда видно, какие они мокрые. Кто-то тащит длинные весла, кто-то сушится у костра.

— Водный слалом,— четко, как по радио, сказала Лелька и тревожно посмотрела на меня: нравится или нет?

— А ты откуда это знаешь? — задохнулась я, настолько фантастически красочным было это зрелище.

— А знаю,— очень определенно ответила Лелька и открыла дверцу.

Я поставила машину в тенек, вынула этюдник и подошла к Лельке. От нетерпения та уже не могла держаться на месте, казалось, сейчас взревет мотор, и она взмоет ввысь.

— Ну, быстрее, ну, пошли, ну, что же вы, тетя Таня...— подпрыгивала она, вцепившись в мою руку, и потащила за собой на бешеной скорости вниз с горы.

Мы бежали по берегу туда, где стояла галдящая, пестрая и веселая толпа. Там — самый бурный участок потока, самая большая частота висящих ворот.

Идущие мимо люди оглядывались на нас — смешная, наверно, картина: маленькая девочка изо всех сил, бегом, тащит за собой здоровенную девицу с неуклюжим, бьющим по ногам зтюдником.

Вдруг Лелька остановилась, подпрыгнула, махнула руками и взвизгнула:

— Мишка! Суровой!

На тихом участке речки в какой-то смешной, похожей на дельфина бело-голубой лодке быстро плыл, браво размахивая веслом, парень в каске и спас-жилете. Потом я узнала, что зта симпатичная одноместная лодочка называется «каяк». Парень оглянулся, так же сосредоточенно повернул и поплыл к берегу.

— Вот, вот он, смотрите, ну, как? — дергала меня за руку Лелька с видом заправской свахи.

Легко, как мячик, на берег выскочил высокий парень — широченные плечи и узкие бедра — идеальная натура. Я прищурилась. Он стащил шлем, подтянул закатанные до колен штаны и помахал нам рукой. Лелька сорвалась с места, кубарем скатилась вниз и в восторге повисла у него на шее. Парень улыбался добро и нежно, смешно топорща совсем еще молоденькие усики. На вид ему было лет семнадцать.

— Это тетя Таня,— сказала Лелька,— а зто Мишка. Вот.

Он пожал мне руку мокрыми, вроде совершенно железными пальцами. Конфузливо близоруко сощурился.

— Свадьба пришла,— вдруг тихо сказала Лелька и закрыла лицо руками.

—...Малыш, вот вырастешь, поймешь, почему,— втолковывала я Лельке. Мы шли вдвоем по берегу: Мишка ушел к старту — скоро была уже очередь их зкипажа: Суровой — Мартынов.— Лелька, люди женятся, если любят друг друга, а я его не люблю и не полюблю, он ведь маленький еще, совсем мальчик.

— Вы тоже совсем девочка,— горько всхлипывала Лелька.

— Только другого возраста.

— А как же быть теперь?..

— Теперь так же, как и раньше. Он очень милый мальчик, я с удовольствием буду с ним дружить, не обязательно ведь людям жениться, правда? И ты такой молодец, что привезла меня сюда — здесь так интересно, а без тебя я бы ничего зтого не увидела... Ну, ты уже не плачешь, Лелька? Все в порядке? Смотри, скоро Суровой будет стартовать.

Лелька поднялась на носки, последний раз, для приличия, всхлипнула и побежала к старту.

Пока не вышел на воду Суровой, два других зкипажа вели борьбу за очки. Вообще зто очень сложная штука — пройти трассу с минимумом потерь: то есть как можно быстрее, стараясь не задеть качающихся вешек. Лодку проносит мимо, она возвращается, все кричат: на берегу болельщики дают советы. И вдруг, в самый интересный момент, лодка, как щепка, перекувыркивается, и мокрый зкипаж выныривает на поверхность — зто называется «кильнуться». За два часа таких «килей» можно насмотреться больше десяти. Спортсмены идут плотно — через каждые две минуты. Бывают и столкновения, бывает, что и заедет кто-нибудь кому-то нечаянно веслом. Но главное — идти до конца, главное — пройти все двадцать пять ворот и набрать как можно меньше сотен и как можно меньше секунд.

— Лелька! — крикнула я.— Смотри, Суровой пошел!

Лелька встала на цыпочки, подпрыгнула, потом пригнулась и заработала локтями, буравчиком ввинчиваясь в толпу. Я протиснулась за ней. Байдарка шла вперед сильными бросками. Ребята работали слаженно, собранно, четко вписались в первые пять ворот. Лелька бегала почти у самой воды и кричала: «Давай, давай!» На двенадцатых воротах ребята выбили десятку, у девятнадцатых чуть не кильнулись, но выровнялись и прошли без касания.

— Хорошо идут. Сильный экипаж. Должны войти в пятерку. Справа, справа бери! — слышалось вокруг.

Ребята подошли к самым трудным — двадцать вторым воротам. Только двоим пока еще удалось пройти их по нулям. Толпа, как капля, скатилась к двадцать вторым воротам. Экипаж подошел к вешкам, крутанулся на месте, один взмах весел — и лодка кормой влетела в кипящий бурун и вылетела — прямой реверс.

— Ура! Ура! Молодцы! Давай, давай! — кричали вокруг, хлопали в ладоши, размахивали руками, хохотали.

Только я стояла на месте, не шевелясь, как будто Змей Горыныч вбил меня палицей по колено в землю. Еще и еще раз, как в стоп-кадре, проплывает передо мной выхваченный миг жизни. Я стою, смотрю отсутствующим взглядом и улыбаюсь бессмысленной улыбкой, улыбаюсь тому, что не сижу я больше в мешке, неуклюжий этюдник не оттягивает мне руку, он легок, как ветер, и кисточка, моя новая колонковая кисточка № 10, так и рвется в бой.

Зеленоватая вода с белыми клубами пены, яркожелтые куртки и красно-желтые шлемы двух мальчиков, сидящих в длинной, узкобокой лодке, два счастливых и опять быстро посерьезневших лица, всплеск настоящей, но сдержанной радости — в общем, что-то мимолетное, неуловимое и невероятно важное, светлое, настойчивое, как открытие.

Я вышла из толпы, села на пригорке и оперлась подбородком на этюдник. Я знаю, что наконец-то ненавистное пустое пространство во мне исчезло, теперь я готова, я открыла то, о чем мечтала. Я знаю красоту, которой не видела раньше,— красоту наполненности жизнью. Я вдруг увидела то, чего не видели профессор Румянцев и Лихарев, чего не увидят Анна Пална Бескрылая и старая селедка Терпсихора. Сейчас только это существует, только это главное — красота наполненности жизнью, которая даст силы писать, а не добротно разрисовывать.

— Доигрались,— сказала Лелька и села передо мной на траву, скрестив по-турецки ноги,— кильнулись у самого берега. Прошли все ворота и кильнулись.

— Это они нарочно. От радости.

Лелька как-то странно посмотрела на меня и хихикнула.

— Вы что сидите? Пошли, они там мокрые, как из воды.

— Они и есть из воды. Тридцать три богатыря.— Голос у меня был как при сильной простуде.

Лелька опять смущенно хихикнула и глянула исподлобья. Медленно, сосредоточенно поднялась, взяла за лямку этюдник и, напрягаясь, протащила его несколько шагов.

— Совсем не тяжелый, правда? — выдохнула Лелька.

— Правда,— сказала я и подумала, что лучшей подруги у меня еще не было.

Юрий Смирнов

✪

Не кажется ль,
что нам пора домой!
В лесную глушь,
к полянам медоносным,
кустам кудрявым,
сочным травам росным
Из царства, нареченного зимой.

Чтоб раствориться
в теплой тишине,
Пронизанной жужжаньем терпеливым,
Почувствовать себя почти счастливым
Во сне
или, вернее,
в полусне.

Как будто облик прежний потеряв,
Глазами стать
торжественной природы,
И, за мгновенья почитая годы,
Следить за неподвижным ростом трав.

✪

Таврические звезды низко.
Фонтана высоко струя.
В душистой пене тамариска
Раздался голос соловья.

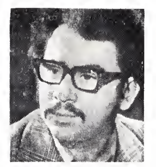
И прочие замолкли птахи,
Что здесь же напрягали грудь,
Как будто пребывая в страхе,
Чтобы солиста не спугнуть.

Колена взял как подобает...
Что это! Песня или стон!
Ведь он от страсти погибает,
Но как при этом изощрен.

✪

По направленью к Феодосии
Ползет гора Хамелеон.
В скупой палитре крымской осени
Преобладает полутон.

Все реже встретишь обитателей
Вблизи береговой черты.
И только катера спасателей
Так жизнерадостно желты.

Михаил Яснов
окончил Ленинградский
университет.
По профессии филолог.

Отступали троянские кони,
сбиты пальцы уздечками дней,—
вот и помнится след на ладони,
только след на ладони твоей.
Уподобясь на миг эрудиту,
знатоку золотых повестей,
помяну в этот час Афродиту
в мыльной пене до самых локтей.
Все стирала, все песенки пела,
провожая в неведомый путь,—
вот и помнится белая пена,
только пена, куда ни взглянуть.
Наконец, помяну Антигону —
чистый лоб, завитки у виска.
Все ходила по тусклому склону
на границе воды и песка.
Все глядела на дальние кручи,
на измученный ветром залив,—
вот и помнятся горы и тучи,
только горы и тучи до Фив...
О подруги, без вас мне не выжить,
и, когда от меня далеки,
как из камня, из сердца не выжать
ни слезы, ни звезды, ни строки.
Всеми снами, поступками всеми
посреди городов и пустынь
я ищу и ищу свое время,
время ищет своих героинь.

Спозаранку...

На своем станке болванку
Точит токарь спозаранку.
Под резцом сверкает сталь —
Получается деталь.
Мойщик окон спозаранку
Залезает на стремянку.
Вымыл пыльное стекло —
Стало в комнате светло.
А водитель спозаранку
Крутит круглую баранку.
Ходит грозный постовой
По морозной мостовой.
Физкультурник спозаранку
Преодолевает планку
И, упав на мягкий мат,
Восклицает: «Как я рад!»
А радисты спозаранку
Шлют в эфир свою морзянку.
От причалов ледокол
В океан суда повел.
Дрессировщик спозаранку
Дрессирует обезьянку.
Пес и кот ушли гулять,
А сова ложится спать.
Самосвалы спозаранку
Снег увозят на Фонтанку.
А по улицам народ
В обе стороны идет.
Иностранец спозаранку
Долго будит иностранку.
Говорит: «Взгляни в окно —
Все работают давно!..»
И, плотней надев ушанку,
Он на улицу спешит.
В самом деле, спозаранку
Там уже никто не спит.
Холодок пройдет по коже,
В небе снег начнет кружить...
В самом деле — до чего же
Спозаранку славно жить!..

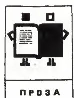
Уличный точильщик

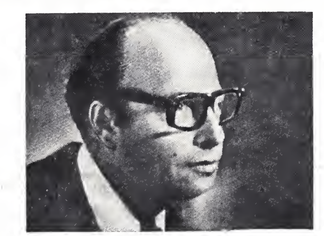
Уличный точильщик
нажимает педаль —
вертится серый камень,
пористый, как миндаль.
И огромный ножик —
инструмент мясника —
прижимается к камню
легче волоска.

Выходит из дома дворник,
широкоплеч и высок.
Он в огромной ручище
несет глубокий совок.
И огромной метлою,
что великану под стать,
маленькие листики
начинает сметать.

Идет по асфальту собака,
и грозно глядит вперед,
и крохотную улыбку
на могучей морде несет.
Кому-то хочется плакать,
кому-то очень смешно —
маленькое с огромным
тесно переплетено.

И от их сопряженья
кружится круг времен,
и возникают искры,
и звенит небосклон.
А огромный точильщик,
что знает об этом едва ль,
все нажимает ногою
на маленькую педаль.

Михаил ДЫМОВ

Ранее печатал маленькие рассказы, это его первая повесть.
По профессии инженер. Работает на заводе. Живет в Риге.

ОТКРЫТАЯ СТРАНА

(Записки девятиклассника)

ПОВЕСТЬ

Рисунки В. КРАСНОВСКОГО.

I

В нашем девятом классе только у Эдьки Карояна нет паспорта. Остальные двадцать четыре ученика уже спокойно ходят на заграничные фильмы. Мало того, что судьба обидела Эдика возрастом, она поскупилась еще и на его рост. Эдик обидчив и здорово переживает из-за своего недостатка. Зато он все восполняет прилежной учебой. Пятерок у него столько, что ими можно поднять успеваемость во всех школах нашего района. Мы его прозвали «Мальчоныш».

Мы прекрасно знаем, кем станем в жизни. Вернее, какая профессия нам по душе. Вообще-то, если осуществятся наши мечты, страна получит огромное пополнение. Кажется, на свете не останется ни одной интересной профессии — все разберет наш класс. Есть у нас врачи, математики и даже актер. Мальчоныш, например, следователь. Он и во сне с бандитами воюет. Очень много в нашем классе физиков. Среди них и кандидаты наук и доктора, а Колька Рябушинский, пожалуй, и на академика потянет. По двум признакам он уже окончательно созрел для академика: по рассеянности и по влюбленности в физику. В день он может одну и ту же газету купить раз пять; уволочь домой вместо своего портфеля чужой — для него такой же пустяк, как прийти в школу без книг. На уроке у него с Гер Герычем вспыхивают умные споры, а недавно наш физик серьезно сказал:

— Рябушинский, вас следовало бы перевести в школу с физико-математическим уклоном.— Затем помолчал секунду и с улыбкой добавил: — На должность преподавателя!

Сенька Блинов хочет стать боксером. Для этого у него есть все данные — от широких плеч до узкого лица с острым, словно нос ракеты, подбородком. Одно время мы даже подшучивали над ним:

— Сэм, ты мудро сделал, что выбрал именно бокс,— сказал ему кто-то из нас.— Тебя ждет розовое будущее.

— Почему?

— Своим подбородком ты запросто продырявишь любые перчатки противника,— заметил Мальчоныш.

Сэм никогда не обижается, а смеется вместе со всеми. Он много читает, ходит

на концерты классической музыки, а в вопросах живописи служит нашим справочником.

Есть у нас и журналист, Вилька Морозов. Однажды он написал в газету заметку про наш класс. Мы ездили осенью в колхоз, и сей факт Вилька осветил с гениальностью Шекспира — в статье размером в две общие тетради. Статью в газете сократили, переписали и, сохранив неизменной только подпись автора, опубликовали. Биль скупил двадцать пять номеров и притащил в класс. Мы принялись обсуждать, сколько за нее Биль получит.

— Правильно,— сказал с детской непосредственностью Мальчоныш.— Поскольку мы тоже имеем некоторое отношение к твоему роману, нам бы хотелось знать, сколько ты на нас заработаешь?

Биль, не задумываясь, небрежно бросил:

— Рублей двадцать — тридцать отвалят!

Мы ахнули. За подобный диктант двадцать — тридцать рублей!

— Знаешь, Биль!—сказал Генка Дубровин, мечтавший стать дипломатом.— Мне видится, что ты нас должен угостить с гонорара.

Дипломата мы ценим за точные формулировки и часто его поддерживаем.

В один из дней десять человек отправились получать гонорар. Шли мы весело, обсуждая, на что истратим такую сумму. Мы остались внизу, а Биль исчез в подъезде, где находилась касса редакции и где дают за школьные сочинения по двадцать — тридцать рублей. Появился Биль минут через пятнадцать. Бледный и молчаливый.

— Ну, что? — спросил его, приподняв пику-подбородок, Сэм.

Биль грустно махнул рукой и направился через дорогу.

— Я сейчас, парни,— бросил он нам.

Вскоре мы, десять человек, давились мороженым «эскимо». Да и то на десятую порцию, для самого Биля, десять копеек добавил Академик.

Из всех парней, пожалуй, только я один не выбрал профессии. Может, потому что не понял еще, чего хочу. Только запомнилось мне высказывание нашего Гер Герыча: «Профессию не выбирают, профессию строят, и желание должно быть ее цементом, а разумность мечты — фундаментом».

Вообще-то надо признать честно, с учителями нам повезло. Опытные у нас педагоги. У многих солидный стаж. Просто приятно побеседовать с ними. Ирина Александровна, учительница литературы, без напряжения ума цитирует Цветаеву, Хлебникова, знает Камю.

И все же педагоги — люди разные. По характеру, по поведению, выдержанности. Есть учителя, настроение которых мечется каждый день. От холодного к горячему. Взять хотя бы математичку Анну Андреевну. В один день придет веселая, шутит, улыбается.

— Ребята,—говорит,—кто не выучил, честно признайтесь, вызывать не буду. Только потом чтоб доучили — я проверю.

В следующий раз придет мрачнее тучи. Суровая, на всех смотрит хмуро, твердит только одно:

— Распустились. Весна в голове. Митрофанушки!

В этот день двойки летят в журнал, как шайбы в ворота противника, когда играет наша сборная. Мы здорово обижались за это на Анну Андреевну. Ну, кто так работает! Это же нервирует нас. Дипломат предложил:

— Как известно из эвклидовой математики, самое короткое расстояние между двумя точками — прямая. Вношу предложение сделать математичке внушение. В тактичной форме, разумеется.

Мы поддержали его. Но Академик изрек:

— Причина! Причина — смена настроений. Нужно смотреть в корень.

Принимая во внимание профессиональные наклонности Мальчоныша, мы поручили ему расследовать причину. Через неделю он доложил:

— Лычагин Петр Петрович. Ее муж. Рост 1 метр 62 сантиметра. Глаза синие. Лысина с куриное яйцо; грудь — что колено петуха. Мастер на заводе «Сельхозтехника». Пьет...

Нам было немного жаль себя: на математику приходилось давить, будто каждый урок контрольная. Но еще больше нам было жаль Анну Андреевну. Грустно, наверное, несколькими лишними двойками облегчать душу.

Самый любимый наш учитель — физик Герман Германович. Вот это «Гомо сапиенс»! Спокойный, всегда добрый, никогда от него не услышишь громкого слова. Кажется, нет предмета, которого он бы не знал. Заложив руки в карманы брюк, он ходит по классу и мягким голосом делится с нами новым материалом. Объясняет он так, что любой физический закон, над которым ученый бился десять лет, нам представляется азбукой, и вообще, мы бы, кажется, этот закон открыли за один вечер. Свои уроки Гер Герыч называет «Из клюва в клюв». Когда раздается звонок на переменку, Гер Герыч тычет пальцем в центр оправы очков и неизменно заканчивает урок словами: «Спасибо за внимание».

По сведениям Мальчоныша, Гер Герычу 33 года. Кончил МГУ. Педагогического стажа 10 лет. Занимается альпинизмом и плаванием. Холост. Живет у мамы. Домашний телефон 71-43-55.

В нашем классе, конечно, есть и девушки.

Если смешать Софи Лорен, Клаудию Кардинале, Бриджит Бардо и Аллу Ларионову, то из этого коктейля, может быть, получилась бы Жанна Соснина. Нет, правда.

Она честно отпускает всем ребятам равные порции приветливости, а сама, как говорят в Одессе, «положила глаз на меня». Я это точно знаю. Во-первых, она мне еще в седьмом классе прислала записку: «Давай дружить!» Записка была без подписи, но подружка, передававшая ее мне, раскололась раньше, чем я успел прочитать до конца. У женщин это бывает. В те годы я отвечал на подобные записки лаконично и по-мужски: «О дружбе я мог говорить до пятого класса. Теперь разговор или о любви, или о ненависти». Меня, конечно, интересует Жанка, но иногда полезно сделать вид, что тебе дама сердца безразлична. И обязательно, чтоб она видела твое равнодушие. А еще лучше подкинуть немного ревности — это женщин убивает.

И вот перед последним уроком я подошел к парте, где сидит Жанка, и, бросив на нее холодный взгляд, повернулся к Маринке Весениной и громко ляпнул:

— Маня, пойдем сегодня со мной в кабак?

Мне надо было, чтобы слышала Жанка, но, кажется, услышали многие.

— Я? — испуганно пропела Маня и покрылась красными пятнами.— Ой, что ты!

— Значит, договорились! Часам к семи я кликну тебя по телефону!

Маня растерянно опустилась на парту и скорее себе, чем мне, тихо сказала:

— Конечно!

Что она не откажется пойти, я знал. Не знал я только, что приглашу ее. Поверни я чуть иначе го-

лову, пригласил бы Ленку или Нинку Вернисажеву. Мне, собственно говоря, было все равно. Но вот что я приглашу Маню — это уже шутка, которую разнесут по всей школе. Да Маня такая рыжая, что кажется, когда она появляется, в классе становится светлее. Глаза слегка прищурены, словно она что-то рассматривает на доске с последней парты. В классе ее не то что не слышно, но и не видно. Явившись, она втискивается за парту и не выходит оттуда до конца занятий. Даже на перемене Манька не покидает своего острова. Учится она, правда, как зверь. На одни пятерки. Но что ей в жизни делать?! Из таких получаются великие женщины.

Обычно после школы мы возвращаемся все вместе большой ватагой. По дороге шумим, словно сидели пять уроков с кляпами. Кто закуривает, кто просто дурачится: толкнет соседа, снежком запустит или выбьет портфель из рук. Меня эти детские шалости раздражают. В конце концов для игр есть школа, а на улице ты веди себя достойно.

На углу мы остановились. Обычно зимой здесь долго не задерживались, а торопливо растекались по своим улицам. Однако с тех пор, как солнце распахнуло пальто людям, и мы, выскакивая из школы, первым делом запихиваем в портфели свои пыжики,— на углу торчим подолгу.

Все острили, стараясь перекричать друг друга. Темой для острот был, конечно, мой поход с Маней в кабак.

— Современный вариант «Собора Парижской богоматери»,— смеялся Биль.— Она Квазимода, он Эсмеральда!

— Ты напиши в газету,— парировал я.— Угостишь нас мороженым!

— А как она растерялась! — Мальчоныш смешно скорчил рожу и, подражая Маньке, воскликнул:— «Ой, что ты! Конечно!»

Академик хмуро сказал:

— Ладно вам зубоскалить! В глаза скажите ей все это! Струсите!

Парни притихли. Я с интересом посмотрел на Академика. Огромные колеса очков прикрывали почти половину его лица. Пиджак висел на нем, как на вешалке.

— Предлагаю поручить Мальчонышу провести расследование, почему Академик так ее защищает! — Биль повернулся к нам и скорчил ехидную рожу.

— Потому что мне противно, когда гогочут над физическими недостатками человека! Это может себе позволить только созревший идиот!

— Правильно! — подхватил Дипломат и, копируя Академика, сказал: — В корень надо смотреть. В корень!

— Хватит вам, парни! — воскликнул Сэм, обнимая Академика и Биля.— Вы только взгляните, солнце как жарит!

— Люблю весну,— глубоко вздохнул Мальчоныш.— Потому что конец занятиям в школе!

— Еще практика впереди!

— Месяц на заводе! — сказал Академик.

Мальчоныш поднял над головой кулак и громко крикнул:

— Пролетарии всех стран, объединяйтесь!

— Очищение трудом! — усмехнулся Биль, извлекая солнечные очки и напяливая их на нос.

— Наш корреспондент побывал на заводе! — начал я голосом теледиктора.— И вот что он рассказал нам...

Биль откашлялся и бойко затараторил:

— Все гремит! Все стучит...

— Все грохочет,— вставил Мальчоныш.

— Это девятый «Б» с большим энтузиазмом...— подхватил Сэм.

— ...Срывает квартальный план нашего прославленного предприятия,— закончил Академик и бросил:— Ну, я пошел. Чао!

— Парни! — сказал Сэм, глядя вслед Академику.— Я новые пленки достал. Тренировки у меня сегодня нет. Послушаем вечером...

В коридоре на вешалке — пальто моего отца. Значит, он дома. Спит с ночной смены. Папаша у меня — старик в порядке. Мерзнет без работы. Он говорит, что у него эта болезнь с войны, с тех пор, как они на фронте танки «лечили». Рассказывал: из двадцати четырех часов в сутки двадцать один работали, а оставшиеся три часа готовились к работе. Поэтому и сейчас, когда все добрые люди отдыхают, он горбится, а когда все работают, он отдыхает. Для него не существует субботы, воскресенья, утра, вечера, ночи. Он монтажник на заводе, самая жаркая пора начинается у них, когда завод стоит. Тогда можно и станки менять, и новые линии тянуть, и козловые краны править. А с тех пор как его назначили бригадиром, даже праздников для бригады не существует. Но ему и этого мало. Выспится после ночной смены, сходит на базар за продуктами, обед приготовит — и за дверь.

— Пойду мать встречу!

Вера на том же заводе работает. И сколько раз она возвращается с работы одна, заглянет в спальню и спрашивает:

— А где отец?

— Так он тебя пошел встречать.

Часов в семь-восемь является отец.

— Ты где был? — напустится на него Вера.

Он хмыкает уже в дверях:

— Тебя искал, Верочка. По всему заводу. А по дороге заглянул в механический цех, мы там ночью новый сверлильный станок ставили. Надо ж было посмотреть, как он работает.

И Вера вся в него. Она садовод. Производит нематериальные ценности. Цветочки для рабочих выращивает. Бывает, придет вечером вся в слезах.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Розочки не привились. Столько за ними ухаживала!

— Перестань плакать, я тебе куплю розы,— успокаиваю я ее.

Плакать она перестает, но только затем, чтобы высказать мне, какой у нее глупый сын, нет в нем любви ни к людям, ни к природе, и что он плохо учится, поздно возвращается домой, кроме джаза и гитары, ничего в голове у него нету и т. д. и т. п. Ну, как с ней себя держать после этого?

Я прошел в свою комнату, включил магнитофон и прыгнул на диван. И тут вспомнил, что вечером должен идти с Манькой в кабак. Настроение испортилось. «Дубовый шкаф! Кретин! — ругал я себя.— Нашел кого пригласить. С ней же стыдно появиться на улице. Тем более в кабаке. А завтра парни замучают ехидными вопросами: «О чем молчали? Танцевали? Как целуется?»

Вскочив, я с раздражением выключил магнитофон Она, наверное, и не мечтала о таком «презенте». Небось, всем подружкам растрезвонила. А тут сиди и проклинай себя!

Я быстро оделся и двинул к Сэму. Там сегодня парни соберутся слушать новые записи. А Манька должна понять, что я пошутил. С нее хватит и того, что ей просто было сделано приглашение.

2

Утром, когда я вошел в класс, народу было еще не много. Я бросил с порога «Чао!» и подошел к парням. У окна весело смеялись Жанна с Нинкой Вернисажевой. Я вспомнил о Мане, о том, что надо будет как-то объяснить ей, почему обманул, не позвонил вчера вечером.

И тут увидел Маню. Как обычно, она вошла неслышно и сейчас тихо сидела за партой. Пока Жанна не вернулась на место и не слышала нашего разговора, я поспешил к ней. Маня словно почувствовала, что я приближаюсь, отодвинула книгу и чуть напряженно откинулась. Почему-то мне стало неловко. Оправдываться всегда неприятно, а если ты хоть немножко виноват, любое объяснение кажется раболепием. Чтобы скрыть смущение, я небрежно, с улыбкой опустился на переднюю парту:

— Синьора сердится?

— За что? — Голос ее был спокоен.

— Ну, так я же... там... трепался пойти с тобой... позвонить должен был...

Она пожала плечами.

— Ну и что? Твое дело.

— Да ладно. Понимаешь, никак не мог вчера.

— Почему?

— Муттер впрягла. Использовала дома как рабочую силу.

Она насмешливо подняла на меня глаза:

— А что ты дома умеешь делать?

— Кто, я? — воскликнул я гордо.— Да если хочешь знать, я все полы вымыл. Ковры выбил. А окна стал мыть — чуть не вывалился!

В класс вошла учительница по литературе Ирина Александровна. Мы брызнули по местам. Проходя к столу, она празднично улыбнулась.

— Садитесь, садитесь!

Ирина Александровна сегодня одета — закачаешься. Она всегда хорошо одевается, со вкусом. Но сегодня особенно. На ней наш любимый английский костюм. Зеленый. Она в нем какая-то уверенная и солнечная.

Когда Ирина Александровна пришла в нем первый раз, Биль не выдержал и восторженно, на весь класс ляпнул:

— В порядке костюмчик!

Все засмеялись. Ирина Александровна, чуть покраснев, тоже.

— Нравится вам? — спросила она.

Мы заревели от восторга и от возможности зареветь. Учительница зажала ладонями уши. А когда мы угомонились, сказала:

— Ну что ж, спасибо за комплимент. Я очень рада, что он вам нравится. Только меня огорчает одно, Вениамин. Насколько мне известно, ты хочешь быть журналистом. И мне грустно, когда будущий журналист изъясняется на таком непонятном языке: «В порядке костюмчик». Что это? В каком смысле в порядке? И почему костюмчик, а не костюм? Я понимаю — жаргон. Сейчас в вашей речи то и дело услышишь вместо «хорошо» — «в порядке», вместо «понимаешь»—«секешь», а вместо «говорить»—«возникать». Конечно, будем надеяться, что со временем это у вас пройдет. Ну, а вдруг — нет? — Ирина Александровна помолчала, затем улыбнулась и весело спросила: — Ну что, в порядке мои слова? Усекли? Или я напрасно возникла?

Мы откликнулись плотным, единодушным ударом смеха.

...Сейчас Ирина Александровна заполнила журнал и, отложив ручку, подняла на нас глаза.

— Ну что, ребятушки, вот и все! Сегодня последний наш урок. Потом будем усиленно отдыхать друг от друга!

— Долго отдыхать! — весело подсказал Сэм.

— Вот именно. С оценками у вас, слава богу, все благополучно, так что давайте сегодня просто поговорим...

Я плохо слушал Ирину Александровну. На душе было муторно. Даже толком не пойму, отчего. Ну, неужели Маня не чувствует, что пригласил я ее случайно, можно сказать, бессознательно. Зачем ей нужно допрашивать меня? Заставлять лгать, сочинять про ковры и пол. Глупая, неужели она могла на что-то надеяться. Каждый сверчок знай свой шесток. Я взглянул на Маньку. Ее острые плечи двумя башенками возвышались над партой, волосы, собранные в хвост, безжизненно свисали на спине, и тут я неожиданно уловил, в чем дело. Просто я сыграл довольно свинскую шутку.

— Мне хочется, ребята, обратить ваше внимание на одно явление,— говорила Ирина Александровна.— Сейчас наш кинематограф очень часто обращается к оригинальной классической литературе. Экранизируются произведения Тургенева, Толстого, Чехова и других великих писателей. Это, конечно, прекрасно. Но случается, что некоторые ребята посмотрят фильм и думают, что этого с них хватит. Имеют общее представление о сюжете — и ладно. У кого подвешен хорошо язык, может даже обмануть учителя, получить четверку или пятерку. Может свободно говорить с товарищем о книге, как о прочитанном произведении. Можно. Все можно. Но только эти люди упускают из виду одно: они обманывают не других. Они себя грабят. Летом, ребята, когда у вас будет достаточно свободного времени, читайте. Не стесняйтесь читать «Евгения Онегина» или «Капитанскую дочку», «Войну и мир», рассказы Чехова. Да, да, именно не стесняйтесь. Встречаются еще среди вас друзья, которые неделями носят на людях Хемингуэя или еще какого-нибудь современного писателя — боже упаси, я не против них,— а вот томик стихов Пушкина не раскроют в троллейбусе. Потому что им стыдно!

Вторым уроком была математика. И хоть выставлены в журнал отметки за четверть, но кто его знает, в каком настроении явится Анна Андреевна. Чем угостил ее муж дома. Поэтому и переменка прошла немного напряженно и нервно. Как перед контрольной.

Манька что-то усиленно писала, прикрывая свободной рукой лист.

Раздался звонок на урок. Мы мгновенно притихли. В класс вошла Анна Андреевна. Одета она, как обычно: потертая красная кофточка и серая юбка.

— Пожалуйста, не думайте, что если наступили последние дни занятий, то можно вести себя как угодно. Ошибаетесь. Садитесь,— сказала она строго.

Значит, муж ее вернулся домой пьяный-распьяный. Анна Андреевна долго смотрела в журнал, что-то сосредоточенно обдумывая; бросила на нас резкий взгляд, затем коротко вздохнула и закусила нижнюю губу. Мы не дышали. Вдруг она поднялась и неестественно бодрым голосом заговорила:

— Ну что ж, вот и каникулы. Наверное, многие из вас уже наметили, как проведут лето. А есть ли среди вас те, кто пойдет в поход? Туристом?

Видно, Анна Андреевна решила нас сегодня пощадить. Не портить нам настроение.

Кто-то облегченно вздохнул, заулыбался, кто-то убирал с парты тетради.

— Так что, никто не пойдет с рюкзаком? — уже спокойно улыбнулась Анна Андреевна.— Напрасно.

Это же так здорово! Собраться с друзьями на берегу какой-нибудь тихой речки, у костра. Вкусный запах дыма, печеная картошка, всплеск воды и звезды...

Мне показалось, что она не просто рассказывает нам, а в то же время вспоминает что-то далекое и волнующее.

Ко мне повернулся Сэм и прошептал:

— Я что, нанялся вам?

Он положил передо мной сложенный вчетверо лист бумаги.

Я развернул его и прочитал: «Я никогда не была в ресторане. Одной не хочется, с родителями — скучно, с кем-то — меня никто не приглашает. И вот ты пригласил. Ты, по которому вздыхают многие девчонки в нашей школе, обещал позвонить мне. Я не ждала, не верила, что ты позвонишь, хотя, если честно признаться, весь вечер просидела дома в лучшем платье. Впрочем, не из-за этого я тебе все пишу. Дело в другом. Знаешь, больше всего в жизни я ненавижу ложь. Ложь — это слабость человека. Первый шаг к трусости. Предательству. Кто лжет, тот вдвойне омерзителен. Потому что делает это сознательно.

Ты мне всегда нравился. Но теперь я тебя презираю. А о том, что ты был у Сэма и слушал записи, мне рассказал твой Академик. Он поздно вечером приходил за книгой. Вот так. Уверена, что ты никому не покажешь это письмо. В нем про тебя больше, чем про меня». И подпись: «Я».

У меня даже в ушах зазвенело. Я чувствовал, как покрываюсь красными пятнами.

Я не слышал звонка на перемену, не видел, как ушла Анна Андреевна. Когда оглянулся, первое, что мне бросилось в глаза,— спокойная фигура Академика. «Во всем виноват он»,— с ненавистью подумал я и подскочил к нему.

— Выйдем!

Он удивленно вытаращился на меня.

— Что случилось?

На лестнице я схватил его за пиджак и притянул к себе.

— Ты сказал Маньке, что я вечером был у Сэма?

— Да.

— Кто тебя просил?

— Видишь ли, если молодой человек приглашает девушку в кабак, а сам вместо этого идет развлекаться с друзьями, то следует разъяснить девушке, что сей кавалер — розовый поросенок.

Я размахнулся, но кто-то схватил меня за руку. Это Мальчоныш.

— Физическое оскорбление карается законом по статье Уголовного кодекса,— выкрикнул он быстро.

— Пусти! — рванулся я.

— Сэм! Биль! Скорее сюда! — позвал Мальчоныш.

Выскочили парни. Сэм взглянул на меня, на Академика и спокойно спросил:

— В чем дело?

Академик слово в слово повторил все. Сэм бросил на меня строгий взгляд.

— После уроков мы объяснимся, все. Хотя бы потому, что ты был в тот вечер с нами.

Мы вернулись в класс. Никто из ребят и не заметил, что произошло. Письмо жгло мне карман.

Осторожно, чтобы не зацепить парту, к столу спешил Гер Герыч. Класс радостно закипел. Гер Герыч ткнул пальцем в оправу очков на переносице и грустным голосом заявил:

— С праздником вас, ребята! С каникулами! Садитесь!— Потом он помолчал немного, вздохнул и сказал: — Такие вот дела, ребята! В моей жизни было несколько неприятных случаев. Один раз я тонул, один раз отравился в диетической столовой, а теперь вот жизнь подсунула новое испытание: меня назначили руководителем вашей практики. Практику будем проходить с завтрашнего дня. На заводе «Сельхозтехника».

Что тут началось! Все повскакивали с мест, кричали «Ура!». Всем классом убеждали Гер Герыча, что быть нашим руководителем не страшнее, чем отравление в диетстоловой, галдели, что будем перевыполнять план, а Мальчоныш, размахивая кулаками, кричал:

— Ну, держись, завод! Ну, погоди, заяц!

— Я тоже об этом подумал,— подхватил Гер Герыч.— Труд, ребятки, превратил обезьяну в человека, мне будет очень грустно, если вы повернете этот процесс назад. Теперь идите домой отдыхать. А завтра в восемь я жду вас у проходной завода. Форма одежды — рабочая, настроение — рабочее. И, пожалуйста, не опаздывайте.

Мы высыпали из школы. На улице солнечно и весело. Небо было чистым, как страницы новой тетради.

К нам подошел Академик. Я про него забыл. Видимо, он выскочил раньше нас.

— Продолжим разговор? — спросил он сухо.

Сэм внимательно посмотрел на него и усмехнулся.

— Молодец, Академик! Только, может, отложим выяснение наших отношений? Есть предложение собраться сегодня у меня. Заодно и потанцуем!

— Правильно! — вскричал Мальчоныш.— Танцы с моралью!

— И там разберемся,— поддержал Биль. — Этот инцидент, парни, бросает тень на нашу дружбу.

— Хотите так? Пожалуйста! — пожал плечами Академик, потом повернулся ко мне.— Только не думай, что я изменю до вечера мнение о тебе!

3

Старики были дома. Игорю, видимо, опять в ночную, а Вере на работу после обеда.

Вера разогревала суп, достала тарелки, а Игорь готовил ей бутерброды. Делает он их всегда самозабвенно, вкладывая неимоверную фантазию. Начинает их конструировать часа за два до ухода Веры на работу. Он говорит, что это его хобби. А мне кажется, просто они Ромео и Джульетта двадцатого века. Современная форма проявления чувств.

Я встал в дверях на кухню и торжественно заявил:

— Уважаемые мама и папа! Наконец-то ваше чадо с кряхтеньем перевалило в десятый класс и тем самым исполнило свой сыновний долг перед родителями. Поздравляю вас с удачным сыном. Будьте счастливы.

Вера откинула со лба пушистую прядь и ласково взглянула на меня.

— Наконец! — сказала она, улыбаясь.— Поздравляю, сынок! Молодец!

— А практика? — приостановил свое занятие Игорь.

— Месяц пребывания на заводе «Сельхозтехника».

— Хороший завод. Серьезный. Повезло вам.

Я поспешил убраться в свою комнату. Мне хотелось поскорее навести порядок в комнате. До ухода вечером к Сэму. Только когда я уберу с глаз все эти учебники, расписания занятий, тетради, шариковые ручки — только тогда я почувствую, что учебный год закончился. Я включил на полную мощь магнитофон и под Гершвина принялся за уборку. Первым делом я стащил с себя костюм и упрятал в самый дальний угол шкафа. Пусть хоть летом не мозолит глаза.

Этот школьный костюм вызывает во мне весь год какое-то стыдливое чувство.

Каждый раз в начале учебного года идет война с педагогами из-за нашей одежды. То брюки чересчур узкие, то кошмарно расклешенные, а то категорически запрещается носить пиджаки на четырех пуговицах. Кончается война, как правило, после того, как подключают тяжелую артиллерию.

Вернувшись с родительского собрания, Вера с Игорем сухо сказали мне:

— В воскресенье магазины открыты — пойдем покупать тебе костюм!

— У меня же есть! — взвился мой голос, словно в пустынном небе.

— В твоем костюме можно ходить на карнавал, а не в школу!

Когда Игорь сердится, он грузно ходит по комнате. На этот раз он, кажется, грузно бегал.

В воскресенье меня повели. Вера шла с одной стороны, Игорь — с другой. В дверях магазина я замедлил шаг.

— Ну? — нахмурился Игорь, а когда мы подошли к прилавку, строго сказал продавщице: — Девушка, пожалуйста, нормальный черный костюм на этого...— он поискал слово и наконец определил: — ребенка!

Продавщицы все знают. У них профессия такая. Они только плохо скрывают ехидные улыбки. И еще они оставляют для нас костюмы, которые ни один здравомыслящий человек для себя не выберет.

— Строгий костюм? Черный? — любезно прокукарекала продавщица.— Для школы?

— Вот-вот! — нетерпеливо кивнул Игорь и собрался уже бежать в кассу, не дожидаясь примерки.

Но тут подключилась Вера. И я погрузился в два мешка, которые числятся брюками и пиджаком.

Пока я с кислой миной вращался перед Верой в кабине, Игорь успел уплатить в кассу и вручить чек продавщице. Всю ночь Вера подгоняла костюм по мне, а назавтра, напялив это, извините за выражение, рубище, я отправился в школу. Мое сердце прыгало, как заячий хвост, в ушах уже отчетливо слышались ехидные замечания Биля, Академика, Сэма, Мальчоныша и Дипломата. И только в классе, взглянув на ребят, я понял, что, слава богу, у нас никто не сирота. У всех парней есть родители!

Я запихнул костюм в шкаф и накрыл, как покойника, белой простыней. Наконец я буду носить свою нормальную одежду — джинсы и красную рубашку. Сейчас эпоха джинсов. Причем поношенных. Символ пренебрежения к тряпкам. Мы живем в эпоху великих дел. Время, когда «встречали по одежке, а провожали по уму», осталось где-то позади. В прошлом.

Я опаздывал, поэтому быстро сунул письмо Мани в карман и помчался к Сэму.

Все уже были в сборе. Вернее, только парни. Девчонок Сэм пригласил на час позже. Чтобы за это время разобраться, что произошло.

Когда я вошел, Мальчоныш ходил по комнате в боксерских перчатках Сэма. Академик рассматривал пластинки. Биль пощипывал струны гитары. В углу Дипломат пытался оторвать от пола две двухпудовые гири. А Сэм прибирал комнату. Увидев меня, Мальчоныш пошел навстречу, выставив вперед перчатки.

— О-о-о! Как я рад видеть вас, сэр,— вскричал он весело.— Позвольте, уважаемый, вместо рук я пожму вам физиономию!

— Охотно, мальчик! — воскликнул я, становясь в боксерскую стойку.—Детям нельзя отказывать!

Мальчоныш удивленно вскинул брови, затем повернулся к Сэму:

— Милейший, позвоните в «Скорую помощь», пусть срочно выезжают за трупом.

Он пригнулся и пошел на меня. Но Биль отшвырнул гитару и сзади обхватил Мальчоныша.

— Предательство! — визжал Мальчоныш.

Дипломат оставил гири и вместе с Академиком ринулся к нам. В это время Сэм поправлял накидку на тахте. Он сорвал ее и, набросив на нас, прыгнул сверху. Завязалась кутерьма. Все сопели, охали, кряхтели. Главное, нам хотелось спихнуть Сэма. Но он вдруг начал подло щекотать нас. Задыхаясь от хохота, мы стали отползать от него, размахивая руками и ногами. Сэм лежал и, улыбаясь, смотрел на нас. Мы переглянулись, но Сэм не сразу понял наш замысел, а когда до него дошло и он попытался вскочить, было уже поздно, мы впятером навалились на Сэма. Через секунду Сэм уже икал от хохота.

— Сдаюсь!— хрипел он.— Ой, мамочки... сдаюсь!

Мы отпустили его. Утирая слезы, Сэм сел на пол около нас. Когда все немного успокоились, Биль растянулся на ковре и сказал:

— Нельзя нам, парни, ссориться! Нужно все это беречь!

Академик улегся рядом, положил голову Билю на живот и спросил:

— Какой ценой?

— Любой! — швырнул на тахту перчатки Мальчоныш.

— Сохранить дружбу любой ценой? — В голосе Сэма послышалось удивление.

— Там, где приходится сохранять дружбу любой ценой, настоящей дружбы уже нет! — сказал я.

— Дружбу надо беречь, — задумчиво произнес Дипломат. — Только не любой ценой. Нет. Неправильно это. Ведь хитростью тоже можно сохранить дружбу. Но надолго ли? И будет ли эта дружба ценной и крепкой? В том-то и дело, что к другу нужно подходить с повышенной меркой. Быть настоящим другом, мне кажется, это очень ответственно. Нужно не бояться сказать другу правду в глаза, остановить от нехорошего поступка, быть предельно искренним с ним. В общем, получается, ты воспитываешь друга, чтобы он тебя учил. Вот, значит, и цена дружбы: не снисходительное поддакивание, а полная откровенность. Да что там, как сказал Плутарх: «Не нужен мне друг, который повторяет каждый мой кивок. Это ведь делает гораздо лучше тень моя!»

Мне показалось, что Дипломат говорит только для меня. В мой огород булыжники летят! Он как бы резюмирует наше утреннее столкновение с Академиком. И говорит он сейчас от имени Сэма, Мальчоныша, Биля и от себя. По тому, как все серьезно слушают его, я понимал, что своим молчанием они поддерживают Дипломата.

Я взглянул на себя со стороны. Вот сижу на полу, окруженный со всех сторон друзьями, и они судят меня. Судят беспощадно, откровенно и, кто его знает, может, справедливо. А я ничего не могу возразить. Вернее, не имею права. Потому что судят друзья, а не тени мои. И, может быть, завтра я кого-то из них буду так же судить, чтобы он был настоящим парнем, которому я сам в любую минуту смогу довериться.

Мне захотелось показать, что я понял их и дорожу этой дружбой, поэтому вытащил из кармана Манькино письмо и протянул им.

Академик читал медленно. Точно спотыкался на словах. Когда он окончил, все молчали.

— Что делать будем? — спросил негромко Мальчоныш.

— Манька тоже немного преувеличила!— пожал плечами Биль.

Сэм встал, подошел к телефону, набрал номер и протянул мне трубку.

— Говори!

— Алло... алло...— слышалось в трубке.

Я узнал голос Маньки.

— Маня... Марина,—произнес я тихо.—Видишь ли... я, в общем, наврал тебе... И ты прости... Я, знаешь, дурак, нет, свинья. Ты слышишь, Марина, я свинья...

Марина молчала. Сэм взял трубку.

— И нас тоже извини. С кем он вчера был. Его друзей. Биля, Дипломата, Академика, Мальчоныша и меня. Не сердись на нас, ладно? Чао!

Сэм положил трубку, повернулся к нам и засиял в улыбке.

— Эх, парни! Знаете, что дает человеку силу? Чистота! Ее никогда не нокаутируешь! Это я только сейчас понял! А теперь за работу. Академик к музыке. Биль к кофеварке. Дик со мной убирает комнату. Дипломат накрывает на стол. А ты, Мальчоныш, можешь сколько душе твоей угодно нам мешать.

Когда пришли девчонки, мы встретили их таким радостным галдежом, что они, зажав уши, забились в угол комнаты.

Нинка Вернисажева, копируя нашего Митрофана Борисовича, учителя по военному делу, воскликнула:

— В армию вас, товарищи дети! Такими глотками «слушаюсь» рявкать да песни в походе исполнять.

Потом все пили кофе, много смеялись. Затем разбрелись по домам. Я пошел провожать Жанну.

А целуется она ничего... Вот только от нее сильно пахнет кофе.

4

Проснулся я от дикого воя саксофона. Ничего не соображая, вскочил с кровати. Маг ревел, как взбешенный, а посреди комнаты стоял Игорь и, хитро улыбаясь, притопывал ногой в такт музыке.

— Хватит спать, на работу пора!—Я бросил взгляд на часы: было половина седьмого.

— Ты что! — испуганно вскрикнул я и, шлепнувшись обратно в кровать, сердито бросил: — Нам к восьми! — И укрылся одеялом с головой.

Игорь прибавил громкость и, наклонившись, принялся тормошить меня.

— Вставай, вставай. На работе доспишь!

— Отстань! — дрыгнул я ногой.— Спать хочу!

Игорь неожиданно ловко подхватил меня на руки и легко понес из комнаты, горланя по дороге:

— Мать! Мать! Смотри, что я нашел. Ничего бугай, а? — Игорь поставил меня на пол, шлепнул чуть ниже спины и нарочито строго сказал:— Эх, бесстыдник, не умылся, не оделся, а уже бегом на кухню. Ну-ка, марш в ванную!

Через десять минут мы сели завтракать. У предков было отличное настроение. Это оттого, что я иду работать. Пусть только на практику, всего на месяц, но, кажется, моим родичам приятно, что вот их чадо вымахало настолько, что может самостоятельно вкалывать на заводе. Значит, он уже большой. Созрел для сознательного труда.

За столом Вера и Игорь все время посматривали на меня, улыбались, переглядывались. А Игорь, не умолкая, острил:

— Ешь, ешь. Сегодня придется не авторучку держать. Еще рухнешь под тяжестью напильника.

Потом выложил на стол три аккуратненьких пакетика.

— Эх, сколько я мечтал об этом,— сказал он серьезно, затем весело воскликнул: — Ну, кому бутерброды с колбасой, кому с рыбкой, а кому с котлетами. Хватайте!

Неужели я буду с хлебушком таскаться? Наверняка на заводе есть какой-нибудь буфет.

— Зачем это! — пожал я плечами.— Там поем.

— Бери, бери! — сказала Вера, пододвигая мне один пакетик.— С устатку быстро захочешь есть. И отец так сегодня старался...

Мы разобрали пакетики. Игорь взял тот, что остался.

У ворот наши дороги расходились. Старикам направо, мне налево, к троллейбусу. Игорь протянул руку.

— А ты куда? — спросил я.— Ведь с ночной же?

— Ненадолго к себе! Надо с начальством потолковать. Да и Веру провожу! — Игорь крепко сжал мою руку.— Ну, держи! И помни: родители твои всю жизнь в рабочих ходят. И, значит, самые счастливые люди. Не позорь их. Раскрой глаза и смотри вовсю!

Я разозлился. Да чего они, как в космос меня отправляют. Подумаешь, месяц на заводе проболтаться. Время пройдет в порядке. А старик готов на трибуну забраться и речь толкать. Еще не хватало, чтобы полезли целоваться. И только подумал, как Вера потянулась ко мне.

— Да будет вам,— увернулся я и, бросив «Чао!», пошел.

Сзади раздался недовольный бас Игоря:

— Чав!

Наших у проходной собралось уже много. При виде меня все радостно загудели, словно я за них один буду работать.

— А что, Гер Герыч еще не пришел? — спросил я у Мальчоныша.

— В отдел кадров двинул. Сказал, чтобы мы его здесь ждали.

Все шумели, словно на перемене. Девчонки, сбившись автономной кучкой, о чем-то горячо сплетничали. В толпе я увидел Маню. Она открыто посмотрела на меня и приветливо кивнула.

— Собственно говоря, меня интересуют на этом заводе только два вопроса,— лихо болтал Биль.— Где касса? И сколько раз в месяц дают зарплату?

— Не бойся, Биль,— подмигнул нам Дипломат.— Никто тебя кассиром не поставит!

Мы стали наблюдать за идущими к проходной людьми. До нас долетели некоторые фразы:

— Это еще что за детский сад?

— Наверное, экскурсия!

— Так рано!

— Не спится беднягам!

Академик повернулся к нам и сказал:

— А завод, видимо, большой. Смотрите, люди все идут и идут.

— Скоро и мы вольемся,— подхватил Биль.

Из проходной вышел Гер Герыч с каким-то лысым полным мужчиной.

— Так! Давайте все сюда! — громко позвал нас Гер Герыч.

Он вошел вместе с толстяком в кабинет. Мы возбужденно двинулись за ними. На дверях висела табличка «Инспектор по кадрам».

— Смелее, смелее проходите! — подгонял нас Гер Герыч, когда мы запихивались в кабинет.

Инспектор по кадрам сидел за большим широким столом, сложив пухлые руки на серой папке. Плотно сжав губы, он хмуро и неподвижно смотрел на нас. Когда все протиснулись в кабинет, Гер Герыч кивнул в нашу сторону и улыбнулся инспектору:

— Можете просить в вашем министерстве увеличения плана — такая армия работников пришла!

Инспектор взглянул на Гер Герыча, затем на нас с такой грустью, словно к нему армия пришла не работать, а увольняться.

С девчонками инспектор расправился быстро. Одних расшвырял по складам, других отослал в центрально-измерительную лабораторию, Жанну с Верницажевой — на инструментальный склад, а Маньку вообще загнал ухаживать за цветочками на территории. Наши девы растерянно переглядывались и испуганно жались друг к другу.

Гер Герыч повел их по рабочим местам. Мы остались с инспектором. Он исподлобья рассматривал нас, мы смущенно молчали. Вдруг он строго спросил:

— Так. В парикмахерской когда присутствовали?

— Кто? — примитивно откликнулся Санька Рюмов.

— Все. Без исключения. Завод не школа — лохматых на территорию не пущу.

О господи! Начинается!

— Такая мода сейчас! — еле сдерживая раздражение, сказал я.

— Как вы точно заметили,— добавил Академик,— лохматая!

Инспектор с готовностью подхватил:

— Вот-вот! Но, требуется сказать, ваша мода проистекает от хорошей жизни. Родители делают все, чтобы у вас было беззаботное детство... Требуется сказать, что мы в ваши годы...

—...Иначе жили,— воскликнул Мальчоныш.— Сидели на хлебе с водой!

— Но возводили доменные печи! — с пафосом произнес Сэм.

— Строили Комсомольск-на-Амуре! — подкинул Академик.

— А мы зато в космос летаем! — с вызовом сказал Дипломат.

У инспектора покраснели даже руки.

Раскрылась дверь, и вошел Гер Герыч.

— Ну что, рассортировались? — спросил он приветливо.

Мы испуганно взирали на инспектора.

— Герман Германович! — хрипло выдавил он.— Я прошу, чтоб ваши ученики подстриглись.— Затем, будто сглотнув что-то, добавил: — Требуется сказать, даю три дня на это!

Гер Герыч внимательно посмотрел на него, затем на нас и, что-то уловив, ткнул пальцем в центр оправы.

— Мне кажется, Селиван Родимович, мы можем одни поговорить на эту тему.

Инспектор придвинул к себе телефон, начал звонить по цехам, и вскоре нас рассортировали. Из наших парней Сэм и Биль были направлены в механический цех, Мальчоныша сунули на сборку цепей, Дипломата — в сварочно-сборочный цех, меня — в строительный. Академика вначале ткнули в ремонтно-механический, но Гер Герыч что-то шепнул инспектору, и Академика перевели в отдел главного механика. Когда мы с шумом выскакивали из кабинета, инспектор по кадрам крикнул вдогонку:

— Желаю вам пройти практику на «хорошо» и «отлично»!

Биль не удержался и уже в дверях ответил:

— Будьте уверены, мы сделаем все, чтобы не остаться здесь на второй год!

Огромные здания цехов из стекла и бетона вытянулись по всей территории. Из распахнутых ворот цехов несется гул машин. Непонятно, как люди могут работать в таком шуме.

Вообще-то на заводском дворе столько зелени, скамеек, что кажется, люди приходят сюда не работать, а отдыхать. У входа в каждый цех длинные столы, скамейки, вкопанные в землю бочки с песком для окурков и небольшие клумбы с цветами. Но особенно много цветов у столовой и административного корпуса. Широкая площадь перед ними покрыта зеленым ковром молодой травы. А на этом ковре огромное количество цветов.

Я обошел почти весь завод, пока разыскал свой цех.

Строительный цех оказался небольшим, но длинным. Пахнет лесом и столярным клеем. На каждом столбе, на стенах — всюду развешаны строгие приказы: «Не курить!». Словно здесь только и думают, как бы покурить.

Народу в цехе было немного. Все обступили высокого, худого мужчину и о чем-то беседовали.

Я потоптался в дверях, затем смущенно подошел к ним.

Мастер, видимо, уже был в курсе дела. Он внимательно оглядел меня с ног до головы и строго сказал:

— Практика — это хорошо. Нужная вещь для вас. Я бы не один месяц назначал, а три. Чтоб знали, как хлеб достается!.. Теперь слушай меня внимательно, шпингалет! — продолжал мастер.— Я тебя никогда не забуду, если ты ничего здесь не включишь, ни к чему не подойдешь, ничто не тронешь, никуда не полезешь. Ухватил?

Все вокруг скалятся, как в цирке. Молчать нельзя. Будут весь месяц хихикать.

— А что же делать?

— Ничего!

— Интересная работа. Только ничего не делать, между прочим, я могу и в школе. Или, еще лучше, дома. А здесь дайте, пожалуйста, работу.

Глаза мастера удивленно округлились, будто я сказал какую-то несусветную глупость. Рядом стоящий рабочий, огромный, с красным лицом, насмешливо спросил:

— А что ты умеешь делать?

— Не много. Во всяком случае, гвозди заколачивать нетрудно!

Краснолицый достал молоток, несколько гвоздей, положил на доску небольшой брусок и скомандовал:

— Прибей!

Все с улыбкой уставились на меня. Если я откажусь — мне конец. И не только мне, но и всей нашей молодежи, которая не знает, как добывают хлеб, ничего не умеет делать своими руками и т. д. и т. п. Я схватил молоток и начал вгонять гвоздь. После четвертого удара он подло согнулся.

— На́ еще! — ехидно сказал плотник.

Второй гвоздь согнулся в самом конце.

— Бери третий!

— Дайте-ка мне!— услышал я сзади знакомый голос.

Я оглянулся. Около меня стоял Гер Герыч. Он взял молоток и на третьем ударе согнул гвоздь. Плотники дружно заржали. Один сказал:

— Никак учитель его?

— Каковы сани, таковы сами!— прищурился старик плотник.

Гер Герыч, отложив молоток, покорно слушал. Мне стало обидно за него. Я готов был броситься на них с кулаками.

— Что вы ржете!— крикнул я.— Махать молотком головы не надо!

— Соколов! — строго одернул меня Гер Герыч и обратился к плотникам:—Что ж вы, товарищи, так...

— Не кипятись, учитель,— прервал его мастер.—Мы ничего ему плохого не хотим. У нас у самих дома такие пацаны бегают. Нужно, чтоб они понимали, что любая профессия требует уважения.— Он повернулся ко мне:— А ты, малый, запомни, каждый гвоздь денег стоит. И гнуть их — дорогое удовольствие. А насчет рук и головы — учти, самая

легкая работа покажется тяжелой, если без головы к ней подходить.

— И какой ты мужик, если в доме гвоздя не сможешь забить! — воскликнул плотник, который давал мне гвозди.

— А ведь они, Соколов, пожалуй, правы,— сказал Гер Герыч, положив руку мне на плечо, и обратился к мастеру:— Только вы уж работу все равно дайте. Уверен, он научится гвозди забивать. И меня еще научит!

Здоровый повернулся к мастеру:

— Поставь его к забору!

— Ладно,— кивнул мастер.— Бери молоток, побольше гвоздей. Пойдем, будешь трудиться на очень ответственном участке!

Ответственным участком оказался забор. Обыкновенный забор вокруг завода. Мастер объяснил работу:

— Пройти вдоль всего забора и заколотить до единой дырки. По исполнении доложить.

Работа оказалась чепуховой. Там, где доски болтались на одном верхнем гвозде, поставишь оторванный конец на место, вгонишь гвоздь — и порядок.

Светило солнце. Легкий теплый ветерок налетал порциями: обдаст свежестью и летит, наверное, к другому рабочему.

Часам к двенадцати я вогнал последний гвоздь и отправился к мастеру.

— Все!— весело доложил я.

Он странно взглянул на меня:

— Хорошо. Пойдем проверим.

Мы отправились. Несколько досок были оторваны. Я обалдело уставился на мастера.

— Я же приказал весь забор отремонтировать!— строго сказал он и ушел.

Ничего не понимаю. Ведь проверил до единой досочки. Буду теперь повнимательней. К обеду заколотил опять.

— Теперь уже все!— снова доложил я.

— До единой?— протянул мастер.

— До единой!

— Ну смотри, после обеда проверю!

Никто из моих парней не пришел, и я весь обед провел с плотниками. Следил за игрой в домино и слушал устное народное творчество. Без высшего пилотажа, правда, но все равно крепко сколоченное. А после обеда мастер Алексеев бросил мне:

— Пойдем проверим работу!

Я спокойно отправился к забору. В нескольких местах доски опять были сорваны. Взглянув на мое лицо, мастер начал хохотать. Смеялся он до слез. Затем ласково сказал:

— Ну-ка, идем!

Он отодвинул доску, и мы пролезли сквозь забор.

— Смотри.— Мастер указал в сторону дома, над которым большими буквами сияла вывеска «Вино».— Теперь понимаешь, почему забор сломан? Есть у нас еще такие, кто похмеляться бегает. Так что, боюсь, работы тебе на всю практику хватит.

Но тут мастер ошибся. Мне пришла отличная идея в голову. Я набрал небольших досок, взял самые огромные гвозди, молоток, пролез сквозь забор и направился к магазину. У них как раз был обед. Через две минуты дверь в магазин «Вино» была аккуратно и наглухо заколочена. Бегом я бросился назад.

— Ну, теперь уж правда все! — улыбнулся я мастеру.

— Что все?— посмотрел он на меня настороженно.

— Не оторвут!

— Почему?

— Надежно заколотил!

— Ну-ну!— хмыкнул мастер, но тут его позвали и он ушел.

В цех заглянули Биль и Сэм и поманили меня рукой. Я выскочил. Оба испачканы, но в хорошем настроении.

— Ну, что построил?— весело спросил Сэм.

— Или разрушил?— добавил Биль.—А мы теперь станочники. На сверлильных станках работаем. Дырки делаем. Я три сверла сломал, Сэм — два. Я вызвал его на соревнование, кто больше сверл сломает!

— Ты знаешь, зачем мы пришли к тебе?— спросил Сэм.— Предупредить, что мы работаем на три часа меньше. Гер Герыч велел всех наших обойти.

Я рассказал им про магазин.

— Башковитый ты парень!— засмеялся Сэм.

— Как бы тебе ее только не оторвали,— заметил Биль.— Сэм, удостоверение о первом разряде по боксу при тебе? Может случиться бой!

Но Сэм ответить не успел. К цеху уже спешили мастер Алексеев, Гер Герыч, инспектор по кадрам, начальник цеха и женщина в белом халате.

— Накаркал!— бросил я.

— Плевать!— сказал Сэм.

— Умрем вместе!— решительно произнес Биль.

Они приблизились к нам, и женщина ткнула в меня пальцем.

— Он! Я его через окно увидела. Думала, дверь ремонтирует. Пришлось к вам через окно выбираться!

Все смотрели на меня.

— Это правда, Соколов?— спросил Гер Герыч.

— Да,— буркнул я.

Начальник цеха вскипел:

— Какое ты имел право хулиганить?

— Я велел ему заколотить дыры в заборе! Он так старался!— выгораживая меня, сказал мастер.

— Им бы только побезобразничать!— распалялся начальник цеха.

— Я не безобразничал!— вспыхнул я.— А иначе нельзя справиться с забором.

Биль отстранил меня и вышел вперед.

— Уважаемые товарищи! Вот уже сколько лет существует ваш прославленный завод. И ровно столько лет под вашим боком действует рассадник зла. Партия и правительство неоднократно призывали вести решительную борьбу с этими пережитками капитализма. В том числе и ликвидировать всевозможные алкогольные фонтаны близ предприятий и учреждений. Следовательно, любое проявление недовольства с вашей стороны можно рассматривать как то, что вы не читаете газет или сознательно игнорируете указания. Мы же, ученики девятого класса, полностью поддерживаем замечательный почин нашего товарища и, если понадобится, обратимся через печать ко всем детям нашей страны. Секете?

Все, раскрыв рты, с ужасом смотрели на Биля. И только Гер Герыч, наклонив чуть голову, держался за очки, чтоб скрыть улыбку.

— Шибко грамотные стали!— вздохнул инспектор по кадрам.

Начальник цеха повернулся к Гер Герычу:

— Это тоже ваши?

— Мои! — кивнул спокойно учитель.

— Алексеев, пошли человека разобрать доски на дверях. А вы,— начальник цеха повернулся к Гер Герычу,— потрудитесь больше не присылать в мой цех ваших подопечных! Из какой школы вы?

Гер Герыч назвал.

— А я думал из школы милиции! — хмыкнул начальник.

(Окончание следует.)

На братинном «черном мотоцикле с коляской», в белом шлеме, гордо и лихо гоняет по дорогам родного края друг Людаса, Станис. На нем отправляется он и в свою последнюю дорогу... Мотоциклы в повести Р. Кашаускаса — это не только выразительные детали современного быта, но и своего рода символ сегодняшней жизни. Недаром и название у повести такое — «Мотоциклисты»...

А что происходит с героем, что заставляет его пересмотреть себя и свое отношение к миру,— об этом вы узнаете, прочитав повесть...

Белла ЗАЛЕССКАЯ

ПАНОРАМА ЗАПАДНОГО КИНО

Автор книги «Игра с чертом и рассвет в урочный час» («Искусство») Г. Капралов известен не только как кинокритик, мы его знаем и как сценариста, а теперь он ежемесячно выступает еще и перед миллионами телезрителей как ведущий «Кинопанорамы». Конечно, то, другое и третье требует разных способностей, и новая книга Капралова как раз и подтверждает это. Перед нами — критик, когда мы читаем страницы, посвященные фильмам Антониони, Феллини, Бергмана, Бунюэля, Хичкока и многих других западных режиссеров Италии, Франции, США, Швеции; перед нами — писатель, когда, например, автор описывает как очевидец сцены Каннского фестиваля; историк-комментатор, излагающий весьма различные факты и события кино так, что перед нами возникает в конце концов панорама современного западного кино.

Экран Запада отражает духовный мир современного буржуазного общества. Ленинская идея о «двух культурах» является ориентиром для автора, она дает ему возможность видеть западное кино в его глубокой связи с общественной борьбой, проявление в нем различных философско-эстетических концепций. Думается, что много полезного и интересного почерпнут для себя в этой книге не только кинематографисты, но и литературоведы (интересны в этом смысле размышления автора на тему «Кафкианские мотивы в современном западном кино») и философы (плодотворны, думается, и размышления автора о связи ряда крупных западных художников с экзистенциализмом).

Для Г. Капралова «буржуазное кино» и «кино в буржуазном мире» — понятия отнюдь не идентичные. Автор помогает читателю увидеть и различить разные потоки в современном кино Запада.

То, что большие мастера, ставящие жизненные вопросы времени и мучительно ищущие на них ответы, анализируют на уровне трагического и «несчастного сознания»,— в кинoопусах ремесленников, предназначенных на дешевую распродажу, ловко используется уже на уровне обывательского интереса, для «философского» подкрашивания произведений массовой буржуазной культуры.

Читатель найдет в книге и характеристику критического реализма с его порой весьма резким изображением сегодняшней буржуазной действительности и пафосом защиты гуманистических ценностей; автор показывает, как, несмотря на все препоны, все увереннее утверждается в западном кино (знамение нашего времени!) демократическая, социалистическая культура.

Связывая процесс развития кино с общественной жизнью, автор остается киноведом, в центре внимания его — всегда художник и фильм, современный мир возникает в книге спроецированным на белое полотно экрана.

Семен ФРЕЙЛИХ

УЗОРЫ ПО СОЛНЦУ

Московский журналист Олег Ларин отправился в далекое путешествие по берегам северных рек — Печоры и Мезени, в села и города Архангельской области. Из поездок родилась книга («Узоры по солнцу», «Советский писатель», 1976). В ней — очерки о людях, с которыми довелось автору встречаться, рыбаках и охотниках, певицах народного хора, исполнителях древних «старин», плотниках, горшечниках, мастерах росписи по дереву. Сюда же вошла и повесть о жизни прославленной северной сказительницы Махони — Марии Дмитриевне Кривополеновой.

Словно бы золотоносная жила таланта щедро пролегла по всем этим таежным селам и деревенькам, застроенным потемневшими от времени избами с деревянными коньками над крышей...

Павами плывут по улицам современного села Усть-Цильма величавые «хороводницы» во главе с Марфой Николаевной Тирановой. Плетут на виду у всех сложную канву старинного танца...

В другой деревне, на Мезени, собираются под вечер пожилые женщины, чтобы петь песни, которые знали еще их прабабки. Самозабвенно и трепетно, с недюжинным артистизмом выводят они перед потрясенными слушателями мелодию, «возраст» которой — около трех веков.

«Старухи пели, словно делились непосильным для них счастьем. И расступалась тьма в горнице, и расцветали лица, и босой испуганный ребенок в зыбке казался Иваном-царевичем».

В деревне Замежная автор наблюдает за работой Савелия Ипатыча Мяндина. Ремесло его питается древними традициями, узоры на его ложках сродни средневековому русскому орнаменту, украшавшему буквицы и заставки в старых книгах.

Причудливое сочетание древних, бережно сохраняемых народом традиций с сегодняшней новью — характерная черта современного советского Севера. На каждом шагу особенность эта бросается в глаза очеркисту: она в росписях мезенских прялок, в пышных праздничных одеждах жителей, в их песнях и былинах, в их языке, даже в самих человеческих характерах — самобытных и значительных. Полные чувства собственного достоинства, свободные в обращении, сдержанные и доброжелательные северяне — подлинные потомки тех гордых, вольнолюбивых новгородцев, которые в середине шестнадцатого века обживали северную «полунощную страну».

О стране этой О. Ларин рассказал так живо и достоверно, что знакомство с его очерками для любого читателя явится приглашением к путешествию в удивительные края, полные полыхающих красок и старинных песен. Но ведь для того, чтобы рассказать об этом так увлекательно, надо, чтобы и автор сам был человеком неравнодушным, остро ощущающим свою собственную связь с народом и его живыми традициями. И в этом, пожалуй, один из секретов обаяния книги «Узоры по солнцу».

Галина КОРНИЛОВА

С. КРАСАУСКАС. Борьба (Из цикла «Вечно живые»)

НЕУТОЛЕННОСТЬ

Алла КИРЕЕВА

Мы познакомились восемнадцать лет назад в Паланге... Он махнул нам рукой и прыгнул в свинцовые воды Балтики. Я содрогнулась — в такой воде долго не поплаваешь. Сильными гребками взрезал пловец волны и очень быстро удалялся от берега. Вернулся он часа через полтора. Спортсмен, решила я, для которого кроль — главное в жизни. Я и ошиблась и не ошиблась. Да, он был чемпионом Прибалтики по плаванию. Но прежде всего профессионалом — художником-графиком. Звали его Стасис Красаускас. Тогда это имя еще было мало известно, хотя к тому времени Красаускас уже определился как график. Фантастические возможности, которыми его одарила природа, огромное любопытство к жизни заставляли его совершать удивительно странные поступки. Стасис пробовал себя во всем. Чуть было не прославился как кинозвезда (фильм «Шаги в ночи»). А когда спросили: «Зачем?» — ответил совершенно неожиданно: «Хотел узнать, как это делается»... Спел ведущую партию в литовской национальной опере «Гражина» Ю. Карнавичюса... Плавание. Водное поло. Волейбол. Многоборье...

Минило все. Победила графика. Главное.

Около пятнадцати лет связывают Стасиса Красаускаса с журналом «Юность». С марта 1963 года украшает титульный лист журнала девушка, рожденная воображением художника. Девушка, чье имя — Юность.

Старшеклассники, впервые открывшие журнал в 1963 году, теперь вполне зрелые люди. Изменился не только читатель, но и создатель задумчивой и немного загадочной девушки. За это время художник сделал немало интересных работ. Одна из них — цикл «Вечно живые» — удостоена Государственной премии СССР в минувшем году. Мы публикуем листы из этого цикла, выбранные автором для журнала. Гравюры эти, изданные в Вильнюсе тиражом в 20 тысяч экземпляров, разошлись в считанные часы.

Корни «Вечно живых» уходят в поэму Роберта Рождественского «Реквием». Пятнадцать лет назад, когда художник впервые познакомился с поэмой, им был найден композиционный ключ, который в будущем стал основным и для нового цикла. Мир в двух измерениях: жизнь — на земле, а в земле — погибший солдат, связанный своей недолгой жизнью и мгновенной смертью со всем, что строится, рождается и возрастает на прекрасной, такой трагичной и такой светлой планете.

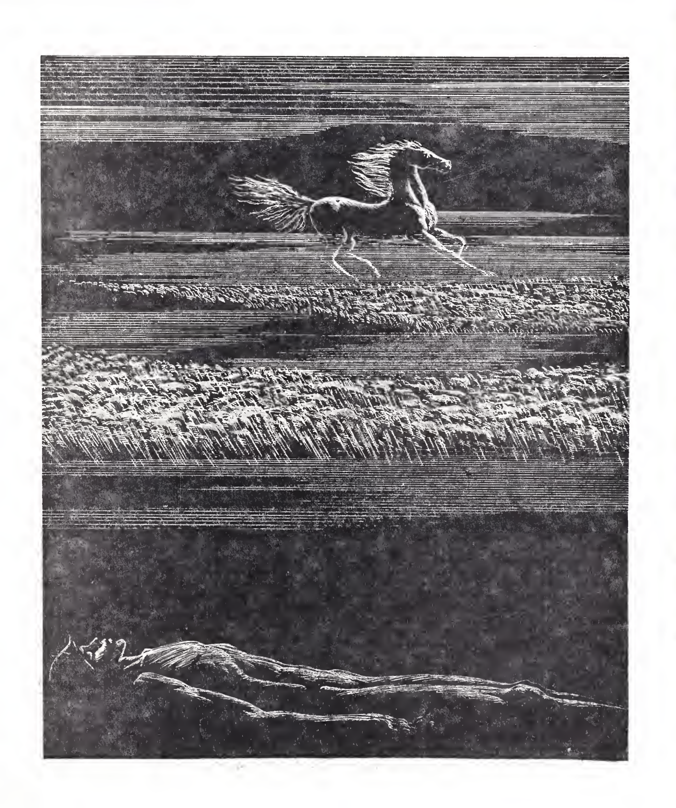
Этому приему, возникшему в результате глубоко продуманного и прочувствованного философского подхода к действительности, в течение пятнадцати лет оставался верен художник. В процессе размышления над темой «Вечно живых» Красаускас говорил друзьям: «Я возвращусь, я вернусь, я уже возвращаюсь к этой теме, уже работаю, скоро покажу».

Стасис рассказывает:

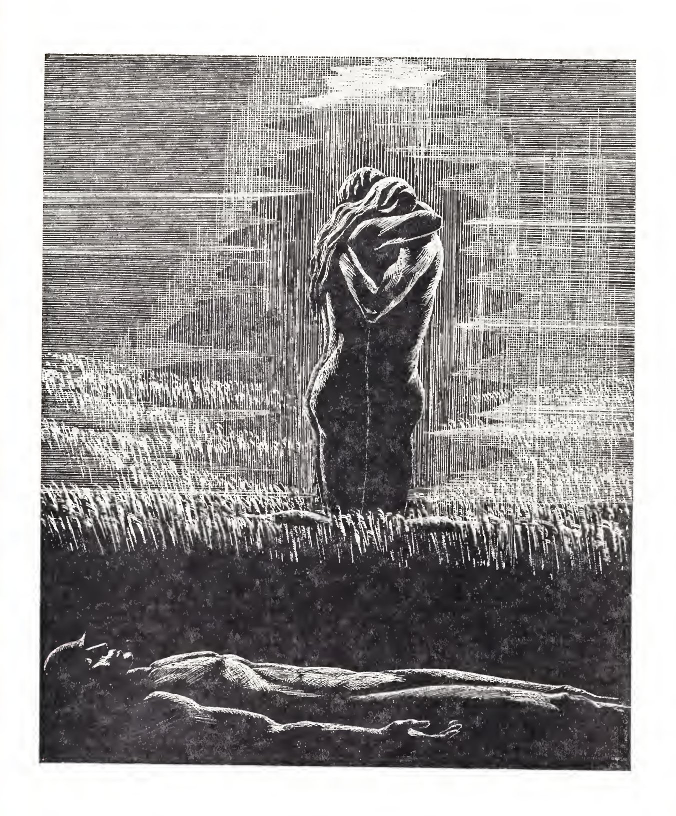
— В семидесятом году мне стало все совершенно ясно. Мы уезжали с женой в Болгарию, где открывалась моя выставка, и в Киеве, когда у нас было достаточно свободного от быта и повседневных дел времени, Ниёле задала мне вопрос, который обычно не задавала: «Над чем ты сейчас думаешь?» Я стал рассказывать, и перед ней как бы прошел весь цикл, лист за листом. В моем рассказе, конечно, было гораздо больше, чем получилось потом. Вначале я хотел охватить все человеческие деяния: науку, сельское хозяйство, промышленность, технику, и медицину, и космос. Все это — на земле, на той земле, в которой лежит безымянный солдат. Весь цикл построен на взаимосвязи человека с человеком, на взаимосвязи человека с природой. Но уже тогда я понял, что все переменилось, что цикл вышел за пределы поэмы Роберта. Понял, что необходимо избегать вещности. Во всем цикле осталось только три предмета, без которых я никак не смог обойтись, — каска, лопата и соха...

Цикл «Вечно живые» звучит, как симфония. В нем параллельно развиваются две темы. Все тридцать шесть листов на первый взгляд композиционно одинаковы. В черно-белой графике лист делится на две части: низ черным — смерть, верхняя часть — живая, более близкая к мажору, к солнцу, к радости.

По своей природе графика создана для мышления. В мире существует не только два цвета: их, как известно, в спектре гораздо больше. У графика их только два. В основе графики Красаускаса — символика, условность. Два цвета представляют собой негативное и позитивное начала, добро и зло, которые, соседствуя, противоборствуя, уже говорят о напряжении, о конфликте. Красаускас ищет сравнение. Кажется, оно ему нравится: «Живопись — терапевт, графика — хирург». Условность графики позволяет глубже проникать в человеческую психологию.

С. КРАСАУСКАС. Грезы (Из цикла «Вечно живые»).

С. КРАСАУСКАС. Жизнь (Из цикла «Вечно живые»).

Иногда, упрекая писателя в бедности художественных средств, говорят, что он пользуется только одной черной (или белой) краской. А как быть графику? Ведь у него только два цвета! И создать при их помощи волнующую и убедительную картину жизни, право же, очень трудно. И все же Красаускас создает стройную симфонию, графическую поэму. Листы «Вечно живых» лишь на первый взгляд кажутся похожими по композиции — они очень разные, дают столько простора для мысли, толкают к таким серьезным раздумьям, что, кажется, попади этот цикл поэту, равному по темпераменту и таланту Красаускасу,— и он создал бы огромной силы произведение — произведение о жизни и смерти, о добре и зле, о войне и мире, о любви и ненависти.

Жизнь идет. Лежит в земле солдат. Над ним — хлеба, небо, земля. Над ним — женщина с ребенком во чреве. И все это как бы растет из него. Из его бесстрашия и бессмертия.

Жизнь идет. Лежит в земле совсем молоденький солдат. А над ним женщина, которая родила его и не дождалась с войны. Она помнит, каким он был в младенчестве... Или так: женщина, которая не дождалась с войны солдата, стала старше его — годы-то идут. И из-за того, что он погиб, осталась она одинокой — ни друга, ни ребенка у нее. Одна. И может быть, потому детская фигурка только намечена пунктиром.

Жизнь идет. Колосятся нивы, и в движении колосьев то возникает, то исчезает профиль солдата. Он не успел вложить в эту землю свой труд, он сам стал землей.

В лунном диске как бы отраженным светом светит на землю профиль погибшего. Его подвиг, его жизнь, его смерть освещают землю, земные дела. Будто бы смотрит он оттуда, из немыслимой дали, все ли на земле без него в порядке — до сих пор он за все в ответе.

А еще над землей проносятся кони, пролетают птицы, на земле резвятся детишки, скорбят матери, ликует молодость.

А еще над землей матери радуются новорожденным, человек обретает крылья, человек мечтает и трудится.

Цикл «Вечно живые», выплеснувшись из «Реквиема», сам стал поэмой. Образы этой графической поэмы развиваются экспрессивно, динамично. Взгляните на солдата, лежащего, как в мавзолее, в земной коре,— его поза, выражение лица меняются от листа к листу. Меняется возраст: то он старик, то мужчина, то юноша, то мальчик. Выражение лица, руки — все связано с тем, что находится наверху, там, где бушует жизнь...

Трудно не думать о музыкальности работ Красаускаса и особенно «Вечно живых». В этом цикле мысль сливается с эмоцией, все это выражено гармонично, словно в законченной музыкальной форме. Графика прямо-таки звучит, как мощный хорал, когда рассматриваешь безмолвные листы цикла.

По своей форме, по языку вещь несложная, лаконичная. Художник отказался от любых усложнений формы, ибо эта святая тема проста, как Жизнь, как Смерть...

— Все шло от сердца. Работал я остервенело. Ночами. Бессонницей. Не спал, работал, как никогда. Я еще структурно не разбирал цикл по частям, я еще не знал названия, но чувствовал, что это должно называться «Память», а то — «Грезы». Названия у меня не изысканные, и, наверное, они могли бы быть лучше. Общее название «Вечно живые» тоже где-то повторяется, это не первично, что ли, но для меня главное, что оно правдиво. Когда я подходил к концу этой работы, заканчивал ее, я еще не понимал, получилось ли это. Наверное, потому, что был переутомлен. И думал: пусть смотрят другие...

Представьте себе, что вы на выставке Стасиса Красаускаса, где собраны все произведения художника. Обратите внимание, как отчетливо проступают его пристрастия (поэзия, музыка, спорт); как вырисовывается его творческое движение — целеустремленное и напряженное; как разносторонни его интересы.

«Может быть, художник хватается за все?» — возникает мысль, когда видишь, сколь разных авторов иллюстрирует он: здесь Шекспир и Межелайтис, «Песнь песней» и Маяковский, Ю. Марцинкявичюс и Р. Рождественский, М. Слуцкис и В. Аксенов... Но, вглядевшись, понимаешь, что подоснова одна — личность художника, его индивидуальность, его взгляд на мир.

Графика Красаускаса не только музыкальна, но и удивительно поэтична. Он любит поэзию и любит иллюстрировать поэзию. На вопрос — почему, отвечает, что нигде не находит больше простора для выражения своих чувств, позиции, мировоззрения. Поэзия немыслима без ритма; для Красаускаса немыслима без ритма и иллюстрация. Он говорит: «Даже, когда поэзия опирается не на ритмику, а на аритмию, это идет только на пользу: ведь аритмия только подчеркивает ритм». Как сказал Чехов, чтобы услышать тишину, надо ее нарушить. И Красаускас знает средство снова возродить нарушенную тишину.

— Музыкальность и ритмичность входят в органику человека. Гармония штрихов, пятен,— говорит художник,— близка мне и необходима, может быть, потому, что я когда-то занимался довольно гармоничным видом спорта.

Красаускас считает, что книжная графика — это отдельный вид искусства, входящий в книгу, но отнюдь не сопровождающий литературу. Тогда только интересен график, когда художник мыслит параллельно с писателем, даже спорит с автором, когда он соавтор.

— Бывает так, что иллюстратор перехлестнет литературный оригинал, и тогда иллюстрации начинают жить без литературных подпорок, как бы вне произведения.

Стасис Красаускас ищет сравнение. Ему оно не очень нравится. Мне оно очень нравится. Плохая (читай: несамостоятельная) иллюстрация, как подстрочник. Ведь подстрочник далеко еще не поэзия. Хотя в нем есть мысли, слова, образы. В графике Красаускаса огромный темперамент выражается внешне строго и сдержанно. Он очищен в работах Красаускаса отсветом мысли.

В работах графика уживаются горечь и бьющая в глаза радость бытия. Сила и привлекательность художника в противоречиях, сливающихся в гармонию, в этом своеобразном контрапункте. Порой художественное видение мира Красаускаса, кажется, может быть несколько упрощенным, но нет, это не наивность — это умение выбрать из жизни самые необходимые, универсальные вещи, присущие человеку, роду человеческому. Самые необходимые явления. Мысли. Образы.

Графическая поэма — давнее пристрастие Красаускаса. Особенно явно оно воплощается в работах последнего времени: «Рождение женщины» и «Вечно живые». Эти циклы самостоятельны. Кажется даже, что здесь возможен обратный процесс — создание новых литературных произведений по циклам литовского графика.

Искусство Стасиса Красаускаса полифонично, в него входит многое из смежных искусств — из поэзии, из музыки, из балета (да, да — удивительная

пластичность!), из кино и даже из спорта. Стасис очень точно говорит о некоторой условности своей графики:

— Обычно в моей графике бывает условность, но, на мой взгляд, она не висит в воздухе, а твердо опирается на землю.

Мысль художника слита с приемом.

— У меня не академический склад. Я больше интерпретатор. Я работаю очень быстро, запальчиво и не очень обращаю внимание на правила. Я заранее вижу, я знаю заранее и не дохожу до математических расчетов: стараюсь отдаться своему внутреннему видению. Я интуитивно чувствую, когда созревает тема, вижу это и с «внутреннего экрана» переношу на доски. Конечно, все это получается не так здорово, как в замысле. Там это бывает прямо волшебно. А вот когда встречаешься с самой техникой, с материалом, все как-то оседает немножко. И хоть всегда ощутимо сопротивление материала, тем не менее кое-что удается...

Работая над литературным произведением, углубляясь в него, отходя от него, споря с ним (тут подходит выражение Есенина: «Большое видится на расстояньи»), художник сам изменяется и совершенствуется.

— В процессе работы,— рассказывает Стасис,— приходят всякие параллельные мысли, они обогащают и где-то в подкорке остаются. Остаются неиспользованными. А потом вновь возникают и требуют развития и воплощения. Бывает, что из какого-то литературного факта вдруг выскакивает, прямо-таки выпрыгивает маленький триптих, небольшой цикл. Или читаю одного поэта — и вдруг от случайного образа мысль переходит к другому произведению. У меня часто случалось, что уже готовые наброски так подходили к какой-нибудь повести или поэме, что я просто вкладывал их в книгу. Ведь любая работа над литературным произведением чрезвычайно трудна, тут необходимо как-то найти адекватность духа писателя и художника, найти свою позицию. Нужно найти пластический, органичный язык, который спаялся бы с самой темой. Здесь соавторы, каждый на своем языке, говорят об одном и том же: один — словом, другой — зрительным образом...

Как хорошо, что язык изобразительного искусства понимают все! (Как понимают, зависит и от личного опыта.) Мало того, что Красаускас понятен самым разноязычным людям, он может переводить сам: он переводит поэзию в другой жанр, в жанр графики, он может перевести музыку, спорт, философию в тот же жанр графики, он может «подогнать» ритм рисунка к ритму стихотворения, он многое может.

Стасис Красаускас — человек XX века. Он остро чувствует взаимопроникновение жизни и искусства, ощущает взаимодействие разных жанров искусства.

Художник уверен, что там, где кончается ремесло, начинается искусство.

— Люблю поэзию и музыку. Люблю хорошее кино. И те мысли, идеи, которые вдруг приходят, бывают инспирированы совершенно неизвестно чем и кем. Бывает, что после хорошего фильма, после хорошего концерта возникает какое-то сопоставление несопоставимых вещей, которое покажется вначале странным, а потом совершенно неглупым и логичным. Так было не раз и в моих работах: я набрасывал какую-то такую лихую мысль и думал: «Боже мой! Какой идиотизм!» А потом всматривался, еще всматривался и думал: «Нет, это не так уж глупо». И появлялись работы, которые мне все-таки нравились, хотя нравится мне очень малая часть моих работ — обычно те, которые проходят какое-то испытание временем. Иногда, бывает, сижу в мастерской, что-то ищу и вдруг натыкаюсь на свои старые работы. Конечно, с любопытством начинаю пересматривать. Замечаю: это не нравится, то не нравится. Вдруг попадается что-то такое, чему даже удивляюсь. Чаще бывает, что я прячу свои работы, чтобы они не попадались на глаза, не портили настроение. Очень немногие из работ я бы не хотел изменить сейчас, и, хотя опыта прибавилось, иначе, по-другому, например, «Женщину» из цикла «Человек» я бы не сделал.

В искусстве в последние десятилетия появилось немалое количество технически грамотных людей: поэтов, которые прекрасно рифмуют, создают ошеломительные образы, музыкантов, виртуозно исполняющих самые сложные опусы, художников, блистательно овладевших техникой,— их очень много. Но всегда ли от этого искусство выигрывает?

— В изобразительном искусстве действительно есть момент очень сложного техницизма. Ремесло врывается с такой огромной силой, и опора на ремесло бывает столь велика, что просто удивляешься. Удивляешься обычно деталям, фактуре, тому, как это сделано. Беда в том, что техническая сторона, которая иногда для специалистов может быть интересной, частенько сводит на нет саму идею. Страдают эмоциональная и интеллектуальная стороны; они, эти главные вещи, уходят на третий-четвертый план, а на первый вылезает к а к (как сделано). И тогда я в знак протеста заявляю, что, очевидно, важнее ч т о, и только после этого должно появиться к а к...

Меня всегда интересовало: почему художник выбрал именно графику? Не потому ли, что этот жанр строже и в нем более ограничены возможности? Можно излить темперамент в цвете, в буйстве красок, графика же пользуется более скупыми средствами, она обнажает структуру вещей. Наверное, в графике больше сопротивления, больше преодоления материала.

Можно говорить о многом: о технике, о мыслях и образах, но есть один вопрос, обойти который нельзя,— вопрос таланта. «Если сельский колодец не пополнят вешние воды, он рано или поздно иссякнет. Так и природная способность таланта не может быть неиссякаемой без движения, без постоянного дополнения. Талант должен видеть все. Он должен желать все знать. Он должен быть вечно голоден».

К счастью, Красаускас ненасытен.

Недруги и друзья домашних животных

Дорогая редакция! Обращаемся к вам, потому что очень обеспокоены. В нашем дворе живет ученик 7-го класса Игорь Л. Ему 14 лет. Это жестокий человек, мучающий животных. Он ловит голубей, связывает им крылья и бросает с балкона девятого этажа. Постоянные жертвы хулиганских выходок Игоря — кошки и собаки. Дети прозвали его «живодером». Недавно он поймал котенка, связал ему лапы, избил до полусмерти, а потом сбросил, беспомощного, с девятого этажа!

Большинство ребят во дворе ненавидят Игоря. Но появились и такие, которые ему подражают.

В школе он хороший ученик, сдержанный и тихий, незаметный. Никто не догадывается, какой он дома и во дворе.

Мы сообщили в школу о его поведении, там провели собрание родительского комитета, на котором мать Игоря упорно настаивала на невиновности сына. Директор школы тоже весьма сдержанно отнесся к выходкам мальчика.

Дорогая редакция! Нужны срочные, решительные меры: ни родители, ни школа, наверное, не понимают опасности его поведения!

Киев.
ШАХНАЗАРОВА, ГИЛЬШТЕЙН, СКОЛОЗУБ, КУЗЕНКО и др.— всего 10 фамилий

ДЕЛО НЕ ТОЛЬКО В ЖИВОТНЫХ

Я поехала в Киев и письмо, полученное редакцией, показала членам киевской секции защиты животных. Основанная украинским поэтом Максимом Рыльским, эта секция больше 20 лет объединяет людей, которые поставили перед собой цель охранять животных в городе. В секции только что разбиралось дело ребят, которые обращались с животными так же, как Игорь Л. Они были настроены очень воинственно, отрицали какую бы то ни было свою ответственность за жестокое поведение (так же, как и их родители). Но, узнав, что с ними хочет поговорить корреспондент «Юности», подростки сникли: их обеспокоило, что фамилии появятся в журнале.

— Зачем вы мучили животных?

— Интересно было. А что на нас все набросились? Животных многие бьют. Вон у нас по двору идешь — то собаку видишь убили, то двум кошкам спины перебили. Палкой.

— Это что! Мы в новый дом переезжали... Там один напился и хотел для новоселья собаку с восьмого этажа вниз скинуть. Собака огромная, овчарка. Орала! Народу собралось!

...Никогда не думала, что жестокость может быть так заразительна. У ребят горели глаза, как будто речь шла о заманчивых приключениях. Для них и для тех, о ком они рассказывали, все это было развлечением: наказать их по закону невозможно — уголовная ответственность за издевательства над животными в УССР законодательством не предусмотрена.

А между тем в шести советских республиках принят такой закон. Он существует и во многих странах мира: за мучение животных даже осуждают на тюремное заключение или налагают на виновных большие денежные штрафы.

Об ответственности за убийство собаки перед ее хозяином говорилось еще в законодательстве России восемнадцатого века. В «Уложении» 1792 года сказано: «А буде кто у кого собаку убьет нарочным делом и на нем по сыску велети за ту собаку доправе указанную цену отдати истцу».

Жестокость не бывает беспричинна.

Значит, ребенку с малых лет не внушили самые элементарные нормы морали, не научили быть добрым к окружающим, чутким к чужим горестям и страданиям. Жестокий живет по принципу неравенства: чужая боль для него ничто, своя прихоть — закон. Многие родители, к которым за помощью обращаются инспектора секции защиты животных, оправдывают и защищают своих детей, не понимая, видимо, какой приносят этим вред.

По-настоящему сильные не бывают жестокими. Когда человек мучает зависимое от него, беззащитное существо, он как бы утверждает копеечное свое «могущество» и «превосходство». Не может человек потрясти своими знаниями, ловкостью, умом — так хотя бы жестокостью! Такие люди опасны для общества!

Уже самые ранние бессмысленно жестокие поступки могут привести к непоправимым последстви-

ям. Такие поступки должны бросаться в глаза, тревожить всех — родителей, учителей, соседей. Даже элементы жестокости в «безвинных» детских играх таят в себе серьезные опасности. Установлено, что большинство преступников, покушавшихся на жизнь человека, начинали в детстве с мучения животных.

Самое огорчительное состоит в том, что ребята, с которыми довелось мне беседовать в Киеве, не чувствуют себя виноватыми. И действительно, как доказать им, их родителям, учителям их школ (и среди них — учительнице биологии; она выступила в их оправдание!): то, что они делали, калечит их души, человек, не умеющий любить живое, нравственно уродлив? Как их остановить, если они видят примеры жестокости?

И тут надо сказать еще об одном — о городской службе отлова бездомных животных. Она в Киеве относится к Горспецкоммунтрансу (?!): животные оказались приравнены... к утильсырью! А это извращает весь смысл работы этой службы.

...О том, что ребята из 94-й школы, которые помогают секции защиты животных, увидели на базе отлова, я узнала из истории с Тюбиком. Это обычная история городской собаки, в жизни которой произошло горе. У годовалой овчарки холодной осенью умер хозяин, и соседи выдворили ее на улицу. Пес жался к своему подъезду, его били и гнали прочь. Однажды подвыпивший прохожий решил «пошутить» с измученной и все-таки доверчивой собакой. И вот уличная сцена: человек дразнит пса, наступает на лапы, тот дрожит и пятится, скулит. Прохожие не вмешиваются. И пес кусает мучителя.

Мгновенно вызвали «будку» (так в Киеве называют машину службы отлова). Собаку схватили и увезли. Это увидели ребята из биокружка 94-й школы и обратились к инспекторам секции Инне Емельяновне Комаровой и Лидии Михайловне Крамаровой. Вместе с ними поехали на базу станции отлова. Но Тюбика уже спасти не удалось...

То, с чем школьники столкнулись на базе, заслонило даже переживания от борьбы за Тюбика: там в грязные, тесные клетки были загнаны десятки отловленных в тот день животных. Выли и бросались на прутья породистые собаки: чтоб выполнить план (!), отловщики нередко хватают самую легкую добычу — беззаботных домашних псов, и при этом бродячие успевают куда-то исчезнуть. Ребята собрали все свои деньги и выкупили нескольких животных.

Да, действительно бездомные собаки и кошки опасны для людей, их отлов необходим, но организован он должен быть иначе, с пониманием его специфики, нравственного и эмоционального значения. Отлов должен подчиняться строго определенным правилам, которые бы гарантировали, что результатом его работы не станут душевные травмы!

В киевской секции защиты животных считают: главное — правильно поступить с отловленными животными. Их можно некоторое время — месяц, скажем,— содержать в специальном помещении, чтобы решивший выкупить собаку или кошку мог обратиться туда. Среди животных, оказавшихся на улице, немало молодых и породистых. Вполне допустимо жильцам дома или двора вместе держать собаку или кошку, если кто-нибудь один возьмет на себя ответственность. Такой человек наверняка найдется.

Разумеется, сегодня одна секция защиты животных, без широкого актива не сможет решить своих благородных задач. Но так как людей, которые охотно помогут ей, очень много, а горсовет и ветслужба во многом ее поддерживают, можно быть уверенным, что все же удастся отстоять домашних животных от жестоких выходок мучителей.

Великий ученый, академик И. П. Павлов писал: «Когда я приступаю к опыту, в конце концов связанному с гибелью животного, я испытываю тяжелое чувство сожаления... Но это переношу в интересах истины, для пользы людям».

Доброта — тоже способ утвердить себя в мире. Только более сложный, чем жестокость, хлопотный. Он требует от человека настоящих, а не мнимых чувств, подлинной, а не показной силы. Упорства. Бьющему слабого противостоят тысячи тех, кто слабого выручает, берет под свою защиту.

Как-то очередное заседание секции (улица Рогнединская, 3, клуб «Природа») прервало появление учеников 7-го класса 21-й школы Игоря Кардаша и Ростика Гумецкого. Гуляя по окраине города, они услышали писк из заброшенного дома. Ребята вошли. Какие-то живые существа скрывались в темном, захламленном подвале. Спичками освещая себе дорогу, мальчики протиснулись в лаз. С трудом они разглядели: прижавшись друг к другу, там сидели семеро щенят. Где была их мать? Наверное, погибла: ведь только что проехала машина службы отлова! Щенятам без матери грозила гибель. Ребята забрали их.

В этот вечер Игорь и Ростик были участниками интереснейшей в их жизни «операции». Вместе с прервавшими заседание членами секции они кормили, отогревали, мыли и причесывали щенят... А потом начались звонки: телефонные и в двери квартир — щенят предлагали взять знакомым и незнакомым людям. К концу дня хозяева нашлись для всех семерых.

В списках у секции очень много людей, вылечивших, выходивших найденных на улицах собак и кошек. Один из членов секции, в прошлом ее председатель, Сергей Васильевич Андреев (главный художник городского музея Ленина), взял под свою опеку четырех бездомных собак, появившихся вблизи художественных мастерских.

Пытаюсь сопоставить два полярных отношения к домашним животным.

С одной стороны, бережное отношение великого ученого, любовь поэта, забота художника, сотни собак и кошек, спасенных членами киевской секции защиты животных, привязанность многих и многих людей к животным — то, что нам сегодня кажется нормой. А с другой стороны, бездумная жестокость.

Снова обращаюсь к словам И. П. Павлова: «Истребление и, конечно, мучение животных только ради удовольствия и удовлетворения многих пустых прихотей остается без должного внимания... Тогда в негодовании, с глубоким убеждением я говорю: это — одно из плохо замаскированных проявлений вечной вражды и борьбы невежества против науки, тьмы против света».

И вот последний вечер в Киеве. Мы с председателем секции защиты животных Натальей Ростиславовной Мазепа-Ковецкой подводим итоги моей поездки. Наталья Ростиславовна — литературовед, кандидат филологических наук. Рядом сопит на диване Пух — огромный пушистый кот.

— Вот ведь какая нелепость,— говорит Наталья Ростиславовна,— порою мы, то есть те, кто спасает бездомных животных, оказываемся нарушителями городских правил. Например, инспектор нашей секции Вера Арсеньевна Котляревская. В ее доме сейчас живет Пальма, овчарка с Внуковского аэродрома. О ней писал Юрий Рост в «Комсомольской правде» осенью прошлого года. Два года она ждала своего хозяина в аэропорту. Вера Арсеньевна приручала Пальму с огромной любовью и остроумием. Но в

квартире Котляревской уже жили собака и кошка, и с точки зрения правил она нарушитель и не имела права выручить собаку: ведь полагается иметь не более одной собаки и одной кошки. Неважно, какой размер квартиры, сколько комнат, чем занимаются хозяева, сколько человек в семье, как они умеют обращаться с животными. Получается: тот, кто замучил кошку или собаку, безнаказан и, значит, прав. А тот, кто спас и принес животное в свой дом,— нарушитель, и его нужно наказать.

Вот документ — программа киевской секции защиты животных. «Для человека окружающая среда не только физико-биологическая, но главным образом социально-нравственная. Домашние животные — один из компонентов этой среды. То, что эти животные включились в общественные, социальные отношения между людьми, усиливает их роль в нашей жизни. Дети воспитываются не в общении с жирафами или утконосами, в необходимости охраны которых никто не сомневается, а в контакте с собакой и кошкой. Нужно определить в законодательном порядке юридический статус этих животных».

Марина КНЯЗЕВА

Мы обратились к народному артисту СССР Сергею Владимировичу Образцову с просьбой высказать свое мнение о рассказанных нами случаях детской жестокости.

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ ПРОБУЖДАЙТЕ СМОЛОДУ

К сожалению, поведение отвратительного садиста Игоря Л., о котором написали в редакцию киевляне, не исключение, а явление довольно частое.

Так как я в свое время поставил кинокартину «Кому он нужен, этот Васька?», очень многие люди из совершенно разных городов нашей страны присылают мне письма, в которых описываются зверские мучительства животных, совершаемые главным образом подростками.

Закон, карающий за мучительство животных, абсолютно необходим, и добиваться этого закона должны не только общества охраны животных, но и все государственные и общественные организации, в той или иной степени связанные с воспитанием детей и молодежи, в том числе ЦК комсомола, Министерство просвещения, отделы культуры горсоветов, дома и дворцы пионеров.

Дело ведь не в животных, как бы ни было их жалко. Дело в детях, в воспитании будущих граждан нашей страны. В конечном счете в коммунистическом воспитании.

Но параллельно с этим абсолютно необходимо выработать и опубликовать единые правила содержания животных, которые обязывали бы их владельцев к определенной ответственности.

Отлов собак и кошек неизбежен. Но каждая отловленная собака должна содержаться в пункте отлова не менее трех—пяти дней, чтобы хозяин собаки мог найти ее и, заплатив штраф, взять. Такое неукоснительное правило существовало.

Помню, когда мне было лет десять (значит, это было в 1911 году), я нашел свою собаку, сидевшую в клетке среди многих пойманных ловцами собак. Не могу забыть, как визжал от радости узнавший меня Дружок и как я тоже от радости плакал, пока сторож, получив с меня штраф, отпирал клетку.

Все мои детские воспоминания связаны с этим беспородным рыжим другом.

Сергей ОБРАЗЦОВ

Григорий Кружков

В агитбригаде

Мы читали стихи солдатам
Из железнодорожных войск —
Тем, что вкалывают как надо,
День за днем, безо всяких геройств.

Были сумерки после ужина,
Был сколоченный наспех помост,
И хотелось прочесть что-то нужное,
Что-то нужное им всерьез.

Не из вежливости нам заранее
Аплодировали горячо —
Не за строчки, так за старание,
За волненье, за что-то еще...

А потом, когда вышла певица,
Я с ребятами рядом сел
И смотрел в их веселые лица,
И в задумчивые — смотрел.

В заключение — речи теплые,
За беседой тесный кружок...
Старшина, экономя топливо,
Приказал выключать движок.

Загорались звезды в небе,
Выходило прощаться нам.
И собака по кличке «Бэби»
В ноги тыкалась пацанам...

Старая Руза

Что там зрело в кронах лиственных!
Просто — лес,
И просто — лето.
Змей дремал,
И плод таинственный
Хоронился в чаще где-то...

Он влюблялся безалаберно,
Птаха пела как умела,
Гомонил футбол за лагерем,
Пока вовсе не темнело.

Гаснул свет, как будто медленно
Убавляли реостатом,
Высыпали звезды мелкие —
Общим весом в два карата.

А вверху луна фасонила
И была при лете этом
Ежемесячным пособием
Начинающим поэтам...

Григорий
МЕДЫНСКИЙ

ЗАВЕРШЕНИЕ РАЗГОВОРА

Да, разговор получается серьезный. Завязался он почти три года назад, когда в «Юности» был напечатан мой «Разговор всерьез» с ребятами поломанной судьбы, обратившимися ко мне с просьбой помочь им разобраться в жизни. Среди них была семнадцатилетняя девушка Галя, которая отбывала уже второй срок за воровство. Здесь, в колонии для несовершеннолетних, под влиянием хороших воспитателей она продумала и поняла свою жизнь и написала мне многостраничное и откровенное письмо. Я ей ответил. И все это, вместе взятое, было опубликовано в «Юности» (1974 г., № 8). В ответ на это среди других читательских откликов пришло письмо от заключенного, скрывшего свое лицо под кличкой «Феникс», в котором он, с оскорбительным недоверием отозвавшись о письме Гали, развивал свою «философию».

А Галя за это время была освобождена, устроилась на работу, вышла замуж за хорошего человека.

Обрадованный всем этим, я написал Гале, поздравил ее и рассказал о читательских откликах на нашу переписку, в том числе и о письме Феникса. Отвечая ему, она прислала гневное, страстное письмо, которым и была завершена моя публикация обо всем этом — «Продолжение разговора» («Юность», 1976 г., № 7).

Откровенно говоря, я считал, что тем самым наш «разговор» будет закончен. Но эта публикация вызвала новый поток писем, таких разных и противоречивых и в то же время таких интересных и важных, что я почувствовал необходимость еще раз вернуться к этому вопросу, чтобы завершить его с необходимой ясностью.

Прежде всего нужно ли это продолжение, да и вообще нужен ли был этот «разговор» в «Юности» на такую трудную и острую тему? Воспитывать нужно на положительном, воспитывать нужно на героическом, на наших высоких и добрых чувствах. А какое воспитательное действие может иметь волчья «философия» какого-то Феникса с его идеализацией бандитской жизни? Такую отповедь мне пришлось выслушать в одном горячем споре.

Воспитывать на положительном? А куда спрятаться от отрицательного, когда жизнь так сложна и противоречива, когда «добро» и «зло» сосуществуют в ней бок о бок, часто переплетаясь и перемешиваясь между собою и втягивая человека в это переплетение, может быть, даже помимо его воли?

Девушка пришла на танцплощадку. Самое обычное и безобидное место. К ней подходит парень. Парень как ларень.

— Пойдешь, что ли?

Тон, форма обращения показались обидными.

— Нет.

— Пойдешь? — Глаза парня недобро сверкнули.

— Нет.

— Ах так!..— последовала грязная ругань.

— А ты, может быть, и ударишь?

— Может, и ударю.

— Попробуй.

Девушке стало страшно, но она не отвела взгляда, и парень, сверкнув еще раз глазами, отошел. Через подруг узнала, что этот парень недавно вышел из заключения, и на другой день не хотела идти на танцплощадку, но переломила себя — «пусть не думает, что его испугались».

«Вспоминаю, как я стала все-таки с ним ходить,— пишет она.— Ужасно боялась, хотя и не хотела этого показать, ругала себя на чем свет стоит и чуть ли не с ненавистью разговаривала с ним: «Вот, думаю, наглец, пришел из тюрьмы да еще на что-то рассчитывает». Потом ненависть куда-то ушла. Затем стало интересно: что за человек? А потом поняла его, глазам поверила. Подумалось: наглецы так не смотрят. Зачем еще раз обижать человека, у которого и так не сложилась судьба и у которого на душе, как он выразился, кошки скребут? Может, он хочет начать новую жизнь, а ему мешают — недоверием, косыми взглядами. Присмотрелась, и захотелось если не помочь, то не оттолкнуть от себя. Но... А друзья? А вино? А привычки?»

Так переплелись в одной судьбе «добро» и «зло». Потом из этого выросли переживания, радости, и горести, и трагический вопрос: как быть?

Задача нравственного воспитания заключается, следовательно, не в игнорировании «зла» и не в простом подражании «добру», а прежде всего в умении распознать и отделить одно от другого. Это первая и очень важная ступень нравственного опыта человека.

Идея добра не отвлеченная истина, вкладываемая в твою душу старшими поколениями. Под добром разумеется практика человека. «Мир не удовлетворяет человека,— писал В. И. Ленин,— и человек своим действием решает изменить его».

«А в мире есть не только добро, но и зло,— после этой ссылки на Ленина продолжает В. А. Сухомлинский.— Есть зло социальное — угнетение человека человеком. Есть и наше внутреннее зло — моральное зло... Оно многолико...»

И дальше:

«Твое активное отношение ко злу — прежде всего твоя ненависть к нему... Умей видеть и чувствовать зло рядом с собой, настрой себя так, чтобы разум твой, душа твоя восстали против него».

И обобщающая заповедь выдающегося педагога нашего времени: формирует человека «в познании мира вообще — способность удивляться, в нравственном воспитании — способность возмущаться, в труде — способность гореть неугасимым огнем увлеченности. Помните, если у вас нет второй способности, вы в конце концов можете приобрести другую способность — давать своим примером уроки равнодушия».

Вот так удивилась и возмутилась Лена Р. из г. Жуковского, прочитав в свои 15 лет письмо Феникса:

«Неужели есть на свете такие люди, как некий Феникс? Я никогда даже не могла подумать, что в нашей стране есть такие подонки. Меня до глубины души возмутило его письмо».

Очень хорошо! До сих пор Лена жила, очевидно, в рафинированном мире благополучной семьи, школы и общего победного духа нашей жизни. Но, как говорит тот же Сухомлинский, «нельзя создавать в юной душе иллюзию побед и завершений».

И вот эта иллюзия разрушена: оказывается, у нас есть не только герои, но и подонки, и она бросает в их адрес слова гражданского возмущения.

«Мне нравится моя жизнь, полная опасностей и приключений»,— цитирует она слова Феникса и продолжает: «Что тут может нравиться? Какой пример для будущего поколения? Приключений нужно искать не здесь, а в более высоких вещах. Феникс — сказочная птица, которая, сгорая, каждый раз вновь воскресает из пепла. Но тебе не воскреснуть. Нет! Что ты видишь в будущем? Только тюрьму. Но разве человек для этого рождается? Неужели не приятно приносить пользу людям? Нужно очищать нашу страну, а не загрязнять ее, как делаешь ты!»

А вот трогательное по своей душевности письмо из Иркутска. Молодая девушка описывает трудную, но нравственно здоровую жизнь своей семьи. И с нравственных позиций этой семьи она пишет: «Я верю, Феникс, что ты будешь человеком и найдешь в себе силы для этого. Ведь хватило же у тебя силы написать такое откровенное письмо в «Юность»? Значит, должно хватить и на большее. А иначе как же мне, как же нам вступать в споры за вас против тех, кто говорит, что «горбатого могила исправит»? Как же тебе тогда смотреть в глаза людей?

Вера Козлова».

И в заключение — просьба:

«Дорогая редакция! Мне бы очень хотелось, чтобы Феникс прочел это письмо».

Дорогая Вера! Как мы уже писали, Феникс — это аноним, мы не знаем ни имени его, ни отчества, ни адреса. Но мы думаем, что, если он прочитает это ваше письмо, он непременно ответит. Спасибо вам!

Не могу не отметить, однако, как очень интересный факт: на «перепалку» Гали и Феникса откликнулись не только умные и чистые девчата, но и люди совсем другого склада, другой судьбы и жизненного опыта — заключенные. Это тоже может вызвать недоумение, а может быть, и возмущение кого-то из читателей: как так? зачем?

Не будем спешить с выводами, но отметим это как, на мой взгляд, знаменательное явление времени: заключенные не только читают «Юность», но и пишут в нее.

И обсуждают ее.

Вот письмо воспитателя колонии из Ярославской области лейтенанта Н. Н. Кудинова:

«Я очень доволен, что ребята из моего отделения так по-серьезному откликнулись на ваш «Разговор всерьез». Его обсуждали всем отделением, а самые инициативные решили написать письмо».

Тут же приложено и самое письмо за подписью Подоплелова и Солодова с таким обращением к Фениксу:

«Вы относитесь к тем людям, о которых говорит шекспировский Гамлет: «Что значит человек, который ест и спит? Животное и все».

Мы уверены, что то же самое скажут многие другие юноши и девушки.

Было время, когда о преступниках, если и писали в коротких заметках «из зала суда», то ограничивались ходкой репортерской фразой: «Преступник получил по заслугам». А дальше? Что дальше? Ведь получив по заслугам, он не перестает быть человеком, он продолжает жить и мыслить, что-то при этом теряя, что-то приобретая и делая для себя какие-то выводы. И вот проходят годы, кончается «срок», щелкает тюремный замок за спиной — и человек снова входит в общество. Кто входит? Какой человек? Лучше или хуже он стал, и что он несет в общество?

Все это очень общественно важно и касается каждого граждански мыслящего молодого человека. А мы должны воспитывать именно такого, широко и диалектически мыслящего гражданина, понимающего, что нельзя воспитать нового человека, не преодолев старого, что лишь из сопоставления того и другого рождается подлинная осмысленность и мудрость жизненных понятий молодого человека.

Этим же, на мой взгляд, интересны, даже больше — принципиально важны и ценны именно для юношества,— письма, полученные нами в ходе этого разговора.

Конечно, среди поступивших писем есть всякие, но среди этих «всяких» я выделю лишь одно, отличающееся бойким, хотя и поверхностным, философствованием со ссылками на Маркса, Ленина и даже Гегеля,— полное внутреннего цинизма и ядовитого сарказма.

«Достопочтеннейший Григорий Александрович! Восхищен и удивлен вашей проницательностью по затронутой вами теме о «борьбе двух взглядов, двух философий и нравственных начал», как вы изволили выразиться, но ваше отношение, выраженное через посредство печати, не дает положительного результата».

Выделяю я это письмо отнюдь не по личному ко мне обращению, а потому, что в этом же ёрническом тоне и стиле затрагивается в нем весь «океан проблем» — и общественных, и психологических, и исторических проблем, нуждающихся не в ядовитом сарказме, а в столь же серьезном и обстоятельном анализе, примером чего являются многочисленные жизненные и человеческие документы.

Ведь что такое преступность? Это клубок сложностей и противоречий. Это и зверский удар по голове и внутренний цинизм, расчетливая подлость, прячущаяся за «интеллигентной» физиономией и «философией» («когда интеллект выше — легче украсть»), и бегающие воровские глаза, и потупленные в землю очи, сознание своей вины и поиски объяснений и оправданий этой вины, стыд перед

людьми и жалость к себе, и, конечно, тоска по воле и по утерянной, навеки утерянной, чести — вот что такое преступность! Крик ужаса настигнутой жертвы и крик совести, пробудившейся в человеке, вопль о свободе и доверии, и еще большей силы крик народного гнева и возмущения — вот что такое преступность. Это трагедия — трагедия для человека и трагедия для общества, и к этой трагедии нельзя подходить легко и насмешливо.

Вот почему — и только поэтому! — я уклоняюсь от предлагаемой мне почтеннейшим «философом» дискуссии по всему «океану проблем», тем более что это далеко выходит за пределы основной темы нашего разговора — не просто борьбы, а горячей схватки двух жизненных философий и нравственных начал, нашедших свое выражение в переписке между Фениксом и Галей.

И тогда обнаруживается подлинная человеческая сущность этого «философа».

«Читая ответ Гали, прослеживаешь довольно-таки слащаво мелконькие мысли. Да и что она может сказать, кроме прописных ребячьих истин? А что она знает о человеке и его антиподе — человечишке, о существовании и жизни настоящей, о человеческих пороках? А что после себя оставит Галя? Кто вспомнит о ней как о Человеке? Софьей Ковалевской ей не быть в силу ограниченности мировоззрения. Не блещет она и глубиной мысли, ибо взять таковую негде, хотя и работает она на благо общества — шьет комбинации. И вообще возмущает письмо этой быстро отмывшейся **Чистюли,** это омерзительно».

А мне кажется омерзительным это письмо тюремного «философа», но отвечать я ему не буду. Пусть это сделают другие, его «коллеги» и товарищи по несчастью, включившиеся тоже в наш «разговор».

«Пишет вам рабочий парень, по своей дурости находящийся в заключении. В нашем отряде Гале не верят, потому что имеют желание жить старыми воровскими сказками. А я ей почему-то верю, что она очень хорошая девчонка, и я был бы счастлив с одной из таких Галь. А этот Феникс — мартышка из тех, которые в Африке прыгают по лианам. И то, что Галя назвала его подонком, он должен еще гордиться, ибо большего он не заслуживает,— даю в этом на отсечение свою пустую голову».

«Считаю своей обязанностью написать вам. Пишет вам особо опасный рецидивист, чья судьба несколько схожа с судьбою Феникса.

Из 29 лет 14 провел в заключении, видел тысячи этих парней с коррозийной душою и присматриваюсь к ним.

Да, философия эта страшна! Но это не его удел. Скажу прямее — в этом парне есть творчество и душевная чистота, только трудно их раскрыть, потому что каждому встречному такие натуры на шею не кидаются. Тут крайне необходимо все то, что мы именуем педагогикой воспитания, тут нужно быть воспитателем-психологом. И тогда эта натура будет доставлять людям радость и тепло, хотя формироваться она может годами. Жизнь ведь очень сложна!

Поэтому я считаю, что последнее письмо Гали написано вопреки ее душе, с таким излишним пафосом и резкостью. Она не узрела и не почувствовала, сколько отчаяния и бессилия в страшной философии Феникса. Мне кажется, Гале самой еще нужно много познать и пережить, найти себя, а сейчас ей не хватает анализа и воображения».

«Здравствуйте, многоуважаемый Григорий Александрович! Пишет Вам Егоров П. М. Решил написать это письмо и рассказать Вам всю правду. Вы уже, наверное, не помните то первое письмо, которое я написал Вам в октябре 1975 года. Тогда я просил Вас походатайствовать о пересмотре моего дела, по которому осужден, писал, что не виноват, несправедливо, мол, осужден. Все это было неправда, преступление совершил я, и решение суда было справедливо. Подло я хотел поступить тогда, как, впрочем, и жил подло. Особенно не могу простить себе то, что хотел замарать в своем грязном деле Вас, человека, который так много сделал хорошего нам — людям, заблудившимся в жизни.

Все это я говорю не ради лести или подхалимства, а потому что понял, каким был подлецом и негодяем, живя обманом, ничем не интересуясь, принося людям один вред. И кто знает, в какую бы я вырос свинью, не повстречайтесь на моем жизненном пути Вы.

Крепко я задумался над своей жизнью, когда прочитал Вашу книгу «Чему равняется человек» и письмо. Сперва не все было ясно, но позже во многом разобрался и на многие вещи стал смотреть по-другому. Правда, не все с того времени шло гладко, были разные моменты, но к одному убеждению я пришел твердо. Это — быть человеком везде и всегда.

В будущем думаю поступить в медицинский институт, сейчас окончил 11 классов, все свободное время читаю. Книга для меня стала первым другом и советчиком. До конца срока еще 1 год 8 месяцев, за это время хочу досконально подготовиться к экзаменам, а на работе, когда вернусь на свободу, заработаю хорошую характеристику и буду пытаться поступать в вуз. Вот только репутация беспокоит, 2 судимости и строгий режим в 19 лет — не шутка. Но все можно преодолеть, если человек сильно захочет.

Вот и все, что я хотел Вам написать.

Искренне прошу прощения за свой первый поступок с письмом.

С глубоким уважением.

Осужденный Егоров».

От себя лично скажу: ради одного этого письма можно было жить.

Я знаю, найдутся скептики, которые поставят над этими исповедями — а их много больше, чем можно вместить здесь — большой знак вопроса. Признаюсь и со своей стороны, что я тоже не склонен безоговорочно и слепо верить каждому из подобных «покаяний». Но, подвергая многое сомнению, нельзя в то же время отвергать все, нельзя в человеке отвергать человеческое начало. Да, есть, говорят, люди без чести и совести, но я все-таки не очень уверен: истребима ли совесть? Она может спать, она может бездействовать, она может таиться и теплиться под кучей житейского пепла и мусора, но наступает момент, и вдруг эта затаившаяся искра вспыхивает.

«Какая это сильная штука — совесть,— пишет мне человек, как будто бы совсем забывший о ней за многие годы воровской жизни.— Я приезжаю в город, приезжаю для того, чтобы украсть. А на вокзале женщина с ребенком просит меня присмотреть за ее чемоданом, пока она сходит по своим делам. И я сижу и караулю чужие вещи, которые хотел украсть!»

А вот человек получил зарплату в трудовой колонии, свою, кровную, и вдруг подумал о той женщине, с которой он снял пальто. И человек дает клятву: когда выйду на волю, найду эту женщину,

стану перед ней на колени и отдам ей то, что у нее взял.

Нет! Совесть неистребима! Беда только в том, что она не вручается вместе с паспортом и пробуждается не у всех одинаково и не в одно время. И из этого рождаются великие беды. Но приходит час, и, как молния во мраке ночи, свет совести озаряет человека и всю его жизнь, и тогда он рождается заново. У одних этот час приходит раньше, у других позже, и никто не знает, когда и отчего он приходит.

«Пишет вам незнакомый парень, ничем в жизни не прославившийся, ничего хорошего в ней не сделавший, да и не задумывавшийся до сих пор над этой самой жизнью. А катил он по ней, куда кривая вывезет, и казалось, что так и нужно, так и следует жить: «Живи, как живется, бери, что берется, и не скули в случае неудачи». И я жил, брал и не скулил: украл, не попался — радость, украл и попался — тоже не горе, отсидки ведь тоже нужны, они дают опыт и авторитет поднимают.

И так ладно да гладко все у меня шло, что прожил я таким манером четверть века. И не было терзаний за свое прошлое — жизнь казалась огромной до бесконечности.

Казалась... А теперь вот почему-то не кажется. Сломалось во мне что-то, как-то по-другому стал смотреть на себя и на дела свои. И все мои похождения, кроме гадостных ощущений, никому ничего не дали — ни мне, ни моим близким, и прежде всего моей маме. И надоело все, как ячневая каша. Пишу, потому что не молчится».

Это — начало.

А вот конец, когда человек, где-то на последних гранях жизни, спешит оставить и передать свой печальный итог, завет и предупреждение очередной «мартышке», карабкающейся вслед за ним по пугаными лианам жизни.

«Лучше поздно, чем никогда» — говорит пословица. Но фраза эта требует корректуры: лучше все-таки раньше. Чем позднее придешь к мысли о жизни честного человека, тем меньше радости испытывает душа. Но бывает еще и так: поздно что-либо изменить... Чтобы не знать мне вообще той жестокой истины, что ты действительно сволочь! Захочешь преодолеть это сознание, но убедишься лишь в слабости собственного духа. И тогда ты напомнишь утопающего, жадно цепляющегося за соломинку жизни. Но все это лишь агония больного духа без признаков уже мужества и почтения... Жалкая участь!

Но не подумайте, что я пытаюсь угодить «духу времени» и обратить внимание на свои горести и беды. Просто искренность Гали и гнилое фанфаронство Феникса, мечтающего возродиться из собственной грязи в образе какого-нибудь международного гангстера типа Аль Капоне, побудили меня, лежа на больничной койке, взяться за перо и принять участие в «Продолжении разговора».

Было время, я тоже был молод и хорошо знаю, что такое «кулак», чем он жив и кому принадлежит. Пока играла плоть и в голове роились «гигантские походы», их козни, жестокость и легкомыслие, все видел и знаю, что каждый подлец имеет свое представление о честности. Отсюда все ошибки, тюрьма, блат-хаты, кровь, деньги и поножовщина. Но все хорошо и «романтично», если бы жизнь определялась долгожитием ворона, клюющего падаль. У Феникса, однако, жизнь человека да сущность волчья, и все его признания, спесь и кичливость — это не социальная причина, не безвыходность, а пролог с неразгаданным еще эпилогом завтрашней оконцовки.

А оконцовка одна. При любом варианте преступной логики ни одного «чистодела» с гонором — я, мол, плюю на все! — никого не приводило еще к добру. Ни одного блатяка не было мною встречено, чтобы, умирая под сводами тюремных стен с присказкой Феникса, он признался: «воровская жизнь — малина». Наоборот, не единожды слышал: «Эх, падло! За что я отдавал свободу? Умереть хотя бы на свободе!».

А то, что вынашивает Феникс, испытывая мстительные наслаждения от будущего гангстеризма, от мнимой «безысходности» своего положения, то этот блеф «великомученика» можно бы еще понять по различным мотивам — обиды, унижения, оскорбления, гнев попранного достоинства и невыносимости жизни, но почему лишь мстительное злорадство рождается в душе этого «справедливого правдоборца»? А если он будет жить по принципу «все дозволено», не имея за душой никакой морали, он навсегда останется по ту сторону добра, где разгул аморализма, ничтожества и злобы убьет Феникса, и тогда-то он поймет, что промедление в делах нравственности смерти подобно.

Галя правильно пишет ему, и пусть ее «силлогизмы» не всегда по молодости подтверждены ее личным опытом, зато они имеют ценность в правильности самих критериев ее суждений о нравственных богатствах, верны по замыслу и фактам своего трудолюбия и желания жить по-человечески. И она не будет одинокой, не будет несчастной, не испытает в конце пути своего тех чувств, о которых хорошо сказал Николай Островский, когда бывает «так мучительно больно за бессмысленно прожитые годы».

А оставаясь на «кочке зрения» Феникса — исход один: продолжать моральное преступление над самим собой, и если письмо Гали кому-то может показаться неубедительным, то я могу подтвердить его истиной, за которую заплатил собственной жизнью, и как итог всей этой «Фениксовой» блевотины обречен сдохнуть от чахотки в тюремной больнице.

Не желая этого, Феникс сам рисует социальную среду своего обитания: есть школа, есть учителя, есть объективно все условия для преодоления преступных замашек, но вещая «птица Феникс» желает, видите ли, остаться в пределах уголовщины, не ищет единомышленников против «кулака», а в знак протеста против него стремится поджечь море человеческого добра, потому что ему «не нравится» жить в обществе науки и просвещения. И тогда Галя опять права: подохнуть им, этаким, в этих дебрях. Рановато Феникс разуверился в гуманности человеческих идей и, хотя ничего доброго не сделал людям, требует долгосрочный кредит в виде тещиных блинов, и, становясь в позу «благородного рыцаря», готов плеваться на все святое, подвергая осмеянию тысячи достойных существования людей. Но все это глупо... ничем, кроме злобы, не обоснованное оскорбление говорит в таком случае: жало вырвали, вот и шипит.

Говоря о «кулаках» за двойки, Феникс обобщает всю систему нравственности и учебы и этим как бы создает безвыходность своего положения. Но «кулак», если он и царит, то именно в тех углах, где свинья сама искала грязи, утверждая свое, индивидуальное, тупорылое владычество, и я уверен, что кулак вшивого Феникса был гораздо увесистее, оскорбительнее и нахальней в банде таких же уродов, чья анархия, чувствуя себя безнаказанной, принимает самые отвратительные формы. А искал ли он какую-либо возможность разумного, человеческого выхода из царства «кулачного бытия»? А теперь он

тщится оправдать свою преступную сущность фатальной безысходностью этого бытия.

Это типичная позиция уголовника или, как писал еще Достоевский: «Послушно принять судьбу, как она есть, раз навсегда и задушить в себе все, отказавшись от всякого права действовать, жить и любить».

Можно было бы еще как-то посочувствовать Фениксу, если бы действительно некуда было идти, не было реального выхода из тупика. И если вместо обвинения во всех грехах Гали и всех, вставших на путь честной жизни, он попробовал бы половить блох в собственной кудлатой шерсти, то я уверен, что он не вел бы себя так глупо, как неумелый футболист, который, стремясь забить мяч противнику, бьет в собственные ворота. Вот так и самовлюбленный Феникс, видя, что он терпит поражение, клевещет на Галю, готов унижать весь мир и убивать в самом себе жизнь. Но страшно ему будет не возмездие Правосудия, а самой жизни, чувство мучительного одиночества в мире серых волков, когда слезет с него короста дешевого пафоса и лживой романтики и когда некому будет подать глоток воды. Именно к такому финалу идет наш «герой» с капризными губками неоперившегося сосунка.

Когда-то и мне так же говорили эту истину, но эгоцентризм, предубеждения к политике казались мне, как и Фениксу, лжегуманностью. Но вот теперь я убедился, что мир гораздо лучше, если сам идешь к людям с добрыми намерениями. А если держишь камень за пазухой — «ой, как трудно в деревне у нас», как поется в одной песне. И пусть он запомнит это на всю жизнь».

А может быть, все это не нужно?

А «человек и закон» — нужно? Зачем? Чтобы привить правосознание молодому человеку: что можно, чего нельзя. А в конечном счете предупредить: сделаешь то — получишь пять, сделаешь это — получишь пятнадцать. Про всякий случай.

Что на это можно сказать? Суров закон, но он закон, и его жесткие рамки делают свое несомненное дело, и недаром говорит древняя мудрость: «Если хочешь погубить человека, разреши ему делать все, что он хочет».

Но один закон сам по себе, будь он трижды хорош, хорош только в комплексе. Закон и человеческое сердце. Мораль и право. Право — это, так сказать, кристаллизованная мораль, но только нравственные основы и критерии,— не страх, а совесть,— дают ему настоящую и действенную силу. А как рождается эта совесть и как гибнет или живет и борется, и каким испытаниям она подвергается при всех сложностях и неожиданностях, при всех ситуациях и поворотах жизни, и как в конце концов, пусть самом конце концов, заново, действительно как птица Феникс, возникает из пепла — во всем этом находит свое выражение сложнейший процесс осознания, борьбы принципов, мотивов и аргументов, то есть живая жизнь человеческого духа, решающий процесс, а потому и поучительный и в личном и общественном отношении.

В этом я вижу смысл и цель нашего большого, насыщенного и потому, как мне кажется, далеко не бесполезного разговора. На том его и завершим.

Валерий Каневский

✪

За полотном шоссе сирены воют,
твой сон, как дом обжитый, разорив.
За полотном шоссе сирены воют,
как эхо из годов сороковых.
Сигнал тебя, как вихрь, срывает с койки,
тебе ревет в лицо:
«Скорей! Скорей!»
И воздух марта, ледяной и горький,
влетает из распахнутых дверей.
Всего лишь имитация войны,
но от волненья губы солоны,
и не уймется колотье в висках.
Свой карабин хватаешь впопыхах,
напяливая каску на ходу,
бежишь в строю,
чтоб отогнать беду.
...Наступит срок. Меня в запас уволят.
Судьба иная поведет меня...
За полотном шоссе сирены воют,
моих друзей к грузовикам гоня.
По небу растекается ненастье
неотвратимо, как наплыв воды.
Я буду каплей крови, малой частью
в живой плотине на пути беды.

На пустом полигоне

На пустом полигоне, где тлеют снега,
уходящие танки чуть больше горошин
не ревут, сотрясая апрельские рощи,
неподвижные реки, сырые луга.
На земле, где размыты последние льды,
где прозрачные рощи повернуты к лету,
в этот день отпечатались танков следы,
как приказ зашифрованный —
на перфоленту.
В том приказе одно только слово:
«Вперед!..»
И в чернеющих лужах кипит кислород.
Дождь скользит над бетоном размытою
глиной —
так послятся от пота бока лошадей.
Ты обводишь штыком облака над равниной,
ты стоишь в круговерти апрельских
дождей.
Слышишь гром, доносящийся издалека,
слышишь дождь, колотящий по крыше
грибка,
и читаешь протянутый танковый след,
окунаясь, как в воду, в холодный рассвет...

«И РОМАНТИКИ И РАЦИОНАЛИСТЫ!»

Сегодня мы открываем новую рубрику «Отцы о детях».

В дни подготовки к шестидесятилетию Великого Октября ветераны партии и труда, советской науки и культуры вспомнят свою боевую юность — первые годы Советской власти, первые пятилетки, годы войны и мирного созидательного труда, расскажут на страницах журнала о себе и о тех, кого воспитали, кому передали эстафету гражданского, профессионального и нравственного опыта — о молодых своих учениках и последователях.

«Мы, люди старшего поколения,— говорил Леонид Ильич Брежнев,— видим в молодежи нашей страны замечательные черты советского человека, которые характерны для ваших отцов и матерей: беспредельную преданность партии, Родине, самоотверженность в труде, героизм в штурме передовых рубежей пятилетки».

Отцы говорят о детях.

Право открыть новую рубрику мы предоставляем Герою Социалистического Труда, заслуженному строителю РСФСР, кавалеру знака «Наставник молодежи», начальнику строительства железнодорожной линии Тюмень — Уренгой Дмитрию Ивановичу КОРОТЧАЕВУ. На стройке, которой руководит Д. И. Коротчаев, большинство — молодежь. И, конечно, интересно знать, каков в представлении ветерана строитель дороги — молодой человек.

Первый вопрос, заданный корреспондентом «Юности» Алексеем Фроловым Д. И. Коротчаеву:

МОЛОДОЙ ГЕРОЙ НАШИХ ДНЕЙ. КОГО ИЗ СВОИХ ВОСПИТАННИКОВ И ПОМОЩНИКОВ ВЫ ИЗБРАЛИ БЫ ЕГО ПРОТОТИПОМ?

Должен сказать, что молодые специалисты, которые выросли и работают сегодня на стройке, в основном представляют собой инженеров-организаторов и рабочих нового типа. Я не рискнул бы указывать на кого-то персонально как на прототип современного героя. Обладая бесспорными положительными качествами, мои молодые коллеги и подопечные покуда несут на себе немалый груз старых привычек, которые еще изживать и изживать... Зато какой великолепный образ молодого современника получится, если объединить все положительные качества моих коллег. Собственно, в этом не будет ничего искусственного — в каждодневном деле так оно и случается — к качествам одного плюсуются качества другого, один своим положительным началом продолжает другого — и только в таком сочетании возможен подлинный успех.

Сейчас со мной работают люди, которых я помню на Абакан — Тайшете еще совсем юными. Теперь это мои первые помощники. Олег Михайлович Шапошник — главный инженер управления. Виктор Пантелеймонович Фролов, Михаил Матвеевич Бороданов, Николай Павлович Доровских — заместители управляющего. Сергей Егорович Лебедкин, Виктор Фи-

На снимке: Д. И. Коротчаев со своим воспитанником знатным строителем Героем Социалистического Труда, депутатом Верховного Совета РСФСР И. С. Мариненковым.

Фото Н. СЫТЕНЬКОГО.

липпович Горченок — начальники строительно-монтажных поездов... Я тут недаром сказал о великой пользе сочетания человеческих качеств. Например, так — Виктор Горченок, человек весьма интересный и своеобразный, незаменимый в стартовый период, когда все только начинается, очень энергичен и порывист. Рядом с ним точный, холодный расчет инженера Олега Шапошника не просто обуздывающий момент, а необходимое деловое дополнение. Я чуть позже скажу, какое интересное завершение получило такое сочетание характеров.

Если же говорить о положительных качествах моих молодых помощников в целом, следует прежде всего отметить вот что: обладая изрядным количеством информации, молодые руководители, мои коллеги, стараются объем этой информации увеличить. И, конечно, не самоцели ради — с пользой для дела и для собственного развития и роста.

Они много работают с новой технической литературой, внимательно присматриваются к опыту друг друга. У них хорошее будущее. Решая сегодня ту или иную задачу, они отчетливо себе представляют, что любая задача имеет много решений. И выбирают непременно оптимальный вариант — в этом мне видится основная черта современного инженера и настоящего гражданина, который озабочен оптимумом ради выгоды всего общества. Вот вам, пожалуйста, совсем недавний пример — открытие движения поездов до Нижневартовска. Вообще говоря, первоначально социалистическим обязательством открытие движения до Нижневартовска было намечено на ноябрь 1977 года. По срокам это всех вполне устраивало. А тут как-то приходят Олег Шапошник, Михаил Бороданов, Виктор Горченок — можно пустить поезд к Самотлору раньше! И выкладывают свои соображения. Здесь было много способов. Во-первых, традиционное решение — вести укладку пути с двух сторон от Сургута и Вартовска. Что ж, это мы обязательно используем. Можно было увеличить фронт работ, посадив в середину участка десант монтеров пути. И это мы решили использовать. И вот совершенно новое предложение, дающее полную гарантию успеха: основное наступление вести со стороны Сургута, где у нас находился высокопроизводительный путеукладчик. А заготовку звеньев (по 600—800 метров на каждый строительно-монтажный поезд в сутки) мои помощники предложили организовать в тылу, на готовом участке дороги Тюмень — Сургут. Там не было никаких проблем с доставкой материала и организацией рабочего места — «в тылах» наши подразделения стояли уже по 5—6 лет и легко справлялись со сборкой нужного количества звеньев. Это, как в конце концов выяснилось, было самое оптимальное решение: к 7 ноября 1976 года мы закончили укладку. В то же время мы приобрели новый опыт, который обязательно используем на строительстве дороги от Сургута до Уренгоя.

КАКИЕ КАЧЕСТВА НАИБОЛЕЕ ЦЕНИЛИСЬ В ЮНОШАХ И ДЕВУШКАХ В ДНИ ВАШЕЙ МОЛОДОСТИ, А КАКИЕ ПОРИЦАЛИСЬ?

— Ценились, очевидно, те же, что ценятся в молодых людях и сейчас: чувство долга, честность, прямота, верность дружбе, скромность, энергия, инициатива, физическая закалка. Вместе с тем ценилась очень высоко деловитость. Как и сегодня, болтунов, людей необязательных, многое на себя берущих на словах, а на деле справляющихся с работой едва-едва, не уважали и всячески порицали.

Порицалась и нескромность. Нескромность, например, в одежде. Теперь, конечно, смешно об этом говорить, но в то время порицался хороший костюм или, скажем, ношение галстука. Что говорить о тех, кто следовал моде! Пижонить в то трудное время считалось кощунственным... Тогда мы жили и одевались более чем скромно. Ребята носили толстовки и холщовые брюки. Девушки — юнгштурмовки. Однако эта скромность в одежде ничуть не обедняла наших отношений. Мы чувствовали себя сильными, смелыми, ответственными за судьбу страны, видели, что перед нами открываются большие горизонты.

ИМЕЮТ ЛИ, ПО-ВАШЕМУ, СЕГОДНЯШНИЕ МОЛОДЫЕ ЛЮДИ КАКИЕ-ЛИБО ПРЕИМУЩЕСТВА ПЕРЕД ВАШИМИ СВЕРСТНИКАМИ — КОМСОМОЛЬЦАМИ КОНЦА ДВАДЦАТЫХ ГОДОВ?

— Наше общество дает, как ни одно другое общество, возможность для роста — сообщает каждому высокую, как говорят социологи, мобильность по вертикали: не ленись, будь вдумчив, старателен, деловит — и любые высоты могут быть взяты...

Однако сегодняшние молодые, безусловно, имеют преимущества перед моими сверстниками. И прежде всего в смысле знаний. Ныне учебные заведения дают неизмеримо больше, чем в дни моей молодости. Следовательно, нынешние молодые, выходя в жизнь, обладают куда большим запасом знаний.

И материально обеспечены сегодня — нечего сравнивать. Однако, на мой взгляд, между материальным благополучием и стремлением молодого человека к самосовершенствованию, росту существует некая негативная зависимость. Мало обладать навыками, запасом информации — надо все это использовать для пользы дела, на благо общества. Вместе с молодыми людьми, неудовлетворенными достигнутым, есть и другие, которым материальное благополучие мешает расти и развиваться. «Зачем мне знания, если и сейчас я, как рабочий, получаю больше инженера!» — так примерно рассуждают эти молодые люди. Или, скажем, получив высшее образование, накопив знания и истратив немалое количество государственных средств, идут на производство рядовыми рабочими — заработок выше. И те и другие, разумеется, не правы. И, конечно, не они определяют лицо нынешнего поколения молодых. Определяют его те, кто в движении, в развитии, в работе на пользу общества, в постоянной озабоченности судьбой участка, цеха, завода, страны. По сути дела, эта молодежь повторяет то же, что было и в наше время. Правда, на ином качественном уровне. Может быть, им труднее переносить первопроходческие неудобства. Нам было легче. Выезжая по распределению, мой сверстник брал с собой одеяльце и котомку. И нередко бывало, когда по полгодика, а то и больше, спать ему приходилось на конторском столе, под голову подкладывая папки с бумагами, и он не видел в этом ничего предосудительного. Считаю, что временные неустройства и неудобства не только ничего не убавляли. Наоборот, трудности помогали, он их не просто испытывал, он учился — и научался — их преодолевать. Во всяком случае, юноши и девушки моего поколения даже и не представляли, что государство или общество чем-то им обязаны. Они были воспитаны в таком духе, что они обязаны обществу; что они обязаны государству; они — должники дела, завоеванного отцами и дедами. Они чувствовали себя должниками, а не заимодавцами.

Сейчас некоторые прямо так и полагают, что им общество обязано, родители обязаны, комсомол обязан, а вот собственные обязанности представляют весьма расплывчато...

ТИП КАКОГО СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА ВАМ БЛИЖЕ — РОМАНТИКА ИЛИ РАЦИОНАЛИСТА?

— Я бы объединил эти два типа — в романтика-рационалиста. Без романтики не представляю себе творчески мыслящего специалиста. Без романтики нет молодости. Чистый же рационалист, на мой взгляд, это очень обедненный человек. Так что мне ближе романтик-рационалист. Я таких часто встречаю на стройке. Однажды даже целую группу встретил. К нам после окончания запорожской школы приехали выпускники — всем классом, девятнадцать человек во главе с преподавателем, поработать, проверить себя.

Это были действительно романтики. Мы постарались создать им бытовые условия получше, посчитали, что неподалеку от Тюмени, в Мазурово, им будет легче адаптироваться, привыкнуть к условиям стройки. Но они не захотели жить в исключительных, как им казалось, условиях, потребовали послать на передний край. Пришлось уступить. Отправили мы их в Салым, на карьер — это 520-й километр трассы Тюмень — Сургут. Ребят привлекали не заработки, не длинные рубли — им хотелось быть первыми, хотелось испытать на себе трудности освоения новой земли. Прибыли они на Салым летом. Поселились в палатках... Как-то я к ним приехал, посчитав своим долгом приободрить их — как раз заканчивалось строительство общежития в поселке, и мне хотелось перевести их в общежитие. Они встретили мое заявление без энтузиазма. Сказали, что их и палатки вполне устраивают и что они не затем сюда приехали, чтобы жить в доме с центральным отоплением. Причем, когда я с ними говорил, выяснилось, что планы у ребят самые разные. Кто-то мечтал быть врачом, кто-то учителем. С транспортным строительством два или три человека собирались связать судьбу (кстати, эти молодые люди до сих пор у нас работают, а один даже поступил в институт инженеров транспорта). В общем, ребятами овладел первопроходческий дух, и никакие уговоры не помогали... Когда наступили морозы, мы забеспокоились, переселились ли они в благоустроенное жилье? Выяснилось, что нет. Пришлось мне в Салым выехать. Ну, скажу я вам, это был стоящий коллектив! Во-первых, они из палаток сделали теплейшие домишки — с тамбурами, внутренней обивкой — не страшен никакой мороз. Во-вторых, очень трезво, очень рационально подошли к организации дела. Они тогда работали на балластировке пути и прекрасно разбирались во всех тонкостях этой работы. В результате мы получили от этой группы несколько творческих заявок, рацпредложений.

Кстати, именно у нас на стройке был создан первый в стране комсомольско-молодежный строительно-монтажный поезд — СМП № 522, которым несколько лет руководил нынешний мой заместитель Николай Павлович Доровских. В этом поезде романтический элемент тесно переплетался с рациональным, продуманным подходом к делу, к обязательствам... Я уже однажды рассказывал читателям «Юности», как бригада монтеров пути из СМП 522 (этой бригадой до сих пор руководит замечательный мастер Виктор Васильевич Молозин) в рекордные сроки построила мост. Никогда раньше ребята мостостроением не занимались. А вышла нужда — за месяц изучили дело, на ходу овладели совершенно новыми профессиями. Лучшим памятником подвижничеству, молодому задору молозинцев стоит теперь мост на трехсотом километре трассы Тюмень — Сургут. Идут по нему поезда.

Вот вам — и романтики и рационалисты!

КАК ВЫ ВЫБРАЛИ СТЕЗЮ ТРАНСПОРТНОГО СТРОИТЕЛЯ?

— У нас в Ворошиловграде (тогда Луганске) было несколько учебных заведений. Материальные условия не позволяли мне поехать учиться в другой город. Решил, останусь в Луганске и буду поступать в техникум путей сообщения. Туда был изрядный конкурс. Много легче было поступить в индустриальный техникум и даже в вечерний машиностроительный институт. Почему же все-таки в железнодорожный? Тут есть маленькая история. Перед этим я буквально зачитывался Гариным-Михайловским, очень интересным писателем, к тому же талантливым инженером-путейцем. Короче, как сегодня говорят, я шел от литературы к жизни и в числе еще четырех счастливцев из нашего класса успешно выдержал конкурс.

Учились мы по старым учебникам, каждый преподаватель составлял и разрабатывал программу сам. У нас архитектуру гражданских зданий читал Александр Иванович Богаенко — сам он окончил Киевский политехнический институт. Он составил свою программу, опираясь на институтскую. Так делали и другие преподаватели — делились буквально всем, чем располагали сами. Как нам было относиться к людям, которые отдавали нам себя без остатка? Мы любили этих интеллигентов-тружеников, служивших верой и правдой советскому обществу.

Вообще мне в жизни повезло. Повезло на старших — я многому научился у них. Работал я на Уссурийской железной дороге, на станции Магдагачи. На Дальний Восток мы, семь выпускников Луганского техникума, приехали по распределению. Подальше уехали, побольше хотелось увидеть (точно так же, как ребятам из Запорожской школы). Разбросали нас по семи участкам. Кому куда — тянули жребий. Мне выпала Магдагачи. Начальником участка у меня был Юрий Демидович Емельянов—очень энергичный, грамотный инженер, передовой во всех отношениях человек. Скажу, что многие современные инженеры вполне могли бы кое-чему у Емельянова поучиться. Магдагачи — это вечная мерзлота, это одно из самых холодных мест в Амурской области. Так вот этот руководитель в шесть утра уже был на ногах — обходил объекты, смотрел и оценивал, как проделана работа, готов ли объект к новому рабочему дню, не было ли допущено накануне каких-либо ошибок. И, конечно, я, молодой в то время десятник, или мастер, как теперь называется, не мог позволить себе прийти позже начальника участка на свой объект. Я всегда с благодарностью принимал замечания, которые мне делались, и быстро все наматывал на ус, хотя в ту пору усы у меня едва пробились... Работал я с Емельяновым два года, и эти два года дали мне многое. Потом я строил на этом же участке мосты, и опять-таки Юрий Демидович зорко следил за каждым моим шагом, терпеливо объяснял мои просчеты, строго взыскивал — все было как-то по-отцовски и поэтому совсем не обидно.

В общем, это был настоящий руководитель, как теперь говорят, наставник. До сих пор я с большим уважением и любовью вспоминаю Емельянова.

ВЫ ВОСПИТАЛИ НЕ ОДНУ СОТНЮ ТАЛАНТЛИВЫХ ИНЖЕНЕРОВ И ОРГАНИЗАТОРОВ. ЧТО, ПО-ВАШЕМУ, СПОСОБСТВУЕТ РОСТУ МОЛОДЕЖИ И ЧТО МЕШАЕТ?

— Я действительно помог некоторым инженерам и техникам, товарищам по работе, занять свое место в жизни. Передал свой опыт, свои знания. Думаю, что росту и профессиональному и гражданскому способствует преодоление страха перед черновой работой. Начинали мои подопечные мастерами, десятниками, и самым добросовестным образом выполняли любую работу: не «бегали» от геодезического инструмента, сами делали разбивку, съемки, старались в совершенстве овладеть профессией. Они были бесстрашны и в отношении жизненных условий. Помню Валерия Николаевича Рысакова. Он жил в свое время на так называемой стоянке Паука, в районе Хабзаса, у Абакана... Человек жил в палатке, да не один — с женой, тоже инженером. Эти люди были на редкость упорными, наверное, потому любые цели рано или поздно достигались, и эта молодая инженерная чета всегда испытывала огромное удовлетворение от работы... Вот откуда «зеленая улица» для роста. Больше работаешь — больше возможностей вырасти.

Ну а росту мешает успокоенность, удовлетворенность сегодняшним днем, своим положением в обществе... Вот что мешает. И, наоборот, когда человек неудовлетворен, пробует, ищет, как говорят, мается,— это верный признак натуры растущей.

КАК, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ЛУЧШЕ ПЕРЕДАТЬ ОПЫТ СТАРШИХ — ОПЫТ И НРАВСТВЕННЫЙ, И ГРАЖДАНСКИЙ, И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ?

— Только в процессе дела. Причем без ложных сантиментов, проявляя требовательность. Но вместе с требовательностью надо быть предельно объективным и справедливым, не упускать ничего хорошего из того, что сделал твой подопечный, и тут же указывать на ошибки, которые были допущены. Молодые люди не прощают необъективности и несправедливости в оценке их вклада, в оценке их работы. А требовательность должна быть самой высокой. Это способствует росту, способствует закалке.

ВЫ, ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ, ВЫРАСТИЛИ ДВУХ СЫНОВЕЙ. ВПОЛНЕ ЛИ ВЫ ДОВОЛЬНЫ ИЗБРАННОЙ ИМИ ПРОФЕССИЕЙ, ИХ ЖИЗНЕННОЙ ПОЗИЦИЕЙ?

— Любая профессия хороша. Если любит ее избравший, она его отблагодарит. Труд из-под палки, когда человек не любит свое дело,— вот что достойно сожаления да и не во благо это ни человеку, ни обществу. Тут профессию не грех сменить.

Своими сыновьями я доволен: выросли людьми скромными. Они самостоятельно — в отрыве от дома — прошли полный курс в МИИТе. Не избалованы. Трезвые люди. Трудолюбивые оба, деловитые. Один — инженер-электрик, он любит свое дело. А раз ему нравится, так и я доволен его профессией. Младший сын работает на стройке. Он прослужил два года в железнодорожных войсках после окончания института. К делу относится добросовестно, проявляет инициативу. Думаю, у обоих будущее хорошее, и мне беспокоиться не следует: ребята любят свое дело.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ НА СТРОЙКУ ПРИХОДИТ НОВОЕ ПОПОЛНЕНИЕ РАБОЧИХ И СПЕЦИАЛИСТОВ. СЕЙЧАС НА НОВОМ УРЕНГОЙСКОМ УЧАСТКЕ НАЧАЛЬНИКОМ КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНОГО СМП РАБОТАЕТ МОЛОДОЙ ИНЖЕНЕР АЛЕКСАНДР ПИТЕРСКИЙ. ЭТО ЧЕЛОВЕК ГОРЯЧИЙ, ИНИЦИАТИВНЫЙ. ВПИСАЛСЯ ЛИ ОН В ВАШ КОЛЛЕКТИВ?

— Меня привлекают черты характера Александра Павловича Питерского. Он мой земляк, но не в этом дело. Привлекают меня в нем неукротимая энергия и деловитость. Последнее качество не столь уж часто встречается в этом возрасте. Мне думается, что он человек обязательный. Во всяком случае, все, что он на себя принимал, выполнял неукоснительно. То, что мы назначили Питерского начальником поезда, было смелым с нашей стороны поступком. Мы знали, что он строитель не железнодорожный, с нашей спецификой слабо знаком, к тому же не прошел всей этой положенной у нас лестнички — от мастера до начальника СМП. Однако Александр Павлович имел очень большой опыт общественной работы. На протяжении нескольких лет он возглавлял республиканский студенческий отряд, успешно работавший на Тюмени. Учитывая это, мы решили его привлечь. Думаю, мы не ошиблись, и считаю, что как инженер он быстро приобретет навыки первоклассного железнодорожного строителя — такое, знаете, по хватке видать.

Это толковый инженер, энергичный командир, с широкими взглядами на жизнь, с широким организаторским диапазоном.

Могу вас заверить, что все предложения Александра Павловича Питерского (в частности его идея применения на стройке автоматизированной системы управления) будут не только внимательно выслушаны, но и всячески поддержаны.

ОПИРАЯСЬ НА СВОЙ МНОГОЛЕТНИЙ ОПЫТ, ЧТО БЫ ВЫ МОГЛИ ПОСОВЕТОВАТЬ НАСТАВНИКАМ И ВОСПИТАТЕЛЯМ МОЛОДЕЖИ?

— Во-первых, не задаваться целью сразу воспитать большое количество подопечных. Во-вторых, стараться проникнуть в их внутренний мир и подобрать правильный ключ, чтобы было полное взаимопонимание между руководителем и подопечным. В-третьих, развивать качества, без которых молодому человеку любой профессии придется в жизни туго,— упорство, умение искать лучшее решение, доводить начатое дело до конца. И, разумеется, честность, правдивость, добросовестное отношение к любому самому малому делу, партийную принципиальность и чуткость к человеку, ибо что бы мы ни делали, все — во имя человека, на благо людей.

НОВИЧОК В КОЛЛЕКТИВЕ

Ежегодно тысячи молодых приходят работать на заводы, фабрики, стройки, предприятия сферы обслуживания, в колхозы, научные учреждения, школы, больницы. За плечами одних — учеба в институте, техникуме, профессионально-техническом училище, другие начинают трудовую биографию сразу после школы. Иной с детства мечтал о профессии, которая теперь вписана в его трудовую книжку, другой оказался на заводе или стройке случайно, как говорится, в силу сложившихся обстоятельств. И тем не менее, при всей несхожести ситуаций, различии характеров и воспитания всех этих молодых людей объединяет то, что они новички. От того, насколько быстро и безболезненно «вживается» новичок в коллектив, зависят и успех дела и будущее молодого человека.

Как же идет этот процесс? Каким подчиняется законам? Какие трудности возникают на первых порах перед новоиспеченным рабочим или колхозником, начинающим педагогом или конструктором? Как коллектив помогает молодому человеку самоопределиться, занять свое место в обществе, работать творчески, утверждаться профессионально и граждански? Сразу же новички получают признание в коллективе, учатся полагаться на коллективное решение, чувствуют преимущество коллективного действия или дело обстоит сложнее: ломка привычек, прежних представлений неминуема, чувство коллективизма воспитывается, так сказать, с болью?

Этим вопросам и было посвящено очередное заседание «Клуба двадцатилетних». На заседание мы пригласили молодых рабочих, инженера, врача, научного работника, продавщицу, медсестру. Все они лишь год назад начали работать и, таким образом, являются новичками в коллективе.

Вести это заседание нашего традиционного клуба согласился делегат XXV съезда КПСС, Герой Социалистического Труда, помощник мастера Купавинской тонкосуконной фабрики имени И. Н. Акимова ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ КОЧЕТКОВ.

Фото А. КАРЗАНОВА.

мейстера. Портиш более серьезен в шахматах да и в жизни. Хотя Ларсен по таланту никак не ниже. Но играет датчанин слишком уж в азартные шахматы, а у самого нервы не выдерживают. Он и в турнире неровного смешанного состава — а ведь это был его конек — уже не выдерживает. И не ссылайся на его победу в Швейцарии — ему в Биле никто нервы понастоящему не портил. Вот в 1973 году на межзональном — там была конкуренция, и все помнят, чем это кончилось для Ларсена, начавшего с одних побед. Говорю про нервы Ларсена и вспоминаю, что у Портиша тоже нет прежней выдержки. Он все чаще не в форме и все реже играет ровно и уверенно... Не скрою, фаворитом первой четверки я вижу Спасского.

Вторая четверка получилась значительно сильнее. О матче Петросяна с Корчным мне говорить трудно. Не пожелав возвратиться после международного турнира на Родину, бывший мой соперник жестоко скомпрометировал себя, много потерял и как человек и как шахматист. Не должно это пройти бесследно, и поэтому я не отдал бы ему теперь предпочтения в начинающемся матче. Петросян же в последнее время имеет много счастья в турнирах. И это его счастье в сочетании с сохранившейся шахматной силой делает экс-чемпиона чрезвычайно опасным для всех.

— А что ты скажешь о Мекинге? Три года назад ты ставил его не слишком высоко...

— Вокруг все говорят о Мекинге. Иногда вполголоса, иногда громко. Что же, он стал умнее, сдержаннее. Он теперь зрелый претендент. Не могу сказать, что бразилец, победив на межзональном, показал там какую-то сверхъестественную игру, он просто грамотно вел свою линию. Мекинг много работал и работу эту начал не сегодня — и вот она дала плоды. В Маниле он легко «снимал» слабых, а с сильными даже белыми согласен был на короткие ничьи. Мое прежнее не слишком высокое мнение о Мекинге изменилось в лучшую сторону не только с усилением его игры. Ситуация в шахматном мире за три года тоже изменилась. У Мекинга появились новые плюсы, у его конкурентов—новые минусы. А это как раз тот случай, когда плюсы и минусы взаимно не уничтожаются...

По своему творческому содержанию четвертьфинальный матч между Мекингом и Полугаевским видится мне едва ли не самым интересным. В нем предпочтение, хотя и небольшое, я отдаю бразильскому гроссмейстеру. Верно, Мекинг по-прежнему лезет в цейтноты и нервничает в них. Однако характер у него сильный. И Полугаевский здорово играет в турнирах, но в матчах не столько играют, сколько борются — с характером соперника, со своим характером.

Чемпионат страны, как вы знаете, начался для Карпова неудачно. После двух ничьих он проиграл Ефиму Геллеру. Этот гроссмейстер во время финального претендентского матча был дебютным консультантом Анатолия. Опасаясь всем известной эрудиции Геллера, Карпов решил преподнести ему сюрприз и впервые в жизни сыграл трудную французскую защиту. Но недаром говорят: чтобы раз выиграть в этой защите, надо сначала проиграть много «французских». Геллер получил большой перевес, а затем, когда казалось, что черные уже извернулись, блестяще пожертвовал ферзя и одержал победу. После этого Карпов делил предпоследнее место.

Тяжело играть у себя дома: нет пророков в своем отечестве (никто из чемпионов мира вот уже двадцать лет, со времен Ботвинника, не выступал в первенствах страны). Здесь далеко не все пасуют перед сегодняшним чемпионом — молодым человеком, который рос на глазах и с которым, уверены, знают, как играть.

Но после поражения от Геллера он выиграл при шести ничьих восемь партий. Половину из них Карпов, большой любитель белых фигур, выиграл черными. Ничья в последнем туре обеспечивала Карпову чистое первое место. Его противника Цешковского ничья тоже устраивала. Все ждали мирных переговоров, но Фурман, тренер Карпова, сказал:

— В такой ситуации Толя откажет в ничьей даже отцу родному.

Когда я рассказал об этом одержавшему вскоре красивую победу Карпову, он заметил серьезно:

— Нет, отец родной—единственный человек, с кем я бы сейчас согласился на ничью.

Его отец лежал в это время в больнице. Потом захворала и тоже попала в больницу мать. Самого Толю весь турнир преследовала простуда. А он выиграл первое место так убедительно, словно все эти испытания свалились на голову его конкурентам.

Петросян и Полугаевский разделили третье-четвертое место, отстав от Карпова на полтора очка. Я спросил, не изменилась ли его оценка возможных результатов четвертьфинальных претендентских матчей. Чемпион мира и чемпион СССР ответил, что нет, корректировать свои прогнозы он не станет. Потом добавил:

— По-моему, в 1976 году почти все представители старшего поколения последний раз выделились в межзональных турнирах. Только молодые будут понастоящему претендовать теперь на мировое первенство.

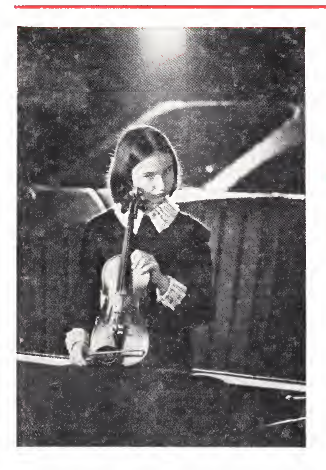
Карпов уже называл наиболее талантливых молодых зарубежных гроссмейстеров. А у нас среди молодых он особенно высоко ставит теперь Юрия Балашова, о котором, кстати, и три года назад он писал уже в «Юности». Балашова Карпов знает с детских лет: вместе играли в юношеских соревнованиях, вместе занимались в школе Ботвинника. Перед чемпионатом СССР Анатолий говорил про Юрия:

— Характер у него есть. Надеюсь, он уже вышел из кризиса, научился применять свои богатейшие знания. Ему теперь нужна хотя бы одна большая, яркая победа, которая бы его согрела и подняла на гребень эмоциональной волны. Если это случится, с Балашовым придется считаться всерьез.

А разве второе (после чемпиона мира) место в выдающемся по составу турнире, каковым был последний чемпионат страны, не есть такая победа?

Двадцатичетырехлетнего львовского мастера Иосифа Дорфмана, явившегося подлинным открытием чемпионата страны, на котором он занял пятое место, Карпов до этого почти не знал. Этот «задира» (определение Карпова) принял от чемпиона мира жертву фигуры и не стал пассивно защищаться, а все норовил обыграть соперника в контратаке. На закрытии турнира именно эту свою победную партию Карпов показывал зрителям, не скрывая, что игра Дорфмана произвела на него немалое впечатление...

За несколько туров до конца чемпионата страны в третьем ряду зрительного зала тихо пристроился смуглый невысокий человек. Его появление прошло для многих незамеченным, но из первого ряда установленных на сцене столиков Карпов сразу увидел Кампоманеса. Увидел и не мог скрыть своего волнения. Но, увы, вице-президент ФИДЕ не привез от Фишера никаких новых предложений, кроме прежнего упрямого пожелания играть неофициальный матч с чемпионом мира до десяти побед. И оба — играющий чемпион мира и покинувший шахматную сцену экс-чемпион — остались на своих позициях...

Сто минут чистой музыки ежевечерне

Прошедшей осенью в Западном Берлине состоялся IV конкурс молодежных симфонических и камерных оркестров, организованный фондом Герберта фон Караяна. В этом единственном в мире соревновании оркестров на сей раз принимали участие коллективы из Австралии, Австрии, Болгарии, Польши, СССР, США, Финляндии, ФРГ, Чехословакии, Японии. Все оркестры были составлены в основном из студентов консерваторий. А нашу страну представлял струнный оркестр школьников — учеников Вильнюсской средней школы искусств имени Чюрлёниса. Этот коллектив и был признан лучшим среди камерных оркестров, а среди симфонических оркестров победил коллектив из ФРГ.

Вот уже 21 год струнным оркестром школы имени Чюрлёниса руководит народный артист Литовской ССР Саулюс Сондецкис. Он говорит:

«Возможности детей и подростков часто недооценивают. Конечно, выучить программу с ними труднее, и это требует большего времени, но потом дети во многом не уступают взрослым. А если и уступают во владении инструментом и в музыкальной зрелости, то обладают качествами, которые зачастую утеряны взрослыми профессиональными оркестрантами: непосредственностью, увлеченностью и страстным подчинением воле своего дирижера».

С рассказом о конкурсе и о своем оркестре у нас выступает ученица 10-го класса Вильнюсской школы искусств шестнадцатилетняя Лолита Кишонайте (вы видите ее на снимке).

Через полтора года я окончу одиннадцатый класс и постараюсь поступить в консерваторию, но я и думать не хочу, что придется расстаться со школой. Каждое утро, приходя в школу, я поднимаюсь по лестницам, оглядываюсь и вижу: все здесь строго уместно, как и должно быть в школе искусств. Кроме музыкального, в нашей школе еще художественное и балетное отделения. Я дружу с ребятами художниками и, если бы не играла на скрипке, то хотела бы рисовать.

Моя ближайшая подруга — Антанина Катилюте. Мы учимся вместе с третьего класса. Но она дружила сначала с другой девочкой. Я все время ходила за ними, переживая, что Антанина дружит не со мной. Потом та девочка переехала в другой город, и однажды — это было в пятом классе — мы с Антаниной шли после школы. Было пасмурно, холодно, и мне так захотелось открыть ей душу. Видно, желания наши совпали, и мы долго и хорошо в тот день говорили.

В восьмом классе мы с Антаниной пришли играть в школьный оркестр. Антанину посадили в группу вторых скрипок, а меня в группу первых. Сидим мы так, что видим друг друга. И когда вторые скрипки ведут тему, а мы молчим, я слушаю ее и взглядом спрашиваю: ну как тебе?

А рядом со мной, за одним пультом, сидит Аушра Русяцкайте. Мы с Аушрой во многом поразному мыслим, но когда садим-

ся за пульт, то чувствуем взаимно большую доброту.

Впереди нас, за вторым пультом, сидят Витас Микелюнас и Альгис Паукште. Они из одного скрипичного класса. Очень сильные ребята. Оба лауреаты юношеского международного конкурса имени Коциана в Чехословакии. Мне кажется, что это самая звучная пара в нашей группе скрипок. К тому же у них обоих феноменальная память. Как-то мы давали концерт в Каунасе, и Альгис разбил очки. Он совсем не видел нот, и мы очень беспокоились: как он сыграет? А он сыграл всю длинную программу точно — до единой ноты. Витас тоже все играет наизусть.

За первым пультом — концертмейстер Ася Кацайте и рядом с ней Вилия Талимаа. Ася старше меня на два года, но я совсем не чувствую себя с ней стесненно. Она красивая, мягкая, добрая, но когда работает с нами, с первыми скрипками, в ней проявляется твердость. Наш дирижер говорит, что она хорошо ведет группу и ему легко дирижировать, когда концертмейстер понимает его. А Вилия, наверное, самая музыкальная из первых скрипок.

И она и Аушра тоже лауреаты конкурса скрипачей в Чехословакии. Я бы могла с удовольствием рассказывать о каждом из наших оркестрантов и как угодно долго, но ведь нас в оркестре тридцать шесть человек! Поэтому скажу еще только о нашем Львенке. Его зовут Лютаурас, что схоже с русским именем Лев. Лютаурас Бальчюнас. Ему тринадцать лет, он в седьмом классе и обычно в нашем оркестре не играет, потому что он пианист. Но в Западный Берлин он с нами ездил, так как умеет хорошо играть на литаврах. Он бил в литавры, когда мы исполняли «Камерную симфонию» Шостаковича. И так растрогал публику, что ему громко аплодировали: «Браво, литаврист!»

О себе говорить трудно, но временами мне кажется, что я играю хорошо. Однако чувствую как бы границу: вот она, видна — между «хорошо» и «очень хорошо». Я не могу ее пока что достигнуть, но живу надеждой.

Теперь о конкурсе.

На следующий день после приезда у нас была первая репетиция, и в тот же вечер начался конкурс. Мы были обязаны слушать все оркестры. Каждый вечер — 100 минут чистой музыки. Это много. Играть такую длинную программу трудно, но слушать — приятная обязанность.

Первым выступал симфонический оркестр из ФРГ. Вышли бородатые студенты, по-разному одетые, и начали играть «Майстерзингеры» (вступление к опере Вагнера «Нюрнбергские майстерзингеры»). «Ого,— подумала я,— ну и звучит». Они получили 10,75 балла из 12 возможных.

На следующий день — Бостонский оркестр из США. Это были молодые дублеры знаменитого «Бостонского». Очень симпатичные ребята. Они играли Белу Бартока, концерт для оркестра. Ярко, броско. Были такие куски! Я замирала. И опять можно было испугаться и подумать: «Куда нам-то до них?» Американцы получили 9,69 балла.

Потом японцы играли «Гросс» Катори Макино. Труднейшая вещь, не каждый оркестр решится. Их девушки были во всем черном, а у мальчиков белыми были только воротнички рубашек. Им поставили 8,80.

А болгары и поляки, которые тоже играли очень сильно, мне показались совсем взрослыми — у многих я заметила обручальные кольца. Зато австралийцы были почти нашего возраста — во всяком случае, не старше двадцати. В их оркестре играла тринадцатилетняя виолончелистка, которая прилетела на конкурс со сломанной ногой. Мальчики носили ее на руках.

Австралийки в длинных светло-зеленых шелковых платьях выглядели красиво. Мальчики же в строгих зеленых костюмах выглядели странно. Зато было видно, что все они с «Зеленого континента». Они сразу начали так свободно держаться с нами, как будто мы были давними друзьями. Они, может быть, сыграли слабее других, но непринужденно, искренне. Мне они очень понравились.

А мы продолжали репетировать. У нас в программе была самая разная музыка. «Павана» Перселла, играть которую так удобно — так и плывут смычки, зато в его «Чаконе», хотя это тоже танец, мне слышна чья-то тяжелая поступь, как будто кто-то идет с ношей по лестнице... Манфредини — старинный итальянский композитор. Его музыка легкая и пышная, как взбитые сливки. В «Токатте» Байораса — синкопы, синкопы... Музыка, поблескивая, переливается... «Серенада» Чайковского доставляет воодушевленную радость.

Наш дирижер Сондецкис говорит нам: «Чем больше вы будете играть Шостаковича, тем больше он вам будет нравиться». На конкурс мы привезли «Камерную симфонию» Шостаковича. Эта музыка посвящена памяти жертв фашизма и войны. После каждой репетиции этой симфонии я вставала из-за пульта совершенно обессиленной.

Однажды после репетиции нас повели в зоопарк. Интереснее всего было у обезьян. Если не знать, что это обезьяны, то их можно было принять за людей, переодетых в шкуры. Мы уже привыкли объясняться жестами, вот и тут попробовали так объясниться. Получилось. Во всяком случае, обезьяны пошли на контакт. Витас сказал: «Признали за своих».

Немецкие дети катались на лошадках верхом. Морской лев с удовольствием позировал фотографам. Был и настоящий лев, но очень скучный.

Утром, в день конкурсного концерта, я проснулась, приподнялась в постели и посмотрела в окно. Лил дождь. Я подумала: хорошо. Это у меня такая примета. А мы с мамой верим в приметы. Наш учитель Саулюс Сондецкис сказал нам: «Не волнуйтесь. Посмотрите на меня и увидите, что я не буду волноваться». Главный устроитель конкурса профессор Герберт Алендорф пришел в то утро на нашу последнюю репетицию, немного послушал и сказал: «Я рад, что вы хорошо подготовлены и играете смело». А вечером, когда мы будем ждать за кулисами своего выхода, Алендорф скажет нам ласково: «Ну, детки, пойдем играть».

Наш дирижер поднялся на помост. Он вытянул руку и показал нам палочку. Мы сразу поняли, что он хочет этим сказать: «Видите, моя рука не дрожит, значит, и вам надо успокоиться». Палочка висела в воздухе странным, ярким штрихом. Мы заиграли. И я сразу почувствовала, что зал взят.

Первое отделение мы заканчивали «Камерной симфонией» Шостаковича. Наш учитель Сондецкис говорит, что эта музыка еще слишком сложна для нас. Он рассказывал нам, когда мы начинали репетировать «Камерную симфонию», о трагических картинах войны, о мирном городе, на который вдруг обрушиваются смертоносные бомбы... Он говорил, что не знает, что именно «видел» Шостакович, когда писал эту симфонию, но считает возможным рассказать нам все это, чтобы облегчить нам восприятие музыки.

И вот мы играем третью — самую страшную — часть симфонии. И я вижу, как по сожженному городу идет ребенок. Может быть, это единственный оставшийся в живых человек... И первые скрипки играют тихонечко вальс. Страшный вальс, как бы сама смерть приглашает тебя на танец.

Караян, когда слушал нас в последний день перед тем, как самому дирижировать интернациональным оркестром, в котором были представлены все десять оркестров, принимавших участие в конкурсе, как раз с этой-то части и стал по-настоящему слушать. До этого он сидел в зале с таким видом, словно хотел сказать: «Да, хорошие детки, хорошо играют». Но тут (я это видела сама) он стал слушать.

А тогда мы оставили сцену под гром оваций. За кулисами появился возбужденный Алендорф и говорил: «Комиссия поражена! Комиссия поражена!..»

Мы доиграли программу. Два члена комиссии даже поставили нам 12,0. Мы набрали наивысший балл среди всех оркестров—11,3— и, как говорят спортсмены, стали абсолютными чемпионами. В день закрытия конкурса Герберт фон Караян собственноручно вручил нам большую золотую медаль своего имени.

.Пятеро из нас вошли в интернациональный оркестр, которым дирижировал Караян. Теперь, сама не играя, но зная музыку, я смотрела на Караяна, решив понять наконец тайну силы дирижера. Когда наш учитель Сондецкис дирижирует нами, я всегда чувствую увлекающую, непонятную его власть.

Я стала пристально следить за лицом и руками Караяна, но ничего у меня не вышло. Я была в его власти и ничего не поняла.

Мне кажется, я навсегда запомню музыку, которая звучала в дни конкурса. Да и не только музыку. Помню, как совсем взрослые болгары всем оркестром пришли нас поздравить. Они хотели пригласить нас в кафе, но на следующий день им предстояло играть, а утром—еще репетировать. Помню и то, как на банкете во дворце Шарлоттенбург было весело и многие оркестранты оставляли свои автографы на гипсе маленькой австралийской виолончелистки. И как публика восторженно аплодировала нашему Львенку, который так лихо бил в литавры, и сам Герберт фон Караян пожал ему руку.

Лолита КИШОНАЙТЕ

ЕМУ СНИЛИСЬ ЭТИ АКУЛЫ

На снимке: у Валерия Косяка теперь дома — акулье чучело...

Фото А. ТАРАНА.

О том, как Валерий Косяк, моторист теплохода «Капитан Вислобоков», выпал в Индийском океане за борт и плыл четыре часа в окружении акул, в свое время уже сообщалось в газетах. Я хочу возвратиться к этой истории, ибо необычайное умение владеть собой, позволившее двадцатипятилетнему моряку, который никогда не был хорошим пловцом, да и вообще спортивными успехами не отличался, выбраться из акульего плена, вновь помогло ему — преодолев все свои страхи, Валерий опять ходит в море.

Вспомним, как все было. В тот вечер Валерий, ремонтируя спасательную шлюпку, оступился и ушиб при падении голову. Доктор дал ему таблетку и отправил спать, сказав, что утро вечера мудренее.

В семь утра Валерий проснулся. Ему показалось, что в каюте душно, и, наскоро надев рубашку и брюки, он вышел на палубу юта— это самая нижняя открытая часть кормы. По белым барашкам волн моряк определил, что волнение в океане в районе пяти баллов. Судно, следовавшее из Одессы в Хайфон, находилось недалеко от острова Цейлон. Вдруг Валерий заметил, что ограждение палубы, у которого он стоял, повреждено — надломленные металлические прутья были загнуты так, что образовался опасный проем. Заглянув в него, Валерий совсем близко увидел пенистый водоворот, у него закружилась голова, и он упал...

До сих пор Косяк не может объяснить, как это он, находясь почти без сознания, смог в те первые минуты удержаться на воде. Пребывая в полузабытьи, он лишь удивлялся тому, что корма судна постепенно отдаляется. Но судно уходило все дальше, и Валерий начал осознавать трагизм своего положения. Он сбросил с себя брюки и рубашку. Плыть стало легче, но волны мешали наладить дыхание. Прошло минут десять—пятнадцать, когда какой-то непонятный удар в ноги окончательно возвратил его к действительности. В метре от себя он увидел пасть акулы.

Ему стало страшно. В первый момент хотел было ударить акулу по морде, но не решился, побоявшись, что акула тотчас схватит его за руку. Надумал с шумом бить по воде руками и ногами, на-

деясь этим отпугнуть акулу. Попробовал — действительно, она отплыла чуть дальше и некоторое время не приближалась.

Судно уже скрылось, когда Валерий увидел невдалеке от себя другую акулу, третью, четвертую... Как бревна, проплывали они рядом, не шевеля ни хвостами, ни плавниками, а потом выстроились вокруг него в кольцо. Новая вспышка страха овладела им. Потом вспомнил, что где-то читал, что акулы не всегда бывают агрессивны. Главное, не показаться им обессилевшим. И он решил, что будет держаться, пока не дождется помощи. Он заставил себя поверить, что на «Капитане Вислобокове» рано или поздно заметят его отсутствие, а тогда, конечно, повернут обратно и непременно найдут его.

Ветер усилился, и волны стали все чаще его захлестывать, и в какой-то момент он подумал, что, поглощенный борьбой с волнами, он потерял направление и начал вспоминать, как надо ориентироваться в открытом море. Освободившись от очередной волны, он увидел выглянувшее из-за облака солнце. И сразу перед ним возникла картина, которую он наблюдал еще недавно, стоя на корме: солнце было справа, а волны шли с юго-востока. Теперь он плыл, сверяясь с обоими ориентирами.

Валерий потом говорил: «Будь в океане штиль, я, наверное, вскоре пошел бы ко дну. А здесь нужно было сопротивляться волнам, и в этой борьбе рождались силы».

Что он утратил полностью, так это ощущение времени — не мог определить, как долго находится в этом страшном плену у акул. Их кольцо не сужалось, но и не размыкалось. Пытаясь отогнать черные мысли, Валерий начал петь: «Не жалею, не зову, не плачу...» Пение помогло ему выровнять дыхание...

Он плыл целых три часа, пока не увидел далеко на горизонте судно. Как это ни странно, но именно тут он почувствовал, что силы оставляют его. Когда судно приблизилось, ему показалось, что оно идет мимо, что его не заметили...

Но, разворачиваясь, судно направлялось прямо к нему. С палубы уже бросали спасательные круги и жилеты, однако ветром их сносило в сторону. Он все же дотянулся до одного из оранжевых жилетов и, накрыв его своим телом, в изнеможении свесил руки и ноги, наслаждаясь отдыхом. «Как ты мог оставаться спокойным среди акул, почему не спешил к нам?» — спрашивали его потом на судне. «Акул я уже не замечал,— говорил он,— а отдых был таким долгожданным, даже не знаю, как без этого отдыха я добрался бы до шторм-трапа».

На этой раскачивающейся вертикальной лесенке из канатов и деревянных планок Косяка ждало новое испытание. Акулы, словно поняв, что добыча ускользает от них, стали выпрыгивать из воды, норовя схватить человека за ноги. А его ноги, как назло, скользили, срывались... Ступив наконец на палубу, он произнес: «Передайте капитану, что чувствую я себя хорошо» — и упал, потеряв сознание.

Через пять минут его, почерневшего от переохлаждения (температура воды за бортом была на 10 градусов ниже температуры человеческого тела) уже растирали спиртом в судовом лазарете. Несколько дней бреда, упавшего давления, сердечной аритмии и бесконечных уколов предшествовали тому счастливому моменту, когда он, придя в себя, смог окончательно осознать, что его жизнь уже вне опасности.

Что же происходило на судне в эти четыре часа? Вспомним, Валерий Косяк оказался за бортом в восьмом часу утра. В 8 часов 40 минут капитану доложили об отсутствии моториста Косяка на разводе и завтраке. После тщетных поисков на судне в 9 часов 5 минут был взят обратный курс. Объявлена общесудовая тревога. Выставлены впередсмотрящие и наблюдатели за водной поверхностью. И вот в 10 часов 50 минут по всему судну зазвучали прерывистые электрические звонки — обнаружен человек за бортом. Через десять минут увидели, что это моторист Косяк. Из-за сильного ветра и крупной зыби вместо шлюпки—той самой, которую ремонтировал Косяк—за борт был спущен шторм-трап. Сверху моряки увидели множество (кто-то насчитал больше двадцати) акул, которые кишели вокруг их товарища. Чтобы отогнать их, лили вниз машинное масло...

Для того, чтобы Валерий Косяк мог быстрее оказаться на берегу и полностью восстановить здоровье, его доставили попутным судном из Хайфона во Владивосток, а оттуда он прилетел в Одессу.

Почему его не тронули акулы — вопрос, который наверняка интересует многих. Ученые-океанологи отмечают, что акулы не всегда нападают на людей, как, впрочем, и на дельфинов. Валерий же предполагает, что акул могли отпугнуть оранжевые полосы на его плавках. Другой моряк—старший механик турбохода «Фредерик Жолио-Кюри» Николай Алексеевич Пулько — недавно рассказывал мне, как он, занимаясь подводной охотой в оранжевом легководолазном костюме, столкнулся с акулой, которая тоже на него не напала. Но все это, конечно, еще не дает оснований для вывода, что акулы опасаются оранжевого цвета.

Вернувшись посреди рейса домой, Валерий решил не рассказывать жене о случившемся, а лишь сказал, что слегка заболел, теперь нужно немного подлечиться, а затем—снова в плавание. Но вскоре все выяснилось — его выдали ночные кошмары. Ему снились проклятые акульи пасти, и тогда он вновь переживал ужасы тех четырех часов. Так продолжалось полгода...

Отпуск кончился, но выходить в море он не решался. Ему предложили временно поработать на судоремонтном заводе, но через несколько месяцев вновь пригласили в отдел кадров и посоветовали все же попробовать сходить в рейс. Направление дали на теплоход «Балашиха». Валерий согласился. Поговорил даже со старшим механиком «Балашихи» и узнал, чем придется заниматься в рейсе. Однако, стоило ему после этого разговора выйти на палубу, как снова ожили былые страхи. Он тотчас вернулся в каюту стармеха и, ничего не объясняя, сказал, что в рейс пойти не может.

Лишь спустя десять месяцев после того злополучного дня Косяк, случайно проходя мимо отдела кадров, вдруг ощутил знакомую каждому моряку тоску по морю и мгновенно принял решение. И теперь он опять плавает мотористом. Нормально плавает, хотя поначалу, стоило ему оказаться в штормовую погоду на палубе, ему было не по себе...

Однажды я ему сказал: «Валерий, а если бы такой случай с тобой повторился...» «А я об этом думал,— быстро ответил он.— Если еще раз окажусь в океане, то, наверное, буду чувствовать себя спокойнее, опыт ведь уже есть. А вообще, чем больше проходит времени, тем меньше верится, что все это произошло со мной наяву...»

А недавно Валерий привез из рейса чучело молодой акулы, выловленной друзьями у американских берегов Атлантического океана. Он говорит: «Пусть будет дома память...»

Александр
КНОП

Александр КУРЛЯНДСКИЙ

Мокрые ботинки

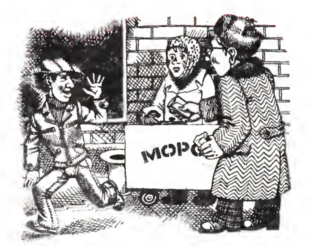

Рисунок С. ШЕХОВА.

Он шел по теплой весенней улице и думал о прогрессивке, о видах на новую квартиру, о жене, которая сильно располнела за последнее время, и о Шурочке, красавице Шурочке из соседнего отдела. Он думал, что хорошо бы получить прогрессивку и махнуть с Шурочкой в Таллин, поселиться в каком-нибудь небольшом отеле, побродить по узким таллинским улочкам. Он думал, что при скромном образе жизни этой прогрессивки хватит на неделю-другую, если, конечно, не ехать в мягком вагоне и не особенно тратиться на варьете.

Он шел в управление, по крайней мере он сказал, что идет в управление, а на самом деле просто гулял, широко распахнув пальто и сдвинув на затылок тяжелую зимнюю шапку. Он искал место, где можно будет спокойно покурить и не спеша обдумать вопрос о поездке в Таллин. Он собирался свернуть налево, туда, где виднелся маленький скверик, как вдруг заметил невдалеке группу мальчишек.

Мальчишки шли, как-то странно опустив головы, внимательно вглядываясь во что-то, под самыми их ногами. Петр Матвеич подошел поближе и улыбнулся. Он вспомнил свое детство, свои метр тридцать без шапки, когда он, так же, как эти мальчишки, пускал вдоль тротуара спичечные кораблики. Он пошарил по карманам в поисках спичек, но не нашел ничего, кроме газовой зажигалки. Тогда Петр Матвеич подошел к мальчишкам и, понимая всю глупость своей просьбы, сказал:

— Мальчики, у вас не найдется спичек?

Один из мальчишек, со съехавшим набок пионерским галстуком, поднял голову:

— А зачем вам?

— Кораблик пустить.

Мальчишки засмеялись.

— Нет у нас спичек. Мы некурящие.

Петр Матвеич растерялся.

— Я отдам. Я потом целый коробок куплю.

— Потом будет суп с котом!

Спички доплыли до чугунной решетки, повертелись в мутном водовороте и вместе с расползшейся папиросиной унеслись вниз.

— Я первый! — закричал паренек с редкими некрасивыми зубами, и все, смеясь и толкаясь, побежали по тротуару.

— Куда вы? — крикнул Петр Матвеич.

— Уроки учить!..

И тут Петр Матвеич вспомнил, как он и его одноклассник Борька Румянцев весело прогуливали уроки, как забирались они на ржавую, нагретую солнцем крышу сарая, раздевались до пояса и читали фантастические книжки о полетах на Марс, о межпланетных лабораториях и прочей, теперь смешной чепухе.

— Постойте, ребята!

Мальчишки остановились.

— Хотите мороженого?

— Мы только что ели.

— А в кино? Хотите в кино?

— Чего мы в кино не видели?.. У него дома — цветной телевизор, — сказал паренек с некрасивыми зубами и показал на мальчика в дубленке.

Тот серьезно кивнул головой, мол, правда, цветной телевизор имеется.

И ребята снова побежали по тротуару.

Петру Матвеичу стало тоскливо и одиноко, и прямо по лужам он побежал за ними:

— Постойте!

Мальчишки обернулись. Тот, который с некрасивыми зубами, судя по всему самый главный, раздраженно спросил:

— Ну, чего вам? Чего надо?

Петр Матвеич поправил шапку:

— Мне ничего не надо...

— Ничего не надо, а пристаете. Может, надо чего?

Петр Матвеич обиделся:

— А почему ты так со мной разговариваешь? Я что, твой товарищ? Я тебе в отцы гожусь!

Мальчишки засмеялись:

— Папуля!

— Да, папуля! Вот я поймаю тебя, говорун, тогда ты у меня посмеешься!

— Поймал один такой!

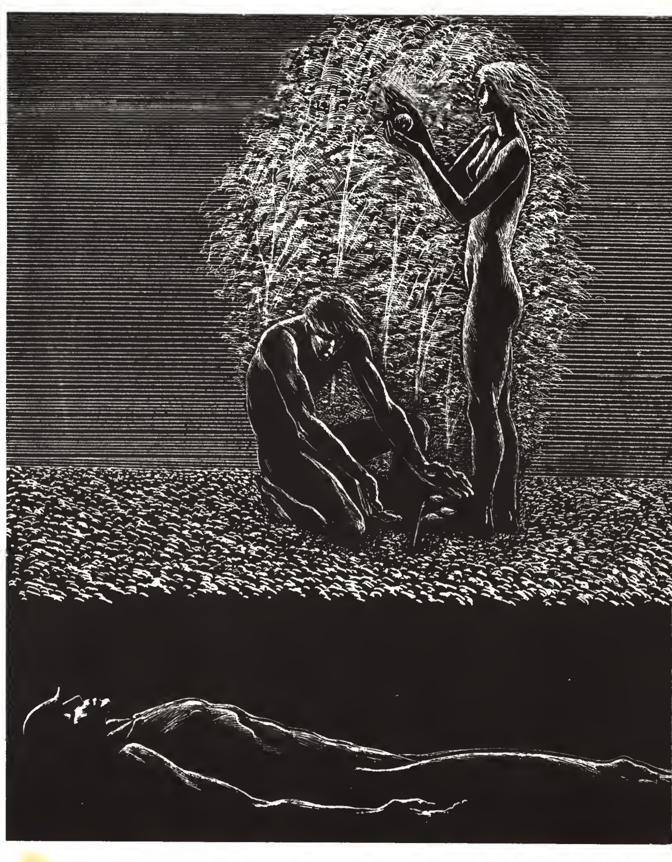
— Слишком вы, дяденька, толстый!

И самый главный из них показал Петру Матвеичу длинный красный язык.

Не помня себя от злости, Петр Матвеич кинулся на мальчишек, но они разбежались в разные стороны. Тогда он выбрал самого противного из них, того самого с редкими некрасивыми зубами, и бросился за ним.

Силы были явно не равны. Мальчишка был верткий и быстрый, а Петр Матвеич вот уже десять лет страдал ишемией. Но им двигала обида за свое далекое поруганное детство

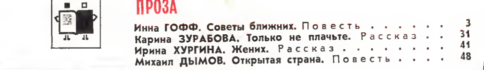
Около газетного киоска он сделал обманный финт, мальчишка попытался проскочить между ним

С. КРАСАУСКАС.

ЖИЗНЬ. (Цинкография).
Из цикла «Вечно живые».

23 - 42
Цена 50 коп.
Индекс
71120

ПРОЗА